Автономная некоммерческая организация
содействия развитию современной отечественной науки
Издательский дом «Научное обозрение»

Т. В. Владимирова

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

МОНОГРАФИЯ

Москва 2014

УДК
ББК
В57

Рекомендовано к опубликованию АНО содействия развитию современной отечественной науки **Издательский дом «Научное обозрение»** (протокол от 14 сентября 2014 г. № 21)

Рецензенты:
В. И. Соколова, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной и педагогической информатики Российского государственного социального университета (РГСУ), г. Москва, Россия;
В. М. Золотухин, доцент, доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии, политических отношений и права Кузбасского государственного технического университета, г. Кемерово, Россия

Владимирова, Т. В.

В57 Социальная природа информационной безопасности [Текст] : монография / Т. В. Владимирова ; АНО содействия развитию соврем. отечеств. науки **Изд. дом «Науч. обозрение»**. – М. : АНО **Изд. Дом «Науч. обозрение»**, 2014. – 239 с. – Библиогр.: с. 203–237.

ISBN 978-5-9905764-0-7

Книга призвана дать целостное представление о социальной природе информационной безопасности. Взаимосвязь информации и безопасности как устойчивости и социальной упорядоченности; безопасность субъекта в условиях нарастания интенсивности информационных потоков и особенности социальных практик обеспечения информационной безопасности; роль киберпространства в обеспечении безопасности субъекта и анализ основных групп угроз в Интернете – вот основные вопросы, которые автор пытается осмыслить и предложить концептуализацию проблемы информационной безопасности в рамках социально-философского дискурса.

Предназначена государственным служащим, сотрудникам специальных служб, правоохранительных и следственных органов, PR-менеджерам, политологам и политтехнологам, журналистам и аналитикам СМИ, а также научным сотрудникам, преподавателям, студентам и аспирантам, научные интересы которых лежат в сфере информационной безопасности.

УДК
ББК

ISBN 978-5-9905764-0-7

© Владимирова Т. В., 2014
© Оформление. АНО **Издательский Дом «Научное обозрение»**, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА 1. БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНФОРМАЦИЯ: К СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ .. 23

1.1 Об основных подходах к понятию «информационная безопасность» 23

1.2. Безопасность как устойчивость социального порядка в условиях роста вариативности коммуникации, выраженной в интенсивности информационных потоков 28

1.3. Девиация как вариативность социальной коммуникации и понятие информации. Информация в теории социальной эволюции Н. Лумана 46

1.4. О подходе к понятию информационной безопасности 52

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РОСТА ИНТЕНСИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ СЕТЕЙ И ПОТОКОВ 57

2.1. Рост интенсивности социального информационного взаимодействия и особенности современных социальных практик 57

2.2. Новые социальные мобильности: особенности современных социальных практик обеспечения информационной безопасности 77

2.3. Темпоральные характеристики социальной практики как критерий обеспечения информационной безопасности 94

2.4. Социальные практики и структуры обеспечения информационной безопасности 106

ГЛАВА 3. БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТА В УСЛОВИЯХ КИБЕРПРОСТРАНСТВА 120

3.1. Основные подходы к изучению современного информационного сетевого пространства. Киберпространство как система мобильностей 120

3.2. Киберпространство как новая структура накопления и ускорения варьирования (девиации) коммуникации 143
3.3. Сетевые коммуникации как потенциальная локализация аномии. Национальная и государственная безопасность в соотношении общего и частного 150
3.4. Сетевые практики обеспечения информационной безопасности 155
3.5. Угрозы в Интернете 169

ЗАКЛЮЧЕНИЕ....179

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 203

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ 238

ВВЕДЕНИЕ

Обращение общественного сознания к проблемам информационной безопасности связано с новыми особенностями жизни в современном обществе. Сокращаются социальные практики аграрного и индустриального производства – они технологизируются, становятся интеллектуальноемкими, информационноемкими. Все большая часть общества вовлекается в работу с информацией. Информация становится важнейшим ресурсом общества. Наряду с понятием «промышленная индустрия», «инфраструктура промышленности» все чаще в деловом языке мы встречаем понятие «информационная индустрия», «информационная инфраструктура». М. Кастельс отмечал, что наступающая информационная эпоха характеризуется специфической формой социальной организации, в которой новые технологии генерирования, обработки и передачи информации стали фундаментальным источником производительности и власти [82]. Сложно не согласиться с тем, что сегодня всякая социальная практика, особенно связанная с производством и управлением, в широком смысле этого слова, актуализирует определенный спектр информации и обусловлена проблемой информационной безопасности.

Нарастание сложности, многоаспектности социальных практик, рост скорости их протекания связаны с ростом интенсивности информационных процессов в обществе и возрастающей скоростью устаревания информации. Подобная ситуация вызывает к жизни новые риски и угрозы, одновременно умножая прежние. Риски и угрозы являются основными параметрами, с помощью которых сегодня прогнозируются и решаются любые социальные проблемы: будь то государственное управление, связанное с постоянным реформированием социальных структур, будь то социально-экономические решения, принимаемые различными другими социальными субъектами. Безопасность субъекта, как и безопасность системы общества в целом, определяется наличием/отсутствием информации и возрастаю-

щей скоростью устаревания информации. Причиной тому и другому является рост интенсивности коммуникаций в обществе.

В современном мире развитие и усложнение социальной реальности выражается в увеличении количества и разнообразия социальных ситуаций, ведущих в том числе ко все большему обобщению и нивелированию социальных норм и к росту самой проблемы нормирования социального пространства. Растет разрегулированность социальных коммуникаций, что ведет к разладу социальной системы общества в целом. У. Бек отмечает, что модернизация общества породила новые социальные конфигурации – «общество риска», в котором меняется качество общности, а движущей силой становится потребность в безопасности: «Движущую силу классового общества можно выразить одной фразой: “Я хочу есть!” Движущая сила общества риска выражается фразой: “Я боюсь!” Место общности нужды занимает общность страха» [24, с. 60].

По мнению ряда обществоведов, понятия «безопасность», «опасность», «страх» – одни из главных аналитических конструктов социального знания, важных для понимания современности и поздней современности [93; 187]. Проблемы безопасности являются междисциплинарной или трансдисциплинарной областью знания, а сам термин приобрел сегодня статус общенаучного понятия, выходящего за пределы той или иной частной науки либо их специфической группы. Безопасность является сложным, многоуровневым явлением, и проблема заключается не только в формировании общего, универсального определения, хотя и это представляется весьма актуальным, а в выработке общих представлений и системы знаний об этом феномене на философском и теоретико-методологическом уровне [234, с. 66].

Глобализация, развитие информационного общества приводят к тому, что проблемы безопасности начинают приобретать все больший социально-политический характер. Сегодня утрачена былая сбалансированность между общественным и частным, за счет которой поддерживалась устойчивость социального порядка: «“общественное” колонизируется “частным”… [а] “общественные проблемы”, которые не могут быть подверг-

нуты подобной редукции, и вовсе перестают быть понятными» [17, с. 62–63].

Вслед за Н. Луманом, в понимании современного общества мы исходим из таких переменных, как «плотность коммуникаций» или «частота информационных импульсов», и, прежде всего, учитываем циркулярный характер усиления девиантности [103, с. 30], что является, по сути, оборотной стороной колонизации «частного» «общественным» (З. Бауман). В контексте такого подхода, мы обращаемся к социально-философской концептуализации проблемы информационной безопасности социального субъекта и общества в целом как упорядоченности или устойчивости социального порядка в условиях нарастания девиации/инновации, выраженных в росте информационных потоков.

При первом приближении в анализе степени разработанности проблемы можно выделить две основные группы источников – это литература, посвященная проблемам безопасности, информационной безопасности, и более обширный набор текстов социально-философского, социологического характера, где концептуализированы вопросы общества и его развития, напрямую связанные с информационным характером современной эпохи (М. Кастельс).

Вопросы безопасности, информационной безопасности все более включаются в орбиту философских и социологических исследований, о чем свидетельствует деятельность таких изданий, как научные журналы «Национальная безопасность / Nota bene», «Информационные войны», «Информационная безопасность регионов», «Армия и общество» и др. Одним из первых научных изданий в Российской Федерации, где появились рубрики «Философия безопасности» и «Философия и социология безопасности», был журнал «Безопасность Евразии».

В области теоретико-методологических проблем безопасности значительный вклад внесли А.И. Буркин, И.А. Василенко, Н.П. Ващекин, А.Ш. Викторов, А.В. Возженников, С.И. Григорьев, В.Г. Гусаим, М.И. Дзлиев, А.Н. Дмитриев, М.Ю. Зеленков, Р.Ф. Идрисов, Ю.М. Козлов, А.Н. Кочергин, В.Н. Кузнецов, А.С. Кузьмин, В.К. Левашов, С.Л. Мандрыка, В.Л. Манилов, А.В. Манойло, А.Ю. Маруев, Н.А. Махутов, В.И. Митрохин, А.В. Опалев, Г.В. Осипов, Д.А. Павлов, Н.П. Патрушев,

А.С. Панарин, В.С. Пирумов, А.И. Поздняков, А.А. Прохожев, Л.П. Решетников, А.Л. Романович, Н.Н. Рыбалкин, В.В. Серебрянников, Н.В. Синеок, С.В. Смульский, И.А. Соколов, В.С. Степашин, А.Д. Урсул, В.В. Цыганов, В.С. Шевцов, В.Л. Шульц, И.В. Юрченко, Р.М. Юсупов, Р.Г. Яновский, В.И. Ярочкин и др.

Э.С. Иззатдуст, В.Н. Кузнецов, В.В. Кульба, А.А. Прохожев, А.Л. Романович, А.Д. Урсул, В.В. Цыганов, И.В. Чернов, А.Б. Шелков, В.Л. Шульц занимаются анализом взаимосвязи проблем развития, роста социальных изменений и безопасности различных социальных объектов. В.Н. Кузнецов анализирует проблему обеспечения безопасности не через понятие «защиты», а через «развитие», где безопасность рассматривается как динамический процесс, а не как стабильное состояние. А.А. Прохожев соотносит понятие безопасности с категорией развития (причем под последним понимается прогресс), подчеркивает их взаимосвязь и то, что задачи обеспечения безопасности и развития часто носят противоположный характер. А.Д. Урсул является автором идеи обеспечения безопасности через устойчивое развитие и необходимости перехода к этому типу развития системы «Общество – Природа».

Интерес и функциональную востребованность составляют концепты «сценарного анализа в управлении безопасностью» и «моделирования» в обеспечении безопасности государства, разрабатываемые В.Л. Шульцом и его школой. Сценарный анализ и моделирование являются принципиально новыми элементами в структуре систем поддержки принятия стратегических и тактических решений в обеспечении национальной и государственной безопасности. Такой подход к обеспечению безопасности страны априори актуализирует дальнейшее развитие концептуализации информационной безопасности.

Проблемы информационной безопасности стали рассматриваться не так давно и носят преимущественно несистемный характер. Сегодня можно говорить об отдельных складывающихся традициях организационного, правового, политического, психологического анализа обеспечения информационной безопасности (Д.А. Андрианов, Д.В. Арсентьев, Е.А. Беляев, Е.Г. Бунев, Н.И. Бусленко, С.Н. Бухарин, С.М. Доценко,

А.Д. Еляков, А.И. Ефимов, В.Н. Илюшенко, А.П. Ильин, В.Н. Лопатин, А.Н. Лукашин, П.С. Марголин, А.С. Панарин, В.С. Пирумов, А.И. Поздняков, С.П. Расторгуев, А.В. Тонконогов, С.И. Тынянкин, А.Д. Филимонов, В.В. Цыганов, В.Д. Цыганков, Д.Н. Шакин, В.Л. Шульц, Р.М. Юсупов).

Отдельную группу составляют источники, связанные с осмыслением политики обеспечения информационной безопасности Российской Федерации (А.В. Кубышкин, А.В. Манойло, В.Ф. Ницевич, А.И. Петренко, В.Д. Попов, Г.Г. Почепцов, А.А. Стрельцов, О.А. Судоргин, Д.Б. Фролов, Е.В. Черненко, В.П. Шерстюк и др.).

Для организации настоящего исследования из существующей литературы, посвященной анализу информационной безопасности, мы выделяем тексты организационного, технологического характера, посвященные систематизации и структурированию организации действий субъектов различного масштаба и указывающие на институциональные характеристики процесса обеспечения информационной безопасности (С.Н. Бухарин, А.Г. Глушков, В.В. Кульба, С.П. Расторгуев, А.А. Смирнов, В.В. Цыганов, В.Л. Шульц, Р.М. Юсупов и др.).

Особое место в изучении проблемы социальной природы информационной безопасности занимает анализ обеспечения информационной безопасности нормативно-правового характера (И.Л. Бачило, Е.К. Волчинская, П.У. Кузнецов, В.Н. Лопатин, Т.А. Полякова, С.Н. Соколова, А.А. Стрельцов, М.А. Федотов и др.). Здесь необходимо выделить классическую работу И.Л. Бачило, В.Н. Лопатина, М.А. Федотова «Информационное право» (2001), которая, на наш взгляд, внесла значительный вклад в концептуальные основания развития информационного права в России, а соответственно, развитие практик и структур обеспечения информационной безопасности.

Интерес для исследования составляет аналитика, посвященная использованию информационных технологий в экстремистской деятельности (Е.О. Кубякин, И.Ю. Сундиев, С.С. Станчик); информационным аспектам экономической безопасности (С.А. Бахтин, В.В. Борисенко, А.М. Ельчанинов, А. Зуев, Л. Мясникова); информационной безопасности в политическом процессе, в условиях глобализации (Г.Л. Акопов,

О.И. Немыкина, И. В. Сурма, А.Ф. Федоров) и др. Социально-организационные аспекты проблем информационной безопасности исследуются А.Д. Еляковым.

Отдельным направлением, которое имеет прямое отношение к исследованию, является информационное противоборство (Ю.Г. Бочкарева, С.Н. Бухарин, Н.Л. Волковский, С.Н. Гриняев, Д.А. Губанов, С.А. Комов, В.В. Кульба, А.В. Манойло, В.В. Прохватилов, В.С. Пирумов, С.П. Расторгуев, В.В. Цыганов, А.Г. Чхартишвили, А.Б. Шелков, В.Л. Шульц), теория информационных, сетецентричных войн (А.Г. Дугин, В.И. Ковалев, Ю.А. Матвиенко, А.М. Соколова).

Сегодня попытки концептуализации безопасности предпринимаются философами и социологами через призму теорий риска и общества риска (В.С. Диев, С.А. Кравченко, Р.Г. Яновский и др.). В.С. Диев отмечает, что в разработке теоретико-методологических оснований теории безопасности «базовой моделью может служить ситуация с риском, который является “измеримой” опасностью, и в этом случае существуют количественные оценки безопасности» [234, с. 68].

С другой стороны, логика поиска отталкивается от теоретических, социально-философских положений структурно-функциональной теории общества (Т. Парсонс, Н. Луман), теории информационального общества М. Кастельса, идей о современном сетевом обществе А.В. Назарчука, объектно-центрированной социальности К. Кнорр-Цетиной, теории структурации Э. Гидденса, теории постмодернити З. Баумана, социологии мобильностей (Дж. Урри), теории общества «третьей волны» и социального ускорения (Э. Тоффлер) и др.

Н. Луман, развивавший идеи социального функционализма, оказался последним из гигантов-социологов XX века, предложившим целостную, универсальную теорию общества. Его взгляды, опирающиеся на революционные достижения кибернетики и теории информации, получают новое звучание в контексте современного информационного общества [275]. Основные положения в исследовании социальной природы информационной безопасности выработаны благодаря теории социальной эволюции и теории коммуникации Н. Лумана. Необходимо отметить предложения Е.Н. Ивахненко, Е.А. Лавренчука, которые

развивают теорию коммуникации Н. Лумана в рамках попыток концептуализации киберпространства.

В России сегодня развивается дисциплина социальной информатики, содержание которой заключается в изучении процессов информатизации, включающих в себя медиатизацию как процесс совершенствования средств сбора, хранения и распространения информации, компьютеризацию – процесс совершенствования средств поиска и обработки информации, а также интеллектуализацию – процесс развития способностей людей к восприятию и порождению информации (знания), то есть процесс повышения интеллектуального потенциала общества, включая использование средств искусственного интеллекта (Р.С. Гиляревский, В.М. Глушков, Н.Н. Моисеев, А.И. Ракитов, А.В. Соколов, И.В. Соколова, Н.В. Лопатина, А.В. Чугунов, К.К. Колин, М.Ю. Тихомиров, А.Д. Урсул и др.).

Один из основоположников социальной информатики А.Д. Урсул рассматривает эту дисциплину как научную базу для формирования зарождающегося информационного общества. Структура социальной информатики, с его точки зрения, включает теоретико-методологический уровень знания (основные категории, понятия и закономерности прохождения информационных процессов в обществе), средний уровень, или социология информатизации (социальный «срез» экономических, правовых, психологических и других аспектов информатизации), и эмпирический уровень знания (социальные аспекты создания, внедрения и адаптации информационных технологий в соответствующих предметных областях) [309]. Рассматривая обеспечение информационной безопасности как одну из проблемных областей социальной информатики, И.В. Соколова указывает на необходимость изучения социального аспекта содержания информационной безопасности, который составляет система направлений, институтов и особенностей функционирования информационных потоков, соответствующих или не соответствующих характеру выполнения субъектами управления своих социальных функций [152].

Изучение социальной природы информационной безопасности связано с анализом сетевого характера современных коммуникаций, деятельностью социальных сетей, сетевого принци-

па организации общества. Популярность сетевого подхода объясняется, прежде всего, его широкой эмпирической применимостью, дающей выход на междисциплинарные теоретические обобщения. Благодаря сетевому подходу открывается возможность организации оптики различных социальных информационных процессов, их анализ и дифференциация на предмет опасностей, рисков и угроз для различных социальных субъектов. Среди ученых, которые исследуют сетевое общество, социальные сети, можно отметить: Г.В. Градосельскую М. Грановеттера, Д.А. Губанова, Л.М. Землянову, М.А. Логинову, Л. Мясникову, А.В. Назарчука, Д.А. Новикова, М.В. Ромма, А.Г. Чхартишвили, В.Н. Щербину и др.

Сетевые принципы используют для анализа общества в целом, а само современное общество часто называют постиндустриальным, информационным, сетевым и обществом риска. Среди наиболее известных авторов необходимо отметить: Т. Адорно, Р. Арона, Д. Белла, Ж. Бодрийяра, Ф. Броделя, Ф. Гватари, Э. Гидденса, , У. Дайзарда, Р. Дарендорфа, Ж. Делеза, П. Дракера, Р. Ингельгарта, М. Кастельса, Р. Катца, Ж.-Ф. Лиотара, С. Лэша, М. Маклюэна, Г. Маркузе, Дж. Мартина, И. Массуду, Ф. Махлупа, Д. Норта, Д. Нэсбита, М. Пората, Р. Райха, Т. Стоунера, Э. Тоффлера, А. Турена, Т. Умесао, Ю. Хабермаса, Г. Шиллера, К. Эрроу, А. Этциони и др.

В России информационной стадией развития общества занимаются многие ученые в различных предметных областях знания. Среди них: Р. Абдеев, И.Ю. Алексеева, С. Афанасьев, Л.В. Баева, В.С. Диев, С. Дятлов, Д.В. Иванов, В.И. Игнатьев, В. Иноземцев, В.В. Крюков, В.И. Кудашев, М.М. Кузнецов, В.Д. Мансурова, И. Мелюхин, А.В. Назарчук, Г.А. Осипов, Е.В. Петрова, А.И. Ракитов, Н.Ф. Рахманкулова, М.В. Ромм, А.Ю. Сидоров, И.В. Соколова, А.Д. Урсул, Е.Н. Шклярик и др.

Отдельной группой источников являются теории виртуальной социальной реальности и виртуализации общества. Проблема обеспечения информационной безопасности рассматривается в том числе через призму теорий виртуализации социальных процессов. Исследованием виртуальной реальности и процессов виртуализации занимается ряд отечественных и зарубежных исследователей. В работах Д. Белла, М. Маклюэна,

Е. Масуды, Т. Стоуньера, Э. Тоффлера описываются социальные трансформации, происходящие в контексте бурного развития и распространения информационных технологий. Феномен виртуальной реальности и процессы виртуализации общества исследуются в работах А.В. Говорунова, Д.В. Иванова, В.И. Игнатьева, В.А. Кутырева, Н.А. Носова, Б.С. Сивиринова, С.С. Хоружего, М. Эпштейна и др.

Изучение социальных аспектов обеспечения информационной безопасности связывается в настоящем исследовании с так называемым «практическим поворотом» в социальной философии, где в центр внимания исследователей попадает проблематика роли практического действия в социальных структурах, взаимосвязь социальной практики и коммуникации. Эти проблемы разрабатываются в рамках теории социальных практик (П. Бурдье, Э. Гидденс), социальной феноменологии (П. Бергер, Т. Лукман, А. Шюц), теории коммуникативного действия (Ю. Хабермас). Среди отечественных исследователей теории практик следует назвать В. Волкова и О. Хархордина. В области акторно-сетевой теории работают В.С. Вахштайн и А.М. Корбут.

Особое значение в изучении социальной природы обеспечения информационной безопасности занимают теории сетевой социальности, демонстрирующие связь социальной практики и коммуникации (М. Кастельс, К. Кнорр-Цетина, Д.В. Иванов, В.Е. Кемеров, А.Л. Радкевич, В.Н. Поправко), акторно-сетевая теория (Дж. Ло, Б. Латур).

Прямое отношение к цели исследования имеет изучение Интернет-практик повседневности (А.Л. Радкевич). Обширный пласт исследований посвящен вопросам виртуальных сообществ и общения посредством Интернета (Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова, В. Нестеров, А.Е. Жичкина, Н.Д. Чеботарева и др.).

Проблемам и социальным последствиям развития Интернета в России посвящены исследования Г.Л. Смоляна, В.Н. Цыгичко, Д.Д. Хан-Магомедова, А.Е. Шадрина, В.И. Игнатьева и др. Внимание социологов привлекает проблематика изучения аудитории российского Интернета как специфической группы населения. Первые работы в этом направлении связаны с именами Б.З. Докторова, П.К. Залесского, Р.С. Могилевского,

А.С. Создателева, Т.В. Филипповой. Ведутся эмпирические исследования Интернет-аудитории в рамках различных исследовательских и маркетинговых проектов.

В.С. Диев отмечает, что безопасность является сложной, междисциплинарной областью знания, и роль философии заключается не только в формировании универсального определения, хотя и это представляется весьма актуальным, а в выработке общих представлений и системы знаний об этом феномене на философском и теоретико-методологическом уровнях. Наличие такого междисциплинарного базиса будет способствовать как теоретическим исследованиям феномена безопасности, так и более эффективному практическому применению результатов частных дисциплин [233, с. 44].

Считаем, что вышеназванные направления и подходы к пониманию и определению безопасности, информационной безопасности возможно увидеть в едином методологическом ключе через призму приведенных современных социологических, социально-философских теорий. Такая операция, на наш взгляд, поспособствует дальнейшему наполнению и развитию понимания социальной природы информационной безопасности.

В предлагаемой монографии автор исследует информационную безопасность как психической (индивид), так и социальной системы в условиях социальных процессов «текучей современности» (З. Бауман). В работе анализируется проблема обеспечения информационной безопасности через призму социальной природы информационных процессов, обусловливающих современное общество.

Необходимость разработки теоретико-методологических оснований в социально-философском осмыслении проблемы информационной безопасности определяет, с точки зрения автора, ряд исследовательских задач:

– предложить концептуализацию похода к определению безопасности субъекта через сопоставление и анализ категории «социальный порядок» и понятия девиации;

– рассмотреть понятие девиации/инновации как вариативность коммуникации, структурирующей социальный порядок современности;

– проанализировать роль информации как «различения различения» (Н. Луман) в современном росте интенсивности коммуникаций, задающем характер «текучей современности» (З. Бауман) обществу;

– в рамках социально-философского дискурса выявить ведущее противоречие, актуализирующее информационную природу безопасности субъекта;

– предложить подход к определению информационной безопасности субъекта;

– задать проблему противопоставления безопасности интересов «частного» и безопасности интересов «общего» в контексте предложенной концептуализации подхода к безопасности субъекта;

– проанализировать характер общих социальных практик и социальных структур в обеспечении информационной безопасности;

– рассмотреть новые социальные мобильности как практики обеспечения безопасности;

– предложить концептуализацию сетевого коммуникативного киберпространства как необходимого очага накопления и ускорения девиации/инновации;

– проанализировать особенности сетевых практик обеспечения информационной безопасности в условиях киберпространства;

– предложить типологизацию угроз безопасности субъекта в условиях киберпространства.

Выстраивание методологии исследования находится на стыке социально-философской и социологической теории. Методологическим Манифестом исследования, его теоретико-методологическим основанием послужили теория постнеклассической эволюции Н. Лумана и социология мобильности, развиваемая сегодня Дж. Урри.

В работе использовались идеи системно-синергетического подхода (А.Д. Урсул, Е.А. Седов, С.П. Курдюмов), сетевого (Г.В. Градосельская М. Грановеттер, Л.М. Землянова, М.А. Логинова, Л. Мясникова, А.В. Назарчук, Д.А. Новиков, М.В. Ромм, А.Г. Чхартишвили, В.Н. Щербина), информационного подхода (В.Б. Гухман, В.И. Кашперский, И.В. Мелик-Гайказян), принци-

пы структурно-функциональной теории (Н. Луман, Р. Мертон, Т. Парсонс).

В конструировании социально-философского подхода к понятию информационной безопасности автором использовались теория коммуникации и теория систем Н. Лумана, теория структурации Э. Гидденса, теории виртуализации общества (А. Бюль, А. Крокер, М. Вэйнстайн, М. Паэтау, Н.А. Носов, Д.В. Иванов и др.), теория виртуальной/актуальной реальности (А.В. Говорунов, В.И. Игнатьев), теории информационного общества (Г. Бехманн, М. Кастельс и др.).

В рамках анализа практик обеспечения информационной безопасности состоялось обращение к теории объектно-центрированной социальности (К. Кнорр-Цетина), социологии мобильностей (Дж. Урри), теории постсовременности Э. Гидденса, идеям Э. Тоффлера, З. Баумана и др.

Немалую роль в исследовании глубинных оснований информационной современности сыграли идеи русских философов Л. Карсавина, А.Ф. Лосева, В.Н. Муравьева. Русская философия, на взгляд автора, богата метафорами и идеями, передающими суть «текучести» социального, ускользания «имени вещи» (А.Ф. Лосев) как единицы социального взаимодействия и судьбы личности, другого субъекта как «несовершенного единства несовершенного множества моментов бытия» (Л. Карсавин) или информации.

С другой стороны, автор опирался на теоретические конструкции понятий безопасности, обеспечения безопасности, национальной безопасности, информационной безопасности, предлагаемые российскими учеными. Привлекались отдельные положения теории онтологической безопасности Э. Гидденса, теории общества риска У. Бека и др.

Использовались идеи российских ученых в рамках таких научных направлений, как информационное противоборство, теория сетецентричных войн.

В работе применялись общефилософские и общенаучные методы: восхождение от абстрактного к конкретному, метод системного анализа, методы аналогии, обобщения, формализации, экстраполяции.

Научная новизна предлагаемого исследования состоит в создании социального, внешнего контура представления о понятии информационной безопасности, который очерчивает общепринятое (более технологическое) определение, суть которого заключается в защите информации и защите от информации. Предложен социально-философский методологический инструментарий для анализа проблем обеспечения информационной безопасности субъекта в условиях современного общества.

С целью уточнения и анализа методологической связи понятий и формирования необходимого теоретического инструментария для исследования в первой главе монографии проведен анализ существующих подходов к понятиям безопасности и информационной безопасности. Предложена концептуализация подхода к определению безопасности субъекта через сопоставление и анализ категории «социальный порядок» и понятия девиации, где девиация рассматривается как девиация/инновация, или вариативность коммуникации, структурирующая социальный порядок современности. Указывается, что безопасность необходимо рассматривать в том числе как устойчивость социального порядка в условиях инновационного развития общества или в условиях одобряемой девиации.

Автор обратился к интерпретации роли информации как «различения различения» (Н. Луман) в современном росте интенсивности коммуникаций. В рамках социально-философского дискурса выявлено ведущее противоречие, актуализирующее информационную природу безопасности субъекта. Оно заключается в разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта (личности, общества, государства) и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. Автор отмечает, что «рост частоты информационных импульсов» (Н. Луман), выраженный в усилении девиантности, является, по сути, оборотной стороной колонизации «частного» «общественным» (З. Бауман).

В зависимости от интенсивности вариативности коммуникации (девиации/инновации) автор различает два типа обеспечения безопасности общества: обеспечение безопасности в условиях низкой интенсивности вариативности коммуникаций

(условно, состояние традиционного общества) и обеспечение безопасности в условиях высокой интенсивности вариативности коммуникаций (состояние современного общества). Подобное утверждение коррелирует с представлением о различных режимах циркуляции потоков людей, объектов, информации для различных обществ (Дж. Урри).

В работе предложен подход к определению информационной безопасности субъекта. Информационная безопасность рассматривается в широком и узком смысле слова: информационная безопасность в условиях современного общества (реального социального порядка) и информационная безопасность в условиях киберпространства (виртуальной социальной реальности). В первом случае речь идет о социальных практиках, адекватных скорости и многообразию современных коммуникаций, во втором – о сетевых практиках, адекватных изменчивому виртуальному пространству. Второй тип практик обеспечения информационной безопасности составляет частный случай первого. И первый и второй типы социальных практик сводятся к содержанию: 1) защите субъектом своей информации и защите от внешней информации; 2) к ориентации в информационном пространстве, поскольку ресурсы в условиях роста устаревания информации должны всякий раз пересматриваться и обновляться.

Автор задает проблему противопоставления безопасности интересов «частного» и безопасности интересов «общего» в контексте предложенной концептуализации подхода к безопасности субъекта. Отмечается, что развитие разнообразия интересов «частного» (личности, группы, организации) ведет к «приватизации» безопасности (А.Ю. Полтораков). «Приватизация» безопасности трактуется как современная особенность практик обеспечения информационной безопасности и как причина роста количества частных структур обеспечения безопасности в обществе. Подобное представление об обеспечении безопасности в том числе указывает на два варианта соотношения в защите интересов «общего» и «частного» в обеспечении безопасности субъекта (государства, общества, личности), что является возможной методологией в анализе соотношения понятий «национальная» и «государственная безопасность».

Во второй главе сформировано представление о практиках и структурах обеспечения информационной безопасности в обществе. Обеспечение информационной безопасности складывается из социальных практик и социальных структур. Предлагаемый подход позволяет развить понимание социальных аспектов информационной безопасности: увидеть особенности практик обеспечения безопасности, зафиксировать противоречие между локальностью структур и потоковым, сетевым характером информационных угроз.

Указаны и проанализированы особенности практик обеспечения информационной безопасности. Практики новых мобильностей (Дж. Урри), составляющие сегодня сетевую и потоковую морфологию социального мира, рассматриваются как общие практики обеспечения информационной безопасности. Сущностным аспектом новых мобильностей является высокая интенсивность коммуникаций, выраженная в скорости и многообразии взаимодействия. Характерным элементом новых мобильностей является объектуализация отношений или появление «объектно-центрированной социальности» (К. Кнорр-Цетина), делокализация действия, контрфактуальность мышления и калькуляция риска (Э. Гидденс). Условием обеспечения информационной безопасности является доступ к мобильности, который, в свою очередь, зависит от доступа к системе мобильностей, различающейся по мощности (Дж. Урри).

Отмечается, что в настоящее время мобильности как практики в обеспечении информационной безопасности характерны для защиты интересов «частного». Автор считает, что новые мобильности необходимо осмысливать и использовать как практики обеспечения информационной безопасности национальных сил в условиях роста потоков и сетей.

Зафиксировано противоречие между локальностью структур обеспечения безопасности и потоковым, сетевым характером информационных угроз, не имеющих территориальной локализации. Сети и потоки развивают действие экстерриториально, нормы, отрываясь от локальных культур, становятся относительными, ситуационными. С нарастанием сетей и потоков растет несостоятельность структур обеспечения информационной безопасности в силу их локальности и нормативности.

Важным аспектом новых социальных мобильностей как практик обеспечения безопасности является высокая интенсивность коммуникаций, выраженная в скорости и многообразии взаимодействия. Чем выше уровень интенсивности (скорости и разнообразия) коммуникаций, осуществляемых субъектом, тем в большей безопасности он пребывает в смысле защищенности своих интересов в условиях роста информационных потоков и устаревания информации. Высокая интенсивность коммуникаций в обеспечении безопасности становится возможной благодаря такому феномену, как «приватизация безопасности» (А.Ю. Полтораков).

Темпоральные характеристики социальной практики имеют прямое отношение к обеспечению субъектом информационной безопасности. С помощью таких метафор, как «лестница субъектов действия», «люди прошлого, настоящего, будущего», «человек пространства, человек времени», автор предлагает различение субъектов по их возможностям в интенсивности информационного взаимодействия с миром, в реализации практик обеспечения информационной безопасности.

В третьей главе с целью анализа проблемы информационной безопасности, в узком смысле слова, задана концептуализация сетевого коммуникативного киберпространства как необходимого очага накопления и ускорения девиации/инновации. Автор указывает, что киберпространство (Интернет) в качестве сетевого коммуникативного пространства позволяет «локализовывать» и одновременно накапливать и ускорять девиации/инновации (новые социальные практики), тем самым являясь мощным фактором инновационного развития. Общество сохраняет целостность и упорядоченность, выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации).

С другой стороны, Интернет рассматривается как система мобильностей, культивирующая сетевые практики и являющая метатехнологией в обеспечении информационной безопасности.

Сделано предположение, что сеть Интернета как структура накопления и ускорения девиации/инновации в ближайшее время сохраняет баланс безопасности интересов «частного» и

«общего». «Частное» продолжает колонизировать общественное, но в большей мере это происходит в киберпространстве сетей и потоков. Автор отмечает, что система общества сохраняет целостность, общность (государственность, национальное единство), относительную устойчивость основных социальных институтов, выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации), реализующей интересы «частного» (отдельных социальных групп, социальных организаций, субкультур, отдельных индивидов).

В работе предлагается анализ особенностей сетевых практик обеспечения информационной безопасности. Практики определяются функциональным значением, а не местом, в котором находятся акторы. Места (территории) теперь определяются производными функциональных узлов сети. Эта особенность лежит в основаниях существа практик обеспечения информационной безопасности.

Формирование персональных микросетей становится нормой сетевых практик обеспечения информационной безопасности и соответственно способом воздействия на функциональные макросети.

В Сети происходит дальнейшее умножение нормы с одновременным «откатом» к многофакторности (Г.В. Мальцев) порядка, ее последующее обобщение и формирование видимого упрощения. Это способствует развитию многоканальности и высокой плотности логистических путей, по которым осуществляются сетевые практики. Практики безопасности в сети обусловлены матричной природой сетевого пространства или свойством клонируемости ячеек сети (А.В. Назарчук), что позволяет охватывать трансформации крупных массивов объектов. С другой стороны, каждая ячейка сети способна реализовывать индивидуальное начало, что обусловливает возможность высокой вариативности практик.

Автор делает предположение, что различные формы ограничений социальных пространств, представленных в Сети, задают различные практики обеспечения информационной безопасности, которые соответствуют институциональному пространству, пространству частной и ситуативной интеракции,

пространству социальной сети, с характеристиками «относительной социальности», и пространству потоков, представленных «антисоциальностью» (Д.В. Иванов).

Информационная безопасность, прежде всего в Интернете, – это практики культивирования «темпоральных разрывов» или практики «преодоления разрывов» (А.В. Назарчук) в защите информации и защите от информации. Практики «преодоления разрывов» осуществляются в целях ориентации в общем информационном пространстве на предмет контроля за информацией.

Общими нормами сетевых практик информационной безопасности становятся «свобода риска» (С.А. Кравченко) и «комфортабельность безнормности».

Автор интерпретирует сетевое киберпространство как пространство «комфортабельной аномии», где комфортабельность обусловлена покоем и безопасностью тела, анонимностью субъекта. Состояние «комфортабельной аномии» актора ведет к информационной избыточности и усилению «разлома» между виртуальным и актуальным (В.И. Игнатьев), что сказывается на росте условности сетевых практик информационной безопасности.

Чем больше масштаб и влияние циркуляции сетевых потоков, тем разнообразнее «бремя мобильности» и тем больше вероятность различных типов вынужденного движения (Дж. Урри). В целом, автор считает, что можно говорить о такой особенности сетевых практик информационной безопасности, как «бремя мобильности».

Рост информационных потоков, их скорости и рефлексивности взаимодействий ведут в том числе к активизации конструктивизма и игровых практик в обеспечении безопасности. В качестве теоретико-методологической перспективы в исследовании понятия информационной безопасности предлагается подход-метафора к определению. Информационная безопасность – это скорость, осведомленность и «игра», где под игрой подразумевается защита информации и защита от информации.

В монографии предлагается некоторая типологизация угроз безопасности субъекта (психической и социальной системы) в условиях киберпространства.

Глава 1
БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНФОРМАЦИЯ: К СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

1.1. Об основных подходах к понятию «информационная безопасность»

«Ускользающая ситуация» современной жизни, рост интенсивности информационных процессов в обществе и возрастающая скорость устаревания информации вызывают к жизни новые риски и угрозы, одновременно умножая прежние. Риски и угрозы, уровень безопасности системы являются основными параметрами, с помощью которых сегодня прогнозируются и решаются многие политические, экономические, социальные проблемы. Проблема безопасности как отдельного индивида, так и социальной системы различного уровня формируется наличием/отсутствием информации и возрастающей скоростью устаревания информации.

В российском обществе сформировался государственный, нормативно-правовой подход к понятию информационной безопасности. Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства. На основе национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере формируются стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства по обеспечению информационной безопасности [1].

Информационная безопасность рассматривается как вид безопасности, который составляет национальную и государственную безопасность. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации сформулированы основные положения государственной политики обеспечения информационной

безопасности России, развивается правовое обеспечение информационной безопасности. В 2006 году был принят Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6].

Первоначально появление проблемы информационной безопасности связывают с телекоммуникационной революцией. А если сказать проще – с появлением компьютера. Традиционно параметры этого понятия принято осмысливать в технических и психологических характеристиках. Суть определений понятия сводится к «защите информации и защите от информации». К примеру, В.Н. Илюшенко определяет информационную безопасность как защиту информации и защиту от информации [72, с. 3]. Это различение на два вида информационной безопасности, в частности, развивает С.П. Расторгуев [143]. Он отмечает, что информационная безопасность, являясь составляющей национальной безопасности, имеет два направления: безопасность информации (защита информации) и безопасность от информации (защита от «опасной», неадекватной картине мира информации). Оба эти направления взаимосвязано реализуются как в гуманитарной, так и технической сферах. При этом информационная безопасность в той или иной степени присутствует при обеспечении всех видов безопасности, начиная от экологической и заканчивая информационной. Подобное же видение информационной безопасности мы находим в работах Р.М. Юсупова. Он утверждает, что информационная безопасность соответствующего субъекта (личность, общество, государство, любая система) может быть определена как состояние, в котором ему (субъекту) не может быть нанесен существенный ущерб путем воздействия на его информационную сферу [323, с. 87]. А.Д. Урсул определяет информационную безопасность как состояние защищенности основных сфер жизнедеятельности по отношению к опасным информационным воздействиям. Отметим, что С.П. Расторгуев считает, что отдельно информационная безопасность выделена только потому, что требует наличия соответствующих технологий и специалистов [143, с. 19].

Помимо статического подхода к определению информационной безопасности как состояния защищенности, можно вы-

делить динамический подход к определению, который, на наш взгляд, методологически более функционален. Например, М.В. Арсентьев отмечает, что информационная безопасность – это снятие информационной неопределенности относительно объективно и субъективно существующих потенциальных и реальных угроз за счет контроля над мировым пространством и наличия возможностей, условий и средств для отражения этих угроз, что в совокупности определяет уровень (степень) информационной безопасности каждого субъекта [195].

Мы разделяем утверждение, что в содержании информационной безопасности ключевым является контроль за информацией, циркулирующей в мировом пространстве, а также наличие возможностей и средств для отражения возникающих угроз. Это определяется и предполагает:

– возможность доступа к информации;

– наличие собственного высокого информационного потенциала (ресурсов);

– независимость в использовании собственного информационного потенциала;

– средства защиты этой части потенциала (правовые, технические, специальные и др.);

– определение защищаемой части собственного информационного потенциала за счет соотнесения с информационным потенциалом других субъектов;

– создание возможностей и условий для обогащения своего собственного информационного потенциала за счет потенциала других субъектов, в том числе и находящегося под защитой, что определяется существующей конкуренцией, соперничеством и противоборством [там же].

Приведенные характеристики информационной безопасности особенно актуализируются в понятиях информационной войны и информационного противоборства (М.В. Арсентьев, С.Н. Бухарин, А.И. Ивлева, С.П. Расторгуев, В.В. Цыганов и др.). Многие авторы пишут о кибернетической безопасности и кибернетической войне (А.Д. Еляков, А.В. Тонконогов и др.).

На наш взгляд, важно развить понимание того, что информационная безопасность затрагивает не только проблему эффективности политики государства в обеспечении нацио-

нальной и государственной безопасности в информационной среде, и не только проблему защиты информации или проблему информационного противоборства различных социальных субъектов. Считаем, что определение информационной безопасности как «защита информации и защита от информации» нуждается в переосмыслении. Для того чтобы подойти к проблеме понимания природы феномена информационной безопасности, необходима концептуализация подхода к понятию на уровне социально-философского и социологического дискурса.

Существующая литература, посвященная анализу информационной безопасности в обществе, – в большей мере, – это тексты технологического и организационного характера, посвященные систематизации и структурированию организации действий субъектов различного масштаба, обеспечивающих информационную безопасность государства или отдельных организационных структур (С.Н. Бухарин, А.Г. Глушков, В.В. Кульба, С.П. Расторгуев, В.В. Цыганов, А.А. Смирнов и др.). Рефлексия проблемы обеспечения информационной безопасности представлена в работах нормативно-правового характера (И.Л. Бачило, Е.К. Волчинская, П.У. Кузнецов, В.Н. Лопатин, С.Н. Соколова и др.).

Можно встретить аналитику различного уровня системного анализа, посвященную: использованию информационных технологий в экстремистской деятельности (Е.О. Кубякин, С.С. Станчик, И.Ю. Сундиев); информационным аспектам экономической безопасности (С.А. Бахтин, А.М. Ельчанинов, А. Зуев, Л. Мясникова, З.Ч. Схаляхо); информационной безопасности в мировом политическом процессе (И.В. Сурма, А.Ф. Федоров) и др. Отдельным направлением, которое имеет прямое отношение к информационной безопасности, является информационное противоборство (С.Н. Бухарин, В.В. Кульба, С.П. Расторгуев, В.В. Прохватилов, В.В. Цыганов), теория информационных, сетецентричных войн (А.Г. Дугин, В.И. Ковалев, Ю.А. Матвиенко).

Серьезный посыл в актуализации социального аспекта информационной безопасности задается социальной информатикой. И.В. Соколова отмечает, что главная социальная функция информационной безопасности заключается в обеспечении ста-

бильности и устойчивости социально-экономического и социально-политического развития общества в соответствии с объективно действующими закономерностями и тенденциями при наличии внутренних и внешних угроз. Она указывает на основной социальный аспект содержания информационной безопасности. Он заключается в системе направлений, институтов и особенностей функционирования информационных потоков, соответствующих или не соответствующих характеру выполнения субъектами управления своих социальных функций. Ведущую роль в обеспечении информационной безопасности И.В. Соколова отводит процессу информатизации общества. Она считает, что при создании информационной среды должно быть обеспечено диалектическое единство средств информатики и системы социальной информации [152].

Отдельно И.В. Соколова выделяет предметную область информационно-психологической безопасности, под которой понимается такая ситуация в системе «человек – информационная среда», которая не вызывает снижения индивидуального или популяционного психологического потенциала за допустимые пределы. Психологический потенциал (индивида, популяции) – совокупность свойств индивида (социума), лежащая в основе возможностей индивида (социума) осуществлять продуктивную жизнедеятельность. С ее точки зрения, основными источниками информационно-психологической опасности являются объем, полнота, количество, точность, доступность, своевременность поступления информации; адекватность ее эргономических характеристик перцептивным параметрам органов чувств, свойствам внимания, памяти, мышления, диспозициям личности, поведенческим стереотипам и социально-психологическим установкам общества. Особенно опасно наличие в информационных потоках специальных элементов, целенаправленно изменяющих психофизиологическое состояние людей, а также модифицированных физических носителей информации, воздействующих непосредственно на физиологические системы [152].

Считаем, что вышеназванные направления и подходы к пониманию информационной безопасности возможно увидеть в едином методологическом ключе, исполненном на языке социально-философской теории. Такая операция, на наш взгляд, по-

способствует дальнейшему наполнению и развитию понимания социальной природы понятия. Обеспечение информационной безопасности мы связываем с пониманием и владением особенностями современных социальных практик, которые позволяют сохранять адекватность внешнему миру информационных потоков, как индивиду, так и отдельным социальным системам, а значит, сохранять и индивиду и системе целостность и устойчивость в условиях нарастания девиации/инновации как вариативности коммуникаций (роста интенсивности информационных потоков). В решении подобной задачи, для начала, нам необходимо выработать, общий подход к пониманию безопасности субъекта.

Под субъектом безопасности подразумевается как индивид, так и общество в их системных характеристиках. Автор отдает себе отчет в том, что последующая конкретизация субъекта безопасности носит необходимый характер для исследования проблемы безопасности. Но в настоящем исследовании, в том числе для чистоты формируемой оптики, конкретизация субъекта обеспечения безопасности отсутствует.

1.2. Безопасность как устойчивость социального порядка в условиях роста вариативности коммуникации, выраженного в интенсивности информационных потоков

Занимаясь анализом особенностей современности в контексте проблем безопасности, важно всякий раз помнить о закономерности социальной эволюции: рост разнообразия социальных ситуаций ведет ко все большему росту разнообразия и скорости изменения и, с другой стороны, обобщению социальных норм, что, в свою очередь, предполагает, что субъекту должно предоставляться все больше свободы в деле создания своих собственных определений ситуации. Таким образом, регуляция поведения в любом социальном образовании становится все сложнее. Если не сказать больше – растет разрегулированность социального действия, что ведет к разрегулированности социальной системы в целом.

Современные процессы трансформации государства и общества и проблемы безопасности становятся объектом изучения многих отечественных ученых и политиков. Н.П. Патрушев отмечает, «что в отечественном законодательстве и научной литературе пока не выработан единый понятийный аппарат в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации. Это обстоятельство нередко приводит к неоднозначному пониманию содержания различных дефиниций в теории и создает проблемы в правоприменительной практике» [280].

В отечественной науке понятие «безопасность» имеет разнообразную трактовку. В словарях русского языка С. Ожегова и В. Даля указывается, что безопасность – это положение, при котором не угрожает опасность кому-либо или чему-либо; состояние защищенности от опасности; защита от опасности [327]; отсутствие опасности; сохранность, надежность [325]. Таким же образом это понятие трактовалось и в советское время. Общеизвестно определение безопасности, дающееся еще в Законе РФ «О безопасности» 1992 года, где безопасность рассматривается как состояние защищенности баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства [2]. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020» под национальной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, а также, в целом, безопасность многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации [6].

В рамках современных теоретических поисков существуют различные определения, где понятие безопасности употребляется в широком смысле. В предлагаемом исследовании понятие «социальная безопасность», как, собственно, и понятие «социальное», мы употребляем не в узком значении (безопасность социальной сферы общества), а в широком (безопасность общества как социальной системы) [291].

Сегодня устоялось представление о безопасности как о состоянии устойчивости, стабильности общественного организма по отношению к любым попыткам давления на него и как свойство социальной системы сохранять и воспроизводить эту

устойчивость. М.И. Дзлиев, А.Л. Романович, А.Д. Урсул понимают под «безопасностью» способность явления или процесса сохранять свои системообразующие свойства, основные характеристики, параметры и сущность при патогенных (дезорганизирующих, деструктивных) воздействиях со стороны различных предметов, явлений или процессов [59, с. 7]. Э.С. Иззатдуст отмечает, что уровень и интенсивность этих воздействий имеют определенные пределы. Превышение этих пределов может вызвать частичные и существенные или катастрофические изменения явлений, процессов, потерю ими основных свойств и качеств, что означает утрату собственной сущности, то есть превращение в другие, новые явления или процессы [71, с. 15]. А.А. Сацута определяет безопасность в том числе как свойство социума сохранять свою целостность, относительную самостоятельность и устойчивость, способность к развитию [290]. Также отвечает интересам нашего исследования определение А.Л. Романовича, который рассматривает безопасность как «…внутреннее свойство стабильной системы в условиях конфликта, риска, угроз» [147, с. 25], и подход А.Д. Урсула, связывающего безопасность с сохранением либо даже с ростом устойчивости и уровня организованности системы, где степень обеспечения этой устойчивости коррелируется с обеспечением безопасности существования самоорганизующейся системы [307, с. 47].

Важно отметить позиционирование природы социальной безопасности относительно таких типов безопасности, как природная и техногенная. Особенности исследования социальной природы безопасности заключаются в специфическом характере существования и развития социальной системы общества. Мы обратимся к формированию понятия безопасности в рамках социально-философского и социологического знания. Сегодня в отечественной социологии формируется направление «социология безопасности». В.Н. Кузнецов выделяет три основные предметных области социологии безопасности: социологию гуманитарной безопасности, социологию природной безопасности, социологию техногенной безопасности [93]. Соответственно, речь идет, как минимум, о трех видах безопасности в обществе – гуманитарной, природной и техногенной. Считаем, что предлагаемый

нами поиск подхода к понятию безопасности субъекта (как личности, так и общества) соотносится с приведенным различением предметной области безопасности и дополняет общим системным аспектом анализ рассматриваемых видов безопасности.

Социальную безопасность мы предлагаем рассмотреть через сопоставление понятий социального порядка и девиантного поведения. Считаем, что такой элементарный подход к определению безопасности дает видение ряда ведущих проблем современного общества и тем самым имеет право на существование, являясь, в определенной степени, методологически продуктивным.

Начнем с осмысления соотношений социального порядка и безопасности. Социальный порядок во все времена является ценностью как для отдельного человека, так и системы общества. Социальный порядок обеспечивает стабильность – условие благополучного существования общества. Любой человек желает и для себя, и для своих детей определенности и порядка в обыденной жизни и в обществе в целом. Ощущение стабильности и упорядоченности окружающих вещей, уверенность в завтрашнем дне является для человека условием «онтологической безопасности» (Э. Гидденс).

Онтологическая безопасность представляет собой одну из форм ощущения безопасности в широком смысле этого слова. Ф. Кассель так комментирует понимание онтологической безопасности: «Это психологическое состояние, эквивалентное ощущению себя “как дома” с самим собой и с окружающим миром, и это связано с опытом управляемого уровня тревоги. Акторы будут опираться на правила и мобилизовать ресурсы на повторение рутинных действий для нахождения комфорта: просыпаться в одно и то же время каждый день; надевать одежду в определенном порядке …и так каждый день. Сбой программы, как правило, будет восприниматься как тревога, и они позаботятся обеспечить предсказуемость развития событий» [414]. Скажем так, обеспечение безопасности первично, оно является необходимым основанием любой социальной деятельности, творческой реализации личности. Таким образом, при первом приближении к осмыслению феномена социальной безопасности, можно сделать утверждение, что социальная безопасность – это устойчивость социального порядка в обществе. Важно по-

нимать неоспоримость ценности социального порядка и для личности, и для общества и государства, с тем чтобы далее двигаться в выявлении подходов к осмыслению социальной безопасности.

Социальный порядок гарантируется исполнением индивидами социальных норм. Социальная норма, в том числе зафиксированная в законе государства, – правило поведения, стандарт, регулирующий взаимоотношения между людьми. Прежде всего, система норм позволяет нам не только соотносить поступки и собственное поведение с требованием окружающих, но и иметь ясное представление о том, что будут делать в той или иной ситуации другие, и соответственно корректировать свое поведение. Социальные нормы определяют интервал допустимого поведения, деятельности. История социального порядка представлена развитием нормы или нормативного регулирования, которое отражается в развитии динамики интересов и потребностей субъектов.

Норма возникает в точке пересечения множества интересов и потребностей и выражается в формировании и ограничении социальных взаимодействий. Норма формирует структуры общества – системы социальных ограничений.

Г.В. Мальцев отмечает, что необходимость является константой в историческом развитии социальной нормы, в частности права. Но меняется онтологический образ необходимости, которой служит социальная норма в виде формирования и ограничения социального взаимодействия [108].

Всякое общество представляет собой устойчивую упорядоченную социальную систему. Элементами этой системы являются коммуникации, которые в своей совокупности составляют систему связей и отношений между социальными субъектами. Система отслеживает и контролирует свою устойчивость и воспроизводство. Основанием устойчивости и гарантией воспроизводства общества является ценностная и нормативно-правовая система социальных отношений. Воспроизводство ценностной и нормативно-правовой системы является жизненно важным условием существования общества. Различные серьезные нарушения социального порядка и даже поползновения к его нарушению вызывают в системе естественную реакцию за-

щиты своей целостности и упорядоченности. Подобный механизм отслеживания и обеспечения упорядоченности системы общества реализуется в том числе такими понятиями, как преступление и наказание.

Теория девиантного поведения (Э. Дюркгейм) утверждает, что личность человека в преследовании своих интересов и потребностей всегда так или иначе вступает в противоречия с теми нормативными, правовыми и ценностными системами, которые лежат в основаниях социального порядка общества. Да, в процессе социализации всякий раз мы усваиваем правила, нормы поведения, чтобы естественным образом встраиваться в систему общества. Но человек по своей природе является существом, преследующим цели своих желаний и устремлений, своего развития, самореализации и самоутверждения. Часто совместная жизнь людей характеризуется не сотрудничеством, а конкуренцией, и даже конфликтом. Общеизвестно утверждение Т. Гоббса, что в отсутствие консенсуса (то есть общепринятой системы ценностей и норм) в обществе, естественное состояние людей – «война всех против всех». Реализуя свои цели, индивид сталкивается с нормативными ограничениями и другими системными противодействиями своим интересам. И. Бентам отмечал, что каждый закон – зло, ибо означает нарушение свободы, но это – неизбежное зло, поскольку иначе невозможно обеспечить порядок и безопасность. Настаивая на реализации собственных интересов, индивид различным образом оказывает противодействие устоявшемуся социальному порядку общества. То, в свою очередь, вырабатывает систему социального контроля, который составляют политико-юридическая система, общественная мораль, обычаи и нравы, профессиональная система, неформальные требования и, наконец, семья и частная жизнь человека. Система социального контроля в своих функциях коррелирует с работой системы обеспечения социальной безопасности, которую, прежде всего, реализует государство. Обеспечение социальной безопасности призвано сбалансировать конфронтационные и другие интересы различных социальных групп ради удо-

влетворения общих жизненно важных интересов каждой личности, группы и общества в целом [1].

Понятие отклонения от нормы не является простым, оно носит дифференцированный характер. Не будем углубляться в подробности теории девиантного поведения, но отметим, что связь между девиантным поведением и преступлением вовсе не такая уж прямая. Понятие девиации (отклонения поведения от социальной нормы) является более широким и относительным по сравнению с преступным действием. Девиантное поведение является нарушением любой, даже негласной нормы в обществе. Преступление предполагает нарушение нормы, зафиксированной в уголовном законодательстве, и влечет за собой судебные санкции. Другими словами, не всякое девиантное поведение является преступлением, но всякое преступление входит в понятие девиантного поведения. Наличие преступления в обществе определяется в ходе функционирования нормативно-правовой и судебной систем.

Необходимо отметить, что утверждения о девиации (в том числе преступлении), находящейся в диалектической взаимосвязи с социальным порядком, являются устоявшимися в современной криминологии. Выводы о том, что преступление как форма отклоняющегося поведения в обществе имеет естественный характер и неизбежно, понимание девиации как «необходимого и закономерного способа изменения социальных систем, как механизма изменчивости, а следовательно, – существования и развития системы» [305, с. 29], для криминолога будут звучать общим местом. Более того, в рамках современного социологического знания существует такая дисциплина, как девиантология, которая исследует механизмы взаимодействия отклонений и правового порядка в обществе [2]. Вероятно, образовался зазор между

[1] К примеру, поддержание баланса реализации интересов различных конфессиональных групп в рамках одного общества (иудеи и мусульмане на территории России), этнических и национальных, эмигрантов и коренного населения, различных социальных слоев общества требует большой, профессиональной работы от института государства. Эта работа заключается в разработке и реализации всеобъемлющей системы национальной безопасности общества.

[2] Здесь будет достаточно указать деятельность научной школы И. Гилинского и ее отдельные работы. Например: Афанасьев В., Гилинский Я. Де-

криминологией, социологией, с одной стороны, и другим социальным гуманитарным знанием – с другой, где до сих пор мы не находим трактования социальной безопасности через понятия порядка и девиации (речь идет о русскоязычной литературе).

Ни одно общество невозможно разделить сколько-нибудь простым способом на тех, чье поведение отклоняется от норм, и тех, чье поведение соответствует им. Большинство из нас в тех или иных случаях нарушает общественные правила поведения, где-то преступает закон. Каждый человек, возможно, когда-то совершил небольшую кражу, не заплатил, нарушил правила приличия, опоздал, превысил скорость, допустимую при езде на автомобиле, и т. п.

Заслуживает внимания то, что история общества знает массу примеров, когда вчерашнее нарушение социальной нормы сегодня становится новым, общепринятым правилом поведения. К примеру, недавняя история нашего российского общества: если еще «вчера» бизнес в советском обществе был ярко выраженным девиантным поведением, противоправным действием (преступлением), нарушающим устои советского строя, то «сегодня» бизнес-деятельность является в обществе одной из самых распространенных. Девиантное поведение не всегда носит негативный характер, оно может быть связано со стремлением личности, социальной группы к новому, прогрессивному. Э. Дюркгейм утверждал, что если бы в обществе не было преступления, то не было бы и гения. К примеру, обратимся к такой болезненной теме для отечественной истории, как революционное освободительное движение в России. Кто такие русские революционеры – жестокие нарушители тогдашнего исторического социального порядка в России? Преступники или герои? К чему привел систематический подрыв социального порядка царской России? Какое значение имела деятельность революци-

---

виантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб. : СПбФ ИС РАН, 1995. 419 с. ; Гилинский Я. Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы // Социальный контроль над девиантностью в современной России. СПб. : Ин-т социологии РАН, 1998. С. 4–18 ; Гилинский Я. (ред.). Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.) : Тенденции и социологическое осмысление. СПб. : Алетейя, 2000. 384 с.

онеров в целом для судеб российского общества? – Вопросы, до сих пор нерешенные для нашего исторического сознания.

Обратим внимание на то, что социальная система общества не исключает, в принципе, девиантного поведения, а всякий раз частично адаптирует его. Связано это с тем, что различные отклонения в поведении индивидов от социальных норм в том числе являются источником изменения социальной системы и причиной ее развития. Сами девиации различают на социально одобряемые и неодобряемые. В целом, девиацию мы трактуем в традиции не столько Э. Дюркгейма, сколько с позиции теории социальной эволюции Н. Лумана. Девиация понимается автором как вариативность коммуникации [3], или девиация/инновация (Н. Луман).

Важно понимать проблему реализации социальной инновации, под которой мы понимаем любое нововведение в обществе. Как правило, инновация первоначально не принимается социальной системой. Обычно этому препятствуют устоявшийся порядок в профессиональной сфере деятельности общества, неформальные требования, общественная мораль, обычаи и нравы, и даже (когда мы говорим о современном обществе) сама политико-юридическая система.

С другой стороны, мы декларируем важность инновационного развития для страны и критикуем косность системы, препятствующей введению инноваций. Но при этом необходимо понимать, что неконтролируемость и непрогнозируемость различных нововведений в обществе ставит серьезную проблему нарушения устойчивости и воспроизводства социального порядка. Положительная девиация, которую мы трактуем как инновацию, не всегда и не везде воспринимается системой в подобном качестве. Многие авторы отмечают, что однозначного научного понимания «инновации» до сих пор не существует. Современную трактовку инновации дал Й. Шумпетер [181]. Он определил инновацию как средство предпринимательской деятельности для увеличения прибыльности и конкурентоспособности, главной же движущей силой экономического развития он счи-

[3] Напомним, что социальная коммуникация рассматривается нами как составляющая единица социальной системы.

тает предпринимателя или главного инноватора. Экономист Дж.А. Гибсон считал, что инновации позволяют открывать новые рынки, производить новые товары и находить новые способы их изготовления [46]. Подобный подход развивал П. Друкер, отмечая, что нововведения – это особый инструмент предпринимательства, средство, с помощью которого они используют изменения как шанс осуществить новый вид бизнеса или услуг [61].

В известной работе Р. Мертона [271] понятие инновации мы встречаем в классификации видов девиантного ведения, где он определяет инновацию как социальное нововведение, нарушающее социальные нормы. Сегодня многие авторы считают, что суть инновационного развития выходит далеко за пределы узких технико-экономических параметров. Понятие эффективности инновации чрезвычайно сложно и всегда относительно. Д. Норт отмечал, что меняется эффективность не всей системы и не для всех, а лишь для тех игроков, в чью пользу сложилось соотношение сил [127, с. 33]. Одновременно нельзя отрицать и того, что инновации имеют серьезные системные последствия. Это одна из важнейших причин, которая обусловливает жесткое сопротивление при внедрении инновации. Необходимо брать во внимание, что внедрение инновации не означает автоматического улучшения большей части общества.

Процесс инноваций может быть задан «извне» или «сверху», но он ни при каких обстоятельствах не может быть формализован, а ход его развития – исчерпывающе прогнозируемым. В любом инновационном процессе участвуют различные силы, как заинтересованные в изменениях, так и не желающие их. Важно отметить, что во внедрении инновации особенности межличностной и межгрупповой коммуникации играют значительную роль наравне с содержательной стороной самого нововведения.

Специалисты в области организационного развития выделяют три типа инновации в соответствии с концепцией «созидательного разрушения» Й. Шумпетера:

– трансформационные, или революционные, инновации, отвечающие историческим и необратимым изменениям существующего порядка;

– значимые инновационные процессы, вносящие коррективы, не столь масштабные, как предыдущие, но все же вызывающие довольно серьезные изменения. Часто значимые инновационные процессы сопровождают трансформационные;

– эволюционные инновации, которые являются движущей силой ежедневных изменений большинства корпораций [168, с. 117–118].

Е.Г. Пономарева, А.Э. Никифорова отмечают, что по отношению к организационным, управленческим, политическим и бизнес-процессам уровень инновации определяется двумя факторами: степенью их новизны и масштабом изменения условий, связанных с их внедрением. Эволюционные инновации не обладают высокой степенью новизны в глазах индивидов, участвующих в процессе их внедрения.

Значимые инновации воспринимаются как нечто новое и могут произвести более ощутимый экономический эффект. Трансформационные инновации приводят к появлению совершенно новых конструкций или производственных процессов и оказывают влияние на все стороны жизни [285]. Видимо, именно трансформационные инновации могут составлять угрозы упорядоченности и стабильности жизни отдельных социальных групп и даже целого общества.

На основе результатов, полученных в ходе продолжительного исследования условий рыночной эффективности крупнейших американских компаний, была выведена интересная закономерность между тремя типами инноваций. Внедрение значимых инноваций часто вызывает изменения рыночной эффективности, примерно на порядок отличающиеся от последствий эволюционных, и приводит к соответствующим изменениям финансового состояния рынка (при десятикратном увеличении неопределенности). Значимые инновации часто порождают новые: стоит им начаться, как вслед за ними возникают другие. Трансформационные инновации имеют на порядок больший масштаб, чем значимые. Эти процессы разрушают социальную ткань намного эффективнее, чем эволюционные инновации. Р. Фостер отмечает, что частота инновационных процессов подчиняется логарифмической закономерности. Иными словами, на каждые

сто эволюционных инноваций приходятся десять значимых. А на каждые десять значимых – одна трансформационная [168].

Эффективность инновации связана также и с тем, что значимые организационные и технологические инновации ведут к перераспределению экономических и политических ресурсов в обществе, а потому чреваты не только экономическими, но и социальными и политическими проблемами, ведущими в том числе и к угрозам различного характера. «Те, кто выигрывает от текущего экономического и политического статус-кво, имеют рациональные основания опасаться условий, способствующих модернизации, ведущей к инновационному развитию» [102, с. 8]. И быть может, в долгосрочном плане (а долгосрочное прогнозирование, как известно, вещь труднодоступная и ненадежная) общество может выигрывать от запуска инновационной модели развития, но при переходе к ней определенные социальные группы несут серьезные потери. К примеру, в современной России для многих социальных групп текущее состояние оказывается предпочтительнее рисков перехода к новым, с неизвестными последствиями, моделям политического и экономического устройства страны. Группы, опасающиеся нового, воспринимают призывы руководства страны к инновационному развитию не только как нечто чуждое, как «принуждение к инновациям» (В.Л. Иноземцев), но как покушение на имеющиеся блага [285].

Итак, инновационное развитие общества ведет к росту отклонений от устоявшихся социальных ограничений или норм, что, в свою очередь, увеличивает количество рисков. Развитие коммуникативного пространства связано с ростом процессов демассификации и дестандартизации социальной жизни. Считаем, что *безопасность необходимо рассматривать в том числе как устойчивость социального порядка в условиях инновационного развития общества или в условиях одобряемой девиации.*

Итак, общество как система характеризуется незыблемым противоречием между интересами личности и социальным порядком. Интересы субъектов выражаются через различные общественно-политические структуры: политические партии, профсоюзы, союзы предпринимателей, лоббистские структуры, общественные организации. В механизмах, посредством которых осуществляется связь между гражданами и государством,

существенная роль принадлежит группам интересов и группам давления. Группы интересов представляют собой добровольные объединения граждан, не являющиеся политическими партиями. Они создаются для выражения и представления интересов людей во взаимоотношениях с другими группами и политическими институтами.

А. Бентли, автор концепции групп интересов, утверждал, что свои интересы индивиды осуществляют посредством групп, в которые они объединены на основе общности интересов. Индивидуальные убеждения, отдельные идеи и личностные характеристики поведения имеют значение лишь в контексте деятельности группы и учитываются в той мере, в какой они помогают выработке образцов (моделей) группового поведения. Различия в политических режимах А. Бентли представлял как различия в типах групповой деятельности или в технике группового давления.

Нарастание разнородности социальных интересов приводят к появлению многообразия заинтересованных групп, автономных по отношению друг к другу (например, групп от бизнеса, профсоюзов, фермеров, интеллектуалов, ВПК). Политические решения в этих условиях перестают быть прерогативой официальных институтов власти, а становятся результатом компромисса противостоящих групп интересов.

Группы интересов обладают широкими возможностями воздействия на власть, а соответственно, на жизнь общества в целом. В таком качестве они выступают как группы давления. Возможными способами воздействия (давления) могут выступать их экономические и финансовые ресурсы, информация и опыт политического участия их членов, организационные структуры и пр. В зависимости от значения для политической системы соответствующих властных ресурсов групп интересов последние обладают тем или иным весом при принятии управленческих решений. В противоположность этому попытки влияния на власть маргинальных, нетрадиционных групп интересов, игнорирующих принятые в обществе нормы и ценности, могут обладать разрушительным действием для существующего социального порядка. Эти попытки влияния обычно отторгаются социальной системой.

В рассматриваемом контексте, в особом противостоянии с нормативно-правовой системой общества (интересы которой, прежде всего, отражает и защищает государство) находится мир бизнеса, цели которого носят ярко выраженный прагматический характер. Понятно, что социальные субъекты в сфере бизнеса разворачивают свою деятельность в рамках нормативно-правовой системы общества, но их интересы, будучи интересами исключительно частного характера, потенциально всегда вступают в противоречия с общественными требованиями и ограничениями правового порядка.

Итак, для обеспечения своей безопасности социальная система общества выработала особый механизм контроля за исполнением социальных норм, который осуществляется, прежде всего, институтом государства. Но возникает вопрос, только ли нарушение социальной нормы, закона ведет к угрозам для существования социального порядка? Не является ли сегодня сама устойчивость и стабильность системы видимостью, иллюзией социальной безопасности? Ведь достаточно вспомнить название последней переведенной работы З. Баумана «Текучая современность», где «текучей современностью» теоретик нарекает современный социальный мир. Метафора, предлагаемая теоретиком, не является революционной в современной социальной теории. Современное общество нарекают «ускользающим миром» (Э. Гидденс), «обществом риска» (У. Бек). Речь идет о возрастающей и принципиальной неупорядоченности вещей, составляющих социальную реальность. В этом контексте, методологические возможности понятий «социальный порядок» и «девиантное поведение» в объяснении феномена социальной безопасности нуждаются в определении своих границ, а это открывает серьезную перспективу исследовательского поиска.

Как известно, понятие личности, такая ценность, как свобода личности, либеральная демократия, являются атрибутами развития западной цивилизации [4]. Для нас важно понимание того, что именно реализация личностного начала индивида, сво-

[4] Обратим внимание, что сама теория девиантного поведения появляется в западной интеллектуальной мысле как некий инструмент для адекватного понимания реалий западного общества (Э. Дюркгейм, Р. Мертон и др.).

бода личности порождают в обществе сложную, часто не регулируемую систему отношений. Свобода человека выражается в том, что он, независимо от многих социальных ограничений, отстаивает, прежде всего, свои интересы. Там, где индивид более свободен (а его независимость, прежде всего, обеспечивается его экономическими возможностями), упорядоченность системы общества переживает серьезные вызовы. Несопоставимость интересов различных субъектов вынуждает культивировать и активно развивать систему обеспечения безопасности, всякий раз дифференцировать (в силу изменения, возникновения новых интересов субъектов) различные ее области и одновременно поддерживать централизацию регулирования и управления социальной жизни.

Ряд социальных теорий утверждают, что сознание человека в истории развивается в сторону обособления от своей группы, индивидуализации. В конечном итоге, сознание обретает ярко выраженный личностный характер и, соответственно, артикулированные собственные интересы, которые формируют в обществе институт частной собственности и культивируют такую ценность, как свободу личности. Такая ситуация выражается в росте девиации/инновации или вариативности коммуникации (по Н. Луману) в обществе или в многообразии групп интересов. Казалось бы: определяется логика развития общества и представления о безопасности: от простой силовой модели власти, которая вкупе с традицией сохраняет общество в статическом, закрытом и устойчивом состоянии, к сложному, «подвижному/текучему», открытому обществу, которое культивирует мифологемы «либеральной демократии», «гражданского общества», выстраивает эффективный государственный аппарат, институт частной собственности и, в итоге, принимает сетевой характер организации.

Подобная система защиты и воспроизводства социального порядка современности характерна не для всех обществ. Большинство стран в мире – это в различной мере закрытые (не столько в политическом, сколько в культурно-генетическом плане), развивающиеся общества, их еще называют традиционными. В рассматриваемом типе человеческого сообщества сознание индивида не так выраженно артикулирует и противопо-

ставляет собственное Я другим. Это, прежде всего, выражается в неопределенности, размытости собственных личных интересов, но в отчетливом понимании интересов своей группы, своего сообщества. Если индивид и осознает свои интересы, то они не противопоставляются явно обществу, а так или иначе подчиняются традиции, социальной системе в целом. Человек идентифицирует себя с группой и связывает свое «я» более с «другими» (семьей, родом, кланом, сообществом). Такие ценности, как личность, свобода личности, собственность, если и присутствуют в какой-то мере, то уступают место коллективизму и другим ценностям, которые культивируются традицией (часто религиозной нормой). Невыраженность личностного начала, принципиальное отсутствие противодействия группе, сообществу, социальной системе порождает утверждение и монополию власти как «абсолютной защиты» для всех, гипертрофированность государственного начала. Все подчинены одному. Интересы человека и общества постулируются и охраняются государством («Партия и народ едины!»). Социальная безопасность осмысливается в обществе исключительно как защита интересов государства и государственной власти. Внутри общества отслеживается и контролируется, прежде всего, легитимность власти. Внешняя среда, внешние социальные субъекты (другие государства, их геополитические интересы) для такой социальной системы общества являются более важным и серьезным раздражителем. Соответственно, подобное общество вырабатывает систему безопасности, направленную, в большей мере, на предотвращение и борьбу с внешними угрозами и, соответственно, на защиту своей суверенности, самобытности.

Вслед за Н. Луманом, в понимании общества мы исходим из таких переменных, как плотность коммуникаций или частота или спецификация информационных импульсов, и, прежде всего, учитываем циркулярный характер усиления девиантности [103, с. 30], что является, по сути, оборотной стороной колонизации «частного» «общественным». Рост девиации/инновации можно трактовать как рост частного интереса в обществе. Скрепой же и носителем «общественного» интереса является норма, представленная религией, моралью, правом.

Если обратиться к приведенному нами сопоставлению двух состояний общества через призму подобного подхода, то можно различать общество с низким уровнем вариативности коммуникации, или девиации/инновации, и общество с высоким уровнем вариативности коммуникации. Это различение задает разные представления об обеспечении безопасности. Можно утверждать, что с ростом девиации/инновации, или вариативности коммуникации, в обществе меняются модели обеспечения безопасности. Современность, по сравнению с предшествующим традиционным типом общества, являет собой крайне подвижный социальный организм. Подобное утверждение мы соотносим с представлением Дж. Урри о различных режимах циркуляции потоков людей, объектов, информации для различных обществ [166, с. 143].

В целом, важно обратиться к пониманию закономерности: чем более свободна личность, тем большее количество девиации (различного рода нарушений социального прядка) она способна осуществлять, тем проблематичнее ее деятельность с точки зрения устойчивости социального порядка. Соответственно, тем более развитой, более адаптивной к подобному уровню свободы (масштабу вариативности коммуникации) индивидов в обществе становится система социального контроля, нормативно-правовая система, система власти, отслеживающая и защищающая социальный порядок. По сути, рост свобод в условиях системы общества означает для устойчивости порядка рост вариативности социальной коммуникации, или девиации/инновации. Само общество, во избежание распада, вырабатывает новые механизмы регуляции социальных отношений и устойчивости порядка, появляются новые структуры накопления и ускорения девиации/инновации (Н. Луман). *Такие социальные институции, как гражданские права и свободы, гражданская ответственность, правовое государство, гражданское общество, либеральная демократия, национальные интересы и национальная безопасность, являются новыми форматами упорядоченности возрастающей вариативности социальной коммуникации и становятся частью культуры современного общества.*

Итак, *безопасность и общества, и индивида можно определить как свойство социального порядка сохранять и разви-*

вать самое себя в условиях девиации, в том числе одобряемой девиации (инновации). Упорядоченность системы общества всякий раз затрудняет реализацию интересов различных субъектов, но одновременно является основанием их «онтологической безопасности».

Поскольку в современном обществе, где приоритетной ценностью провозглашаются права и свободы личности, растет многообразие интересов различных субъектов, а нарушение нормы, или «вариативность коммуникации» (Н. Луман), становится потенциально тотальным, говорить об устойчивости и упорядоченности социальных отношений (безопасности) становится все более проблематичным.

Сегодня утрачена былая сбалансированность между общественным и частным, за счет которой поддерживалась устойчивость социального порядка: «“общественное” колонизируется “частным”… [а] “общественные проблемы”, которые не могут быть подвергнуты подобной редукции, и вовсе перестают быть понятными» [17, с. 62–63]. В таких условиях подрывается основание социальной жизни каждого субъекта (личности, общества, государства), возрастает необходимость в обеспечении социальной безопасности. Соответственно, еще более значимой становится роль государства как гаранта безопасности в жизни личности и общества. Куда приведет увеличивающийся разрыв между растущим многообразием социальных интересов различных субъектов, выраженных в девиации/инновации, и ценностной, нормативно-правовой упорядоченностью социальной действительности – вопрос, ответ на который требует серьезного научного поиска.

1.3. Девиация как вариативность социальной коммуникации. Информация в теории социальной эволюции Н. Лумана

Более подробно остановимся на вопросе: каким образом понятие девиации/инновации связано с понятием информации? Вслед за Н. Луманом, *рост девиации/инновации мы связываем с ростом интенсивности коммуникации или, по сути, с ростом «различения различения»* – так Н. Луман определяет информацию.

Что понимать под информацией, социальной информацией? Можно говорить о статическом и динамическом представлении об информации: информация как сведения, элемент социальной коммуникации, и информация как «различение различения», момент самореференции/инореференции системы. В нашем исследовании мы будем использовать динамическое представление об информации, заданное Н. Луманом в теории социальных систем.

В понятии мы выделяем утверждение о том, что информация – это новые сведения. Наше представление об информации близко определению Н. Лумана. Информация является составляющей коммуникации вместе с сообщением и пониманием.

Информация в интерпретации Н. Лумана – не структура, а событие. Он определяет информацию как «событие, которое меняет состояние системы». А.В. Назарчук отмечает, что такое определение информации означает, что информация не есть материал, вневременная «библиотека», как ее понимают в информационных науках, напротив, она – как событие – внезапна, имеет начало и конец. «Информации являются временными различиями, постоянно конституированными внутри системы, которые реализуются из взаимной игры автореферентных или инореферентных обозначений, постоянно процессируемых внутри системы» [125, с. 92].

Появляясь, информация не исчезает бесследно, а оставляет структурный эффект, изменяя состояние системы. Реагируя на это изменение, меняется вся система. Те сообщения, которые не ставят под сомнение прежнее состояние системы и не побуждают к реакции, не несут информации и ею не являются. Но информация не обязательно результируется в системных измене-

ниях. Даже обогащение наблюдения системы, углубляющего ее дифференциацию, можно считать эквивалентным ее изменению [125, с. 92].

А.В. Назарчук указывает на то, что понятие информации в интерпретации Н. Лумана, подобно многим другим понятиям, претерпевает существенные изменения в сравнении с традиционными представлениями. Главное из изменений заключается в том, что информация не привходит извне и не от чего не «передается», она может быть только частью автореферентных систем, действующих вследствие изменения собственных состояний, а не каузальным изменением вследствие внешнего воздействия. Информация создается не из самой себя, а в ответ на внутренние ирритации системы [там же]. Информация – это всякий раз результат нового наблюдения второго (и очередного) порядка, составляющий содержание-послание (message) коммуникации. В этом смысле, *информация наполняет вариативность коммуникации, ее девиантный/инновационный характер*.

Н. Луман считал, что информация (релевантные для системы состояния и события) суть внутрисистемные достижения, приобретаемые с помощью техники различений. Мы бы отметили, что информация – это моменты становления тождества. Внешний мир – это абсолютное Все, которое в этом статусе непрозрачно и недоступно. Система же способна «видеть», то есть выбирать свое и оставлять без внимания (в ранге возможности) другое. Система, таким образом, «видит» только себя, ограничена в своем «зрении» своим горизонтом. То, что «видит» система, и есть ее коммуникации, которые необходимо отличны от мира самого по себе. Другими словами, она пребывает в состоянии самоотражения себя (фрагмент известного определения информации), в состоянии единства тождества и различия (В.И. Кашперский), в условиях структурного соответствия, подобия, в информационном взаимодействии. Событие, полагаемое системой в ее внешнем мире и релевантное для нее, уже всегда внутрисистемное, переработанное ею событие, но эта замкнутость системы означает ее мирооткрытость: «Поскольку все информации и информационные ожидания, то есть структуры, приобретаются через проекции различений, эта закрытость и есть открытость системы, ибо с помощью этой техники система

в состоянии узнавать саму себя в своей дифференциации по отношению к внешнему миру» [125, с. 237].

Внешний мир есть то, что уже представлено (а значит, редуцировано, информационно переработано) в системе, и она реагирует на него как на свое внутреннее состояние. Но она открыта, поскольку внешний наблюдатель констатировал бы корреляции между внешним миром системы и ее внутренним миром.

«Наблюдение второго порядка» – это та характеристика смысловой системы, которая является свойством социальной системы и индивида (психическую системы) как вещей, эволюционирующих, подверженных дальнейшей дифференциации в ходе социального информационного взаимодействия. (Всякая вещь творит другие вещи и творима ими посредством взаимодействия множеств информации). Ввиду этого, и социальная система, и индивид, чтобы наблюдать себя, относят себя к «другому», называют себя (самореференция) и «другого» (инореференция). Этот момент Н. Луман называет «различением различения», или информацией. Единство и смысловой, и социальной системы всякий раз становится несовершенным, очередной акт самореференции/инореференции подвергает его потенциальной деконструкции. Эти моменты составляют существо содержания взаимодействия с внешней средой, или самореференции системы, или социального информационного взаимодействия. Но выражены они для наблюдателя в виде социальной коммуникации. Можно сказать, что коммуникация является формой социального взаимодействия, информация передает его содержание.

Н. Луман отмечает, что информация является различением между тем, что могло бы быть, и тем, что происходит и сообщается. В качестве различения информация не имеет ни измерений, в пределах которых она бы могла варьироваться, ни местоположения, где ее можно было бы обнаружить. Возможно лишь выделить систему, которая занимается ее обработкой.

В современном мире взрывной рост необходимости решений, которые, в свою очередь, являются следствиями других решений и влекут за собой другие решения, *требует новых форм динамической, а не структурной стабильности мира.* Он влечет за собой возникновение рисков в их восприятии об-

ществом. Современное общество является и «информационным», и «обществом риска».

Накопленные данные, книги в библиотеках, документы в архивах, работающий компьютер лишь виртуально являются информацией, становящейся актуальной только тогда, когда ее запрашивают. Н. Луман отмечает, что различение виртуальной и актуальной информации позволяет связать воедино феномен доступности информации в мировом масштабе и всегда локальный, контекстовый характер ее производства. Информация становится информацией только при ее запросе. Таким образом, *информационное общество в структурном и операциональном отношении состоит из результатов запросов, место накопления которых невозможно указать и которые теряют характер информации после осуществления коммуникации* [403].

Рост информации, или рост многообразия, вызванный скоростью взаимодействия систем, ведет к изменению социального порядка. Логику этого изменения мы бы выразили следующим образом: *от стабильности порядка к его постоянному состоянию рестабилизации; или от структуры порядка к постоянному состоянию реструктуризации как характерного состояния социальной системы общества. Вариативность коммуникации, выраженная в новой информации, и есть девиация/инновация для социальной системы. Вариативность эта вызвана к жизни условиями меняющейся окружающей среды, с которой система взаимодействует.*

Отклонение (или вариативность) коммуникации от должного, общепринятого возрастает с отбором из известного или неизвестного репертуара возможностей, при котором должно присутствовать несоответствие с утвердившимся пониманием (интерпретацией чего-либо) [101, с. 197]. В этом смысле, инновационность и девиантность являются двумя сторонами одной медали – вариативности коммуникаций.

Н. Луман объясняет социальную эволюцию как процесс возрастающей дифференциации коммуникации (социальных практик) с последующей рестабилизацией социальных форм жизни. Рост вариативности коммуникации (девиации/инновации) служит условием развития социального порядка, но, с другой стороны, составляет основную угрозу распада

социальной системы. Н. Луман считает, что система общества до сих пор вырабатывала «формулу спасения», которая заключается в создании дополнительных структур ускорения и накопления девиаций, но всякий очередной раз с возрастанием скорости и многообразия коммуникации/девиации опасность распада системы общества (контингенции) приближается.

Социальный порядок представлен в обществе структурами. *Структуры,* вслед за Н. Луманом, мы трактуем *как условия ограничения в области допускающих подсоединение операций (коммуникаций)*. Они представляются «стабильными» в том случае, если существуют другие структуры, которые навязывают повторное применение первых. Структуры всегда воплощаются лишь в координировании (ограничении сферы возможного) текущего процесса перехода от одной операции к другой. И именно это операционное (коммуникационное) отношение делает возможным эволюцию общественных структур [100, с. 21–22].

Итак, кратко, утверждения о принципах организации и динамики изменения социального порядка звучат так: варьирование коммуникации (девиация/инновация), выраженное в информации (различении различения), порождает дифференциацию (отклонение от того, что было обычным прежде). Эта дифференциация требует селекции – выбора в пользу или против инновации. Селекция, если она выбирает новое, в свою очередь, с необходимостью запускает каскады приспособительных или ограничительных движений в системе. Если же она выбирает сохранение старого, то требуются подтверждения этой опции, поскольку прежде то, что понятно, стало контингентным (неизвестным, неопределенным). В процессе варьирования изменяются элементы системы – коммуникации (их же мы рассматриваем как социальные практики). «Элементы системы воспроизводят отклоняющиеся элементы (коммуникации). Селекция имеет дело со структурами системы – с направляющими коммуникацию ожиданиями. Руководствуясь отклоняющейся коммуникацией, селекция отбирает такие смысловые отнесения, которые обещают оказаться ценными для выстраивания структур, подходят для их повторного применения и могут оказывать воз-

действие на процессы образования ожиданий и конденсаций (смысла).

Приписывая такие девиантности условиям ситуации, предавая их забвению или даже в явной форме их отклоняя, – селекция отбрасывает именно те нововведения, которые представляются непригодными в качестве структур, а значит – в качестве направляющих линий коммуникаций. Рестабилизация характеризует состояние эволюционирующей системы после некоторой успешной – позитивной или негативной – селекции. В ходе дальнейшей эволюции общества функция рестабилизации все больше смещается в ведение подсистем общества, которые должны утвердиться во внутриобщественном внешнем мире» [103, с. 21–22].

На наш взгляд, *суть направления эволюции социального порядка можно заключить в одну фразу Н. Лумана: «Чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится потребность в Неотрицаемом»* [там же, с. 66]. *Подобная потребность реализуется в виде роста информационных потоков – роста «различения различения». Такие ценности современности, как индивидуальная свобода, самореализация личности, творчество, инновационная деятельность, в подобном контексте являются не чем иным, как воплощением требований логики эволюции социального мира.* Н. Луман пишет об *опасном движении в сторону новых случайных эффектов накопления и ускорения варьирования (девиации/инновации)*. Он ставит проблему «формулы спасения» для системы общества.

Становится понятным, почему Н. Луман судит о состоянии общества, исходя из таких переменных, как плотность коммуникаций или частота информационных импульсов. Обратим внимание на то, что *плотность, или интенсивность, коммуникаций и частота информации (информационных импульсов) понимаются как одно явление.* Для нашего исследования это замечание является принципиальным, поскольку именно такая концептуализация взаимосвязи вариативности коммуникации (девиации/инновации) и информации позволяет нам увидеть взаимосвязь понятия безопасности как устойчивости структуры и понятия информации. При этом учитывание циркулярного ха-

рактера усиления девиантности [103, с. 99] позволяет выявить *ведущее противоречие, актуализирующее информационную природу безопасности субъекта*. *Оно заключается в разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта (личности, общества, государства) и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство.* С точки зрения Н. Лумана, обществу угрожает «коллапс различения стабильности и вариативности».

1.4. О подходе к понятию информационной безопасности

Итак, если в определении безопасности субъекта, общества в целом мы придерживаемся подхода, утверждающего о безопасности как устойчивости социального порядка (структурности) в условиях возрастания девиации/варьирования коммуникации, то информационная безопасность как защита информации и защита от информации субъекта выступает существенным аспектом понятия. Ведущее противоречие, которое актуализирует информационную природу безопасности субъекта, заключается в разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта (личности, общества, государства) и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. Мы считаем, что «рост частоты информационных импульсов» (Н. Луман), выраженный в усилении девиантности, является, по сути, оборотной стороной колонизации «частного» «общественным» (З. Бауман).

Для утверждения такой позиции мы отталкиваемся в том числе от синергетической методологии [88; 164], позволяющей определять природу системы общества как информационную.

С целью уточнения методологической связи понятий мы провели анализ существующих подходов к толкованию безопасности и информационной безопасности. В настоящей главе предложена концептуализация подхода к определению безопасности субъекта через сопоставление и анализ категории «соци-

альный порядок» и понятия девиации, где девиация рассматривается как девиация/инновация или вариативность коммуникации, структурирующая социальный порядок современности. Обратим внимание на то, что безопасность необходимо рассматривать в том числе как устойчивость социального порядка в условиях инновационного развития общества, или в условиях одобряемой девиации.

На наш взгляд, важно понимать роль информации как «различения различения» (Н. Луман) в современном росте интенсивности коммуникаций, задающем характер «текучей современности» (З. Бауман) обществу. Информация как новые сведения появляется ввиду вариативности коммуникации. Новое возможно, так как возможна девиация/инновация. В этом контексте информация является и источником угрозы, и источником социальных изменений.

Необходимо осознать мысль о том, что безопасность системы (и психической, и социальной) составляет устойчивость структуры (порядка, если говорить о социальной системе) в условиях роста вариативности коммуникации, где информация, будучи обязательным аспектом коммуникации, ее содержанием [42], составляет суть этой вариативности как «нового» или «отклонения от ожидаемого», «нарушения структурного ограничения». В этом смысле, информация является событием, меняющим состояние системы.

В зависимости от интенсивности вариативности коммуникации (девиации/инновации) автор различает два типа обеспечения безопасности общества: обеспечение безопасности в условиях низкой интенсивности вариативности коммуникаций (состояние традиционного общества) и обеспечение безопасности в условиях высокой интенсивности вариативности коммуникаций (состояние современного общества). Подобный вариант представления об обеспечении безопасности в том числе указывает на два варианта соотношения общего и частного в обеспечении безопасности субъекта (государства, общества, личности).

Угрозы и риски, вслед за виртуализацией социального мира (М. Кастельс, Д. Иванов), в своей массе «перемещаются» в сетевое информационное пространство. В частности, речь идет о

киберпространстве. Современная Сеть является мощным очагом накопления и ускорения потока информации. Но с нарастанием информационных потоков и устареванием информации общество в лице его субъектов вырабатывает новые социальные практики обеспечения собственного самосохранения далеко не только в виртуальной реальности киберпространства, но и, прежде всего, в обычной жизни. Сегодня человек, организация, другие социальные субъекты формируют новые практики поведения, направленные на обеспечение безопасности своих интересов. Это выражается в росте временности вещей в жизни человека, временности места пребывания, временности в отношениях между людьми, временности существования организации и сотрудничества с организацией и, наконец, временности самой информации, идей, смыслов. «Для того чтобы выжить, предотвратить то, что мы назвали шоком будущего, индивид должен стать бесконечно более адаптируемым и знающим, чем когда-либо раньше. Он должен искать абсолютно новые способы бросить якорь, ибо все старые корни – религия, нация, общность, семья и профессия – уже шатаются под ураганным натиском силы ускорения», – писал Э. Тоффлер. [159, с. 48].

Для того чтобы ставить проблему «защищенности информационной среды», необходимо задать структуру этой среды или как-то иначе определить ее. Отметим, что в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации присутствует различение информационной среды относительно интересов субъектов: личности, общества и государства, а также по отдельным сферам деятельности в обществе. В документе фиксируется понятие информационной сферы, которая дополняет понимание информационной среды. Информационная сфера представляет собой «совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений» [1].

Мы предлагаем более общее различение информационной среды: 1) информационная среда самого современного общества с его практиками обеспечения безопасности (широкое понятие информационного пространства) и 2) киберпространство (узкое

понятие информационного пространства) как особая виртуальная среда с его специфическими свойствами. Такое различение отталкивается от представления о двух типах социальной реальности – «актуальном» и «виртуальном» мире, которое развивают в своих работах А.В. Говорунов [227], В.И. Игнатьев [250; 251] и др. А.В. Говорунов отмечает, что проблема виртуальной реальности – это проблема исполненности интенциональных актов. Все различия между миром реальным и миром виртуальным будут укладываться в соотношение актуального и потенциального.

Чаще информационными угрозами называют угрозы, исходящие от киберпространства (от виртуального мира). Но повторим: для нас важно понимание того, что само современное общество, в условиях роста интенсивности информационных потоков, вырабатывает новые социальные практики не только в Сети, но и в обычном мире «актуальной реальности», которые можно считать и практиками обеспечения безопасности субъектов. Соответственно, *об обеспечении информационной безопасности можно говорить в широком и узком смысле этого слова:*

– информационная безопасность в условиях современного общества (реального социального порядка);

– и информационная безопасность в условиях киберпространства (виртуальной социальной реальности).

В первом случае речь идет о социальных практиках, адекватных скорости и многообразию современных коммуникаций. Во втором случае, речь идет о сетевых практиках, адекватных изменчивому виртуальному пространству. Другими словами, мы говорим о двух типах практик обеспечения информационной безопасности. *Второй тип практик обеспечения информационной безопасности составляет частный случай первого. Первый тип практик обеспечения информационной безопасности – это общие практики безопасности. Второй тип практик назовем сетевыми практиками информационной безопасности.*

Мы бы предложили следующий подход к определению информационной безопасности: *информационная безопасность – это обеспечение безопасности социальных практик информационной среды в условиях роста интенсивности информационных потоков и устаревания информации. И первый и*

второй типы социальных практик сводятся к содержанию: 1) защиты субъектом своей информации и защиты от внешней информации; 2) к ориентации в информационном пространстве, поскольку ресурсы в условиях роста устаревания информации должны всякий раз пересматриваться и обновляться.

Если информация – это событие, меняющее состояние системы (по Н. Луману), то защиту своей информации можно интерпретировать как препятствие (социального, организационного, технологического, психического плана) изменению чужой системы (индивида или социальной системы) с целью предотвращения возможности этой системы нанести ущерб.

Защита от информации является выстраиванием препятствий (социального, организационного, технологического, психического плана) изменению своей структурности или системы в сторону ее деградации или уничтожения.

При соблюдении первого условия информационной безопасности (защиты информации и от информации) вторым является ориентация в информационном пространстве, обеспечивающая «владение информацией». На наш взгляд, актуальность второй составляющей информационной безопасности растет с ростом интенсивности информационных потоков и ростом устаревания информации. Но также растет невозможность этой ориентации. Представляется, что дилетантизм субъекта является следствием нарастания сложности социального мира. Ситуация «ускользает» и становится «нечеловекоразмерной». Владение информацией – это владение ситуацией. Если бы оно было полностью возможно для социального субъекта, то первое условие информационной безопасности не играло бы какой-либо значительной роли.

В последующей главе обратимся к пониманию и анализу информационной безопасности в широком смысле этого слова или к характеристикам общих практик информационной безопасности.

Глава 2
СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РОСТА ИНТЕНСИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ СЕТЕЙ И ПОТОКОВ

2.1. Рост интенсивности социального информационного взаимодействия и особенности современных социальных практик

Прежде чем обратиться к анализу особенностей общих практик обеспечения информационной безопасности, рассмотрим, в целом, состояние социального мира в условиях современного роста информационных потоков.

Ускорение социокультурной эволюции, вслед за Н. Луманом, мы трактуем как дальнейшее увеличение дифференциации социальной коммуникации. Социальную коммуникацию и социальную информацию мы рассматриваем как форму и содержание информационного аспекта социального взаимодействия [42]. Все более расширяется спектр эволюционных механизмов вариации и отбора доказавших свою пригодность, социально успешных, наследуемых селекций. Это ускоряет социальную эволюцию, поскольку теперь увеличивается возможность выбора на основе более специфических позиций. С точки зрения Н. Лумана, основное свойство современного общества – возросший процесс системной дифференциации как способа взаимодействия со сложностью его внешней среды. Дифференциация есть «репликация в пределах системы различия между системой и внешней средой». Можно сказать, что дифференциация в системе – это способ действия в отношении изменений во внешней среде. Система поддерживает свои границы с внешней средой, иначе бы ее поглотила сложность внешней среды, она бы разрушилась и прекратила свое существование. Процесс дифференциации представляет собой средство повышения сложности системы, поскольку каждая подсистема может уста-

навливать с другими подсистемами различные связи. Это предусматривает большее внутрисистемное разнообразие для реагирования на разнообразие внешней среды [100].

Вызываемое дифференциацией большее разнообразие не только предусматривает лучшую реакцию на внешнюю среду, оно предусматривает более быструю эволюцию. *Процесс социального ускорения характеризуется: 1) увеличением моментов выбора информации или увеличением количества значений (информации); 2) увеличением скорости выбора информации или увеличением скорости социального информационного взаимодействия* [42].

«Коммуникативные коды (власть, истина), – пишет А.Ю. Антоновский, анализируя работы Н. Лумана, – и есть те смысловые схематизмы, типы, которые управляют селекциями той одной-единственной возможности, которая в данном контексте (горизонте возможностей) имеет смысл, актуализируется и, в конечном счете, определяет содержание системы, становится ее элементом» [99, с. 230]. Было время, когда не было власти и истины, права и собственности. Что же тогда определяло селекцию действий и переживаний? Видимо, конкретные, многообразные ситуативные контексты. Если, здороваясь, мне подают руку, я в ответ протягиваю свою. И это тоже форма влияния, поскольку мой знакомый, выбрав свое действие («редуцировав комплексность контингентно-возможного»), сузил круг моих возможных ответов. В данном случае возникла система интеракции. Генерализация коммуникативных средств состоит в том, что индивиды начинают выбирать (селекционировать) свои действия, отказываясь связывать их с конкретной ситуацией, пусть даже она и обещает непосредственное вознаграждение: если у меня срочное поручение начальника, я ведь не зайду по пути в кафе. Отныне в любой социальной ситуации, в которой бы ни находился действующий, он ориентируется (выбирает свой действия и переживания) на генерализированный (то есть обобщающий) код (например – власть). Из множества возможных действий реализуется лишь одно, имеющее смысл в данной системе. Социальное действие конституировано горизонтами, которые выполняют функцию редукции комплексности возможных действий. Каждый горизонт имеет дуальную, симмет-

ричную структуру (истина-неистина, власть-безвластие, любовь-нелюбовь) – смысловой механизм, ориентир, отвечающий за отбор («селекцию») участниками именно системных или внутрисистемных действий. В рамках простейшей системы интеракции все возможности выбора действий симметричны. Выбор внешнего или внутреннего, авторства «Эго» или «Альтера», прошлого или будущего в горизонтах действия – равновероятен. Однако в процессе функциональной дифференциации общества эта априорная структура асимметризируется: каждая специфическая, дифференцированная система (наука, политика и др.), которая имеет своими элементами системы интеракции, так ангажирует сами по себе симметричные интеракции, что те или иные значения в горизонтах системы получают устойчивые предпочтения [99, с. 239]. Поскольку всякая интеракция в той или иной степени «ангажирована» специфической функциональной подсистемой со специфическими ролями (наукой, политикой, религией и т. д.), то в результате горизонты асимметризируются – в каждом измерении возникают устойчивые распределения значений (предпочтения, ожидания). С другой стороны, выбор в горизонтах функционально-дифференцированных систем определяется иными смысловыми схематизмами (деньги, власть, истина, право, собственность) [там же, с. 240]. Нарастание дальнейшей дифференциации ведет к ускорению коммуникаций внутри системы и за ее пределами.

Современное общество теперь располагает более адекватными средствами самоописания, чем это было, скажем, в эпоху Просвещения. Оно способно уловить, какие именно изменения вызываются им самим, его структурами, то есть какие последствия можно ожидать в будущем. Н. Луман утверждал, что современное общество переживает свое будущее в форме риска решений. Автор общей теории систем ставит вопрос об экологии как о проблеме самосохранения общества. Под экологией теоретик понимал «совокупность научных исследований, которые на любом уровне системообразования занимаются последствиями дифференцирования окружающей среды системы и самой системы для окружающей среды»[там же, с. 127]. Известно, что многие экологические проблемы вызваны решениями об использовании техники, но, ввиду сложности взаимосвязей раз-

личных факторов, нельзя связать вину за это ни с одним отдельным решением. Равным образом, и выйти из затруднений посредством решений – экономических, политических, научных – невозможно. Современные экологические проблемы (по Н. Луману) вызваны отсутствием единой, целостной самореференции общества, его функциональной дифференциацией, в основаниях которой, на наш взгляд, лежит ускорение социального информационного взаимодействия вещей социальной реальности.

С одной стороны, в обществе возрастают возможности воздействия на окружающий мир. С другой стороны, реагировать на возникшие изменения приходится не тем, кто их вызвал, а функциональным системам, которые считаются для этого полномочными (например, науке или политике).

А.Ф. Филлипов, вслед за Н. Луманом, утверждает, что, по существу, интенсивность коммуникаций по проблемам самосохранения общества обусловлена тем, что предметом обсуждения становится незнание [312, с. 188]. Социальное информационное взаимодействие вещей ведет к дальнейшему «различению различения» (новой информации) и наблюдению действительности, что, в свою очередь, ведет, к разрастанию множества социальной информации для смысловой системы. Элементы значений этого множества в своем многообразии и временности (скорость взаимодействия диктует все новые и новые значения-знаки, отвергающие потенциальные или размывающие уже устоявшиеся в обществе значения) все более затрудняют возможности целостности субъекта взаимодействия, возможность аутопойезиса и самореференции смысловой системы. Типизация взаимодействия, различение отдельных социальных практик становятся все более затрудненными. Н. Луман утверждал, что отсутствие в современном функционально дифференцированном обществе авторитетной позиции самонаблюдения ведет к *легитимности «коммуникации незнания».* В контексте наших рассуждений легитимность «коммуникации незнания» – это та степень дифференциации (саморазделения) системы, которая уже не поддается адекватной самореференции или наблюдению второго порядка.

Один из очерков книги Н. Лумана «Наблюдение современности» называется «Контингенция как подлинная ценность

современного общества» [312, с. 187]. Н. Луман определяет контингенцию как «возможность быть по-другому». Во многих европейских языках это понятие означает случайность и зависимость. Коммуникация незнания для Н. Лумана является отправной точкой для концептуализации риска. Итак, такие характеристики социальных практик, как *риск* и *неопределенность*, столь популярные в современной социологической теории (У. Бек, З. Бауман, С. Лэш, Э. Гидденс и др.) мы фиксируем в теории Н. Лумана *как следствие роста скорости и многообразия социальных коммуникаций.*

Если Н. Луман в основаниях ускорения социокультурной эволюции усматривает нарастание процессов дифференциации социальной коммуникации, приводящей к «контингенции как подлинной ценности современного общества», то В.Е. Кемеров, по сути, этот же процесс рассматривает как развитие, дифференциацию социальной формы деятельности личности [84, с. 58]. Социальное (сверхчувственное бытие личности – понятие, употребляемое В.Е. Кемеровым) бытие личности выражается в определенных формах деятельности.

Для понимания особенностей социальной формы деятельности, присущей бытию личности, обратимся к логике развития социальной формы (или схемы). Историзм социальной формы заключается в изменении характера отношений человека к схемам деятельности на разных этапах социальной эволюции, к их роли в жизни и развитии личности. На наш взгляд, это изменение отношения к схеме деятельности в немалой степени обусловлено ускоренным ростом частоты передачи значений, ростом интенсивности информационного взаимодействия. На ранних этапах истории, этапах низкой частоты информационного взаимодействия индивид принимает схемы деятельности как естественный закон человеческого бытия. Он фактически отождествляет себя с той последовательностью схем, которые предлагает ему род. Другими словами, человек находится еще в том состоянии целостности, самоединства, сознание его синкретично, когда невозможно какое-либо вычленение самосознания – с одной стороны, и социальных связей и вещей – с другой. Но растет предметность человеческого бытия, с ускорением информационного взаимодействия все большее количество вещей

(как моментов бытия) оказываются вовлеченными в действительность индивида. В ходе развития общества вырабатываются схемы, задающие лишь общие формы взаимодействия людей соответственно особым социальным позициям, видам занятий, обобщенным ситуациям. Здесь мы фиксируем появление еще одной характеристики современной социальной практики – ее *отвлеченность, дистанцированность* и *абстрагированность.*

Социальная форма деятельности все более начинает приобретать отвлеченный характер. Так, например, в области нравственной на смену жесткой регламентации запретов приходит ряд основных заповедей, а те, в свою очередь, концентрируются в обобщенных нормах и принципах человеческих взаимоотношений. Возникает дистанция между возникшими «схемами-ориентирами», «схемами-символами», с одной стороны, и повседневным опытом человека – с другой. Человеку приходится собственными силами приспосабливать к своей жизни имеющиеся в его распоряжении схемы деятельности: теперь уже на индивидном уровне возникает проблема освоения и выработки жизненных форм, а стало быть, и проблема индивидуального пути, личностного выбора. Важно подчеркнуть причастность самого человека к выработке этих форм, их сопряженность с внутренней и внешней жизнью личности, со схемами ее деятельности, общения, сознания. В.Е. Кемеров отмечает, что эволюция социальных форм деятельности во времени многообразна и в определенном смысле аналогична биологической эволюции, если иметь в виду не структуры организмов, а схемы их поведения. Разнообразно представлена она и в пространстве человеческой истории, в различных географических, этнических, национальных системах человеческого взаимодействия [84, с. 52].

Проходят тысячелетия, прежде чем человек начинает отличать себя от тех зависимостей и связей, по формам (или по логике) коих он действует [там же, с. 53]. Другими словами, по логике наших рассуждений, – интенсивность передачи информации (скорость социальных изменений)должна достигнуть определенного качества, для того чтобы человек пришел к необходимости разделять себя и свое бытие. В опыте и культуре человечества произойдут большие и длительные изменения, преж-

де чем *люди начнут смотреть на вещи через призму связей и действий, эти вещи использующих*.

В этих процессах, по-видимому, и стоит усматривать развитие целерационального действия (М. Вебер) или развитие рациональности социальной практики. Форма (схема) переходит от схемы-образа к схеме-знаку (слову). Переход от образных представлений к знаково-символическим выражениям не стоит понимать как замену первого вторым. Образы человеческого сознания, поскольку они включены в совместно-раздельную деятельность людей, по необходимости оказываются знаками, то есть указателями на сотрудничающих индивидов, на средства, способы и возможные результаты их деятельности. Образ предмета оказывается, кроме прочего, знаком орудия, образ орудия – знаком другого человека, образ другого человека – знаком действия, образ действия – знаком общения и т. д.

Можно, видимо, говорить о первоначальной слитности образа, символа и знака в картинном представлении предмета, о некоторой подчиненности символа и знака образу. С этим в какой-то мере и сопряжено «схватывание» человеком в предмете свойств и качеств, визуально в нем не представленных, «схватывание» информации, дальнейшее, но более высокое по скорости увеличение информационного тезауруса личности. Здесь же, вероятно, таятся возможности описания объектов, телесно не оформленных и пространственно не определенных.

Итак, на следующей ступени развития (дифференциации социальной формы деятельности) происходит отделение от конкретных видов деятельности и устойчивых форм общения абстрактных, деиндивидуализированных форм поведения. Такая культивация социальной формы, схемы человеческого поведения, конечно, способствует дроблению картинного восприятия жизни, разделению его на относительно независимые фрагменты и связи. Жесткой проверке подвергает она и схемы-ориентации, схемы-смыслы, «проваливаясь» в их размытость и незавершенность. Но так или иначе подобная культивация схем вырабатывает новые элементы социального мышления (мы бы сказали, развитие социального мышления в сторону его инструментальности), подводит личность к новым граням человеческого бытия [84, с. 55]. Это ведет к дальнейшему «саморазделению

бытия личности» (Л. Карсавин), к прогрессирующему увеличению ее информационного множества (тезауруса).

Все более увеличивается интенсивность социального информационного взаимодействия. Новый уровень проникновения человека в мир вещей или новый виток «саморазделения бытия» (Л. Карсавин), самореференции системы (Н. Луман), обусловлен тем, что человек использует теперь не сами вещи, а отдельные полезные свойства вещей, соединяемые в ряды и системы. Другими словами, человек все более осознанно использует саму информацию как технологизированное знание.

Приведенные рассуждения можно дополнить еще такой метафорой: в основе социального информационного взаимодействия как способа существования социального мира лежит имя вещи. Имя вещи – взаимотождество и взаимоотличение сущего (предмета) и иного (А.Ф. Лосев), с одной стороны, момент самореференции и инореференции самонаблюдающейся системы (Н. Луман) – с другой, составляют изоморф «другого» (отдельного предмета), свойство, с помощью которого субъект (предмет) заявляет о себе (самореференция) и вступает во взаимодействие с «другим» (В.И. Игнатьев). «Имя вещи» – некоторая смысловая единица социального информационного взаимодействия, под которым понимается момент самореференции смысловой системы (Н. Луман). Момент самореференции системы составляет момент отличения или самоотличения системы, что предполагает одновременно самоназывание (самореференцию) и называние «другого» (инореференцию) [42].

«Имя вещи есть то, через что окружающий ее мир общается с нею. Имя вещи – сугубо социально. Оно красноречиво рисует вещь всему ее окружению, рассказывает о ней, делает ее понятной» [98, с. 814]. Другими словами, имя вещи выражает сторону социальной рефлексии, ориентированной на организацию связей и отношений элементов социального целого.

А.Ю. Шеховцев вводит «квант информации» как гносеологическое понятие единицы социального информационного взаимодействия [176], мы же предлагаем обратиться к имени вещи А.Ф. Лосева как онтологическому понятию в осмыслении оснований социального информационного взаимодействия. Если сопоставить имя вещи с представлением об информационном

процессе как процессе отношения вещей как множеств информации, то получим утверждение: всякая вещь (представленная для наблюдателя информационным множеством) творит другие вещи и творима ими посредством имени. Имя вещи есть ее социальность (А.Ф. Лосев). В контексте нашего утверждения о содержании и форме социального информационного взаимодействия, имя вещи как социальная информация выступает содержанием социального информационного взаимодействия как способа социального бытия [42].

Считаем, что, в итоге, конкретно-вещественный образ мира замещается новым образом вновь создаваемой вещи, имя которой «Сеть». «Приручение человеком своих новых деятельных сил оказывается возможным только при условии их вынесения вовне, в систему обобщенного пространства и абстрактного времени, только за счет их облачения в инструментальную, предметную форму» [84, с. 58].

Сегодня способность времени разбиваться на времена и в то же время сохранять жесткое единство, подобно тому как это происходит с пространством, создает условие возможности для образования коммуникационной «сетевой ткани». Это позволяет множиться социальным мирам, выстраивая сети в пространстве и времени произвольным образом: нанизывая их друг на друга или располагая параллельно друг другу [274].

Считаем, что *Сеть как инструментальная предметная форма деятельности определяет сегодня во многом социальное бытие личности, определяет особенности современной практики в условиях информационных потоков, позволяет перейти от пространства (вещей) к последовательным выражениям процессов и их соотношений, к схватыванию «вещей-процессов» более достоверно и эффективно – к потокам. Она позволяет прорабатывать в формах-схемах по возможности большое количество связей и отношений.*

Социальная действительность, понимаемая как информационное множество, становится все более трудно постижимой. С дальнейшим увеличением частоты информационного процесса сохранение рационального знания становится проблематичным. Система общества погружается в состояние семантической гипертрофии варьирования коммуникации (Н. Луман). Здесь

трудно не согласиться с философскими интуициями Ж. Бодрийяра: многообразие форм деятельности или коммуникаций, дальнейшее их увеличение становится для сознания не столько эволюцией, сколько симуляцией.

Переживание неподлинности мира, его зараженность паразитарными, вторичными, идеологическими смыслами составляют основной мотив творчества философа. «Симулякр» – единица ложного, неподлинного смысла, функционирующего в культуре. Действительность в массовом количестве (возрастающем вместе с частотой социальных информационных процессов) вырабатывает самодостаточные, независимые от трансцендентных образцов (ценностей) симулякры и все больше формирует из них жизненную среду современного человека. Ж. Бодрийяр анализирует этот феномен – от симуляции (подделки и производства) вещей до симуляции ценностей в виде абстрактных сущностей, циркулирующих в обществе.

Симулякры порождаются ситуацией беспорядочного взаимодействия вещей, обусловленной нарастанием информационного потока. Суть такой ситуации в особом эффекте времени, когда оно утрачивает свой линейный характер, начинает сворачиваться в петли и предъявлять нам вместо реальностей их призрачные, уже отработанные копии. Симулякр – знак или неполная актуализация тех или иных явлений эмпирической реальности. Снятие ограничений и законов, присущих этим явлениям, способно изменять их облик и ход сколько угодно разительно и глубоко, симулируя эти явления и тем самым позволяя легко усваивать их смысловой системе в виде набора знаков. Поэтому виртуальные практики, осуществляемые посредством «неполной актуализации эмпирической реальности» или симулякров, на вид представляются человеку не менее подлинной и радикальной альтернативой обычному, обыденному порядку существования.

Обращение Ж. Бодрийяра к «симулятивному псевдобытию» человека как фиксации неподлинности действительности развивают утверждение о семантической гипертрофии варьирования коммуникации (Н. Луман). Коммуникаций становится слишком много для человекоразмерной темпоральности. Своими потоками они привносят в действительность индивида и об-

щества хаос и дезориентацию. Человек и общество не только стремительно утрачивают связь друг с другом, но и обретают неподлинное бытие в условиях гипертрофированной социальной реальности.

Проблему семантической гипертрофии коммуникации мы усматриваем также в предметном поле теорий «общества риска» (У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, С. Лэш и др.). Осмысление риска как значимого социального фактора в жизни современного общества связано с появлением контингентности (неопределенности), к которой приводит все та же семантическая гипертрофия варьирования коммуникации. Н. Луман утверждал, что современное общество переживает свое будущее в форме риска решений, для него вопрос об экологии – это вопрос самосохранения общества. Под экологией теоретик понимал «совокупность научных исследований, которые на любом уровне системообразования занимаются последствиями дифференцирования окружающей среды системы и самой системы для окружающей среды» [99, с. 127]. За экологическими проблемами неопределенности, отсутствием единой, целостной самореференции общества кроется прогрессирующая функциональная дифференциация современного общества, в основаниях которой лежит ускорение и накопление (уплотнение) девиаций/вариаций. С одной стороны, в обществе возрастают возможности воздействия на окружающий мир. С другой стороны, реагировать на возникшие изменения приходится не тем, кто их вызвал, а функциональным системам, которые считаются для этого полномочными (например, науке или политике). Н. Луман утверждал, что отсутствие в современном функционально дифференцированном обществе авторитетной позиции самонаблюдения ведет к легитимности «коммуникации незнания». В контексте наших рассуждений легитимность «коммуникации незнания» – это признание нормой такого состояния общества, где степень дифференциации системы уже не поддается адекватной самореференции и наблюдению второго порядка. В рассматриваемом предметном поле можно дать такое определение риска: *риск – это коммуникация (практика) незнания.*

Отсюда, напрашивается предположение: *эволюция социальной формы деятельности или практики – это рождение,*

развитие и потенциальное умирание некоторой «рациональной социальности», в основаниях которой лежит увеличение потока информации, представляющей действительность. Социальная форма деятельности, однажды зародившись, сегодня ускользает для сверхчувственного бытия личности, тем самым, подвергая его деструкции, поскольку частота социального информационного ускорения становится несоразмерной индивидуальному бытию человека.

Несколько обобщая наши рассуждения, связанные с проблемой социального информационного ускорения, мы находим все новые основания для наших предположений об основополагающей роли роста интенсивности социального информационного взаимодействия в судьбе социальной деятельности, в судьбе социальности. Основное противоречие в проблеме социальной формы В.Е. Кемеров усматривает в несоответствии между общезначимыми образами объекта восприятия (вещи), или интерсубъективной формой представления объекта (вещи), и перспективами его (объекта) углубленного освоения, намечающими нефиксированные тенденции его бытия [257].

М. Эпштейн указывает на основной закон истории – отставание человека от человечества. Возникают диспропорции между развитием человеческой индивидуальности, ограниченной биологическим возрастом, и социально-технологическим развитием человечества, для которого пока не видно предела во времени. С каждым поколением на личность наваливается все более тяжелый груз знаний и впечатлений, которые были накоплены предыдущими веками [184]. Отсюда проблема отчуждения, поставленная девятнадцатым веком, и проблема утраты реальности, поставленная веком двадцатым. М. Эпштейн считает, что марксизм, экзистенциализм, постмодернизм решают, в сущности, одну проблему: растущую диспропорцию между человечеством и человеком, видом и индивидом, которая формулируется то как «отчуждение» и «проклятие частной собственности», то как «некоммуникабельность» и «царство абсурда», то как «гибель реального» и «царство симулякров» [там же, с. 184].

На наш взгляд, В.Е. Кемеров озвучивает эту проблему как «установление различия между социальной и общезначимой

(интерсубъективной) формой представления объекта» [257]. Здесь интересным образом встает проблема понятия социального: что это – становление, конструирование формы деятельности или ставшая, уже общезначимая форма деятельности субъекта? Мы склоняемся к тому, что *социальное – это и становление деятельности, ведущее к структурированию* (Э. Гидденс), *и ставшее – общезначимые формы или социальные структуры.* Но динамика становления социальности сегодня настолько высока, что социальная форма деятельности или практики все более отрицает саму себя как ставшее.

Теория постмодерна утверждает об исчезновении социальной реальности. Но она исчезает потенциально, всякий раз конструируясь вновь в неожиданных для общества формах. Здесь хотелось бы обратиться к находкам «актуальной социологии» Д.В. Иванова. Ученый вводит представление о различных степенях понимания социальности. Он отмечает, что *различные формы структур выступают в качестве различных форм координации (взаимодействия. – Примеч. автора), и эти формы существенно различаются по степени традиционно понимаемой социальности.* На фоне абсолютно понимаемой социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, относительной социальности сетей появляются такие феномены, как антисоциальность или альтерсоциальность пространства потоков, развивающегося в сетевом пространстве. Координация взаимодействия, соответствующая сетевому и потоковому пространству, соответствует типу координации на основе селекции и уже не связана с привычным смыслом интегрированности и нормативности [247, с. 57–58]. Можно сказать, что *социальная практика сегодня характеризуется различными формами социальности – абсолютной (институты), относительной (сети), ситуативной и частной (отдельные интеракции), альтерсоциальностью (пространство потоков).*

Выражение «люди выходят из себя» сегодня можно понимать отнюдь не в психическом, а в практически-деятельностном смысле. Связность повседневного существования людей, их сопряженность с обычной вещественной средой более не являются «натуральной» данностью, исходным условием их жизни, соблюдавшимся автоматически. Драма заключается не только в

разрушении привычных детерминаций и мотивов в результате мощных социальных сдвигов, но и в том, что люди в своих попытках сохранить или сформировать надежные жизненные установки сами расшатывали и преодолевали «твердые» структуры повседневности, устоявшиеся формы обыденного поведения и сознания.

Жизненные позиции перестают быть местами в естественном пространстве актуальной реальности. «Когда мы слышим об утрате здравого смысла, логики простых вещей, надежных и твердых структур повседневного опыта, надо, видимо, учитывать, что эти потери происходят не сами собой, а по ходу изменения людьми их “естественных” установок и жизненных траекторий, изменений особых, поскольку в деятельное освоение личностью структур бытия или в становление сверхчувственного бытия “включаются” процессы, силы, формы, несоразмерные с эталонами обыденного опыта» [257, с. 60].

В.Е. Кемеров утверждает, что когда пишут о гибели или смерти социального, стоит подчеркнуть, что гибнет или, скорее, отходит на второй план бытия социальность, редуцированная к жестким, внешним по отношению к индивидам установкам, овеществившимся структурам. Гибнет формализованная, институциализированная социальность, на время совпавшая с натуралистически – «естественным образом» – существовавшими установками и схемами здравого смысла [там же].

Но как возможно понимать неформализованную социальность – ведь «имя вещи» несет общезначимый образ действительности? Редуцированная к определенным структурам социальность изживает свою инертность и надежность, «пунктируется», частично распадается на элементы. Самое твердое становится самым хрупким. Современность обретает текучий характер (З. Бауман).

Размышление над «метафизикой-динамикой» социальной формы деятельности В.Е. Кемерова рождает некий «образ судьбы» информации как «имени вещи»: от смутного представления вещи для сознания к последующему рождению имени вещи и, далее, рациональному познанию вещи, которое ведет к метафизике вещи, ввиду ускользания «имени вещи», к возрастанию абстракций сверхчувственного бытия личности, которое ведет,

опять же, к смутному представлению об имени вещи ввиду роста семиотической гипертрофии коммуникации (Н. Луман), симуляции социальной реальности (Ж. Бодрийяр), к исчезновению реальности. Однажды явившись сознанию посредством своего имени, вещь потенциально покидает его? [42].

На наш взгляд, *в основаниях этого движения в восприятии «имени вещи» как информации лежат различные характеристики интенсивности (частот) информационного процесса в порядке их возрастания, соответствующие абсолютной (институты), относительной (сети), ситуативной и частной (отдельные интеракции) социальности и альтерсоциальности (пространство потоков).*

З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество» рассуждает о современном обществе: «Общество, вступающее в XXI век, отличается от всех других исторических форм человеческого сосуществования: навязчивая и всепоглощающая, непрерывная и неостановимая модернизация, огромное и всеохватывающее стремление к творческому разрушению (либо, что тоже возможно, к разрушительному творчеству: к “расчистке площадки” для “новых и улучшенных” конструкций; “демонтажу”, “вырезанию”, “отбрасыванию”, “минимизации” во имя больших производительности или конкурентоспособности). Принадлежать “модернити” (так Бауман называет современное общество) – значит быть не в силах остановиться, не говоря уже о том, чтобы стоять на месте. Принадлежать “модернити” – значит вечно опережать самого себя, находиться в состоянии постоянной трансгрессии, это значит обладать индивидуальностью, которая может существовать лишь в виде незавершенного проекта» [17, с. 59].

«Никакого спасения за общественный счет» – З. Бауман приводит знаменитую фразу глашатая нового предпринимательского духа Питера Дракера; «Не существует такой вещи, как общество» – еще более смелая формулировка Маргарет Тэтчер. В своей работе «Индивидуализированное общество» З. Бауман утверждает, что современное общество сформировалось отнюдь не в силу стремления отдельных индивидов, а в результате действия субъективных, и даже деперсонализированных, сил и тенденций. «Сейчас, как и прежде, индивидуализация – это судьба,

а не выбор» [17, с. 59]. Индивидуализация – это рост обособленности индивида, обусловленный раздельным характером деятельности или дальнейшим развитием дифференциации социальной коммуникации. Почему растет обособленность человека, потеря социальных связей? Потому что все менее возможным становится общезначимое в обществе, что, в свою очередь, вызвано двумя взаимосвязанными причинами:

– первое – это высокая и увеличивающаяся скорость изменения значений;

– второе – нарастание количества информации или моментов бытия личности, рост множественности значений [42].

Возможно предположить, что скорость нарастания социальных изменений становится «нечеловекоразмерной», и, соответственно, высокое, рациональное знание современной сложной действительности становится все более недоступным для обыденного сознания человека. Сжатие социального времени, ускорение социальных изменений определяют современное общество, определяют проблему становления современной личности. Индивиду необходимо, в первую очередь, «схватить скорость», успеть набрать нужное количество «знаков-инструментов» и вовремя поменять их, для того чтобы обрести приемлемую конфигурацию (формальную индивидуализацию – по выражению Баумана), способную к дальнейшим видоизменениям.

«Все мы являемся сегодня индивидами: не в силу выбора, но по необходимости. Мы являемся индивидами de jure, независимо от того, являемся ли мы ими de facto: решение задач самоопределения, самоуправления и самоутверждения становится нашей обязанностью, и все это требует от нас самодостаточности, независимо от того, имеем ли мы в своем распоряжении ресурсы, соответствующие этой обязанности (возникающей скорее по недоразумению, чем обусловленной заранее составленным планом: просто не существует никаких институтов, способных сделать за нас нашу работу). Многие из нас индивидуализированы, не будучи на деле личностями, и еще больше таких, кто страдает от ощущения, что пока не доросли до статуса личности, позволяющего отвечать за последствия индивидуализации. Для большинства из нас индивидуализация сводится к тому, что специалисты сваливают свои противоречия и кон-

фликты к ногам индивида и покидают его с благонамеренным предложением критически судить обо всем этом на основе собственных представлений. Как результат, большинство из нас вынуждено искать «биографическое решение системных противоречий» [17, с. 133].

З. Бауман не раз употребляет формулировку У. Бека: «биографическое решение системных противоречий» – в определении судьбы современной личности. «Быть личностью de jure означает, что невозможно винить за собственную жалкую участь никого, кроме самого себя, что причины своих поражений следует искать лишь в собственных праздности и лени, что избавление от проблем требует все более серьезных (собственных) усилий. Очень нелегко жить, ежедневно порицая и презирая самого себя. Такая жизнь порождает все более болезненное ощущение неуверенности. Концентрируя внимание на собственном развитии и, тем самым, уводя его в сторону от сферы общественного, где коллективно воспроизводятся противоречия индивидуального существования, люди естественным образом стремятся упростить свое положение» [там же, с. 134].

Существует широкая и углубляющаяся пропасть между бедственным положением «личностей de jure» и их шансами стать «личностями de facto», оказаться в состоянии контролировать свою судьбу и делать тот выбор, который, в самом деле, по душе. Можно сказать, что сама эта пропасть появилась и расширилась, прежде всего, в силу запустения общественного пространства, того самого места, где пересекаются общественное и частное, где частные вопросы переводятся на язык общественных задач и где изыскиваются, обсуждаются и согласуются общественные решения частных проблем.

«Общественное» не стремится больше колонизировать «частное». Теперь дело обстоит как раз наоборот: именно частное захватывает общественное пространство, выдавливая и выталкивая оттуда все, что не может быть полностью и без остатка переведено на язык частных интересов и целей. Если постоянно повторять, что каждый человек является хозяином своей судьбы, у него будет все меньше и меньше причин считать заслуживающим его внимания все, что сопротивляется полному растворению в его “я” и отличается от того, с чем можно справиться

собственными силами; а ведь именно наличие таких причин и вытекающих из них поступков и служит отличительным знаком гражданина, личности de facto.

Для индивида общественное пространство оказывается не более чем гигантским экраном, на который проецируются частные проблемы, не переставая, даже будучи увеличенными на экране, быть частными: оно становится местом, где публично обсуждаются частные проблемы и подробности интимной жизни. Из ежедневных экскурсий по общественному пространству индивиды возвращаются укрепившимися в своей de jure индивидуальности и уверившимися, что способ, которым они в одиночку справляются со своими делами, в точности такой же, как у других, похожих на них индивидов, и что они так же, как и другие, делают промахи и сталкиваются с поражениями.

Что же касается власти (легитимности общезначимого), как утверждает Бауман, то она уплывает с улиц и рыночных площадей, из залов собраний и парламентов, из кабинетов местных и национальных правительств и, не контролируемая гражданами, оказывается в экстерриториальном пространстве электронных сетей. Ее стратегическими принципами становятся удаление, увиливание, разъединение и невидимость.

Таким образом, общественное пространство все более освобождается от общественных функций. Оно перестает играть свою прежнюю роль места, где сходятся частные неприятности и общественные задачи, где возникает диалог между ними. Под прессом индивидуализации люди медленно, но верно лишаются защитной оболочки гражданства и теряют свои гражданские привычки и интересы. В результате перспектива превращения «личности de jure» в «личность de facto», управляющую ресурсами, необходимыми для подлинного самоопределения, становится все более и более отдаленной [17, с. 136].

«Личность de jure» не может стать «личностью de facto», не превратившись сначала в гражданина, то есть в личность социальную, симфоническую (Л. Карсавин). З. Бауман справедливо рассуждает, что не бывает автономных индивидов вне автономного общества, а автономность общества требует преднамеренного и сознательного самоопределения, которое может быть лишь коллективным достижением всех его членов. Другими

словами, автономность, целостность социальной системы требует коллективных достижений, требует от личности самоотдачи, которая препятствовала бы ее дальнейшему «самоделению», вынужденной индивидуализации. «Общество» всегда вступало в двойственные отношения с автономией личности: оно одновременно было и ее врагом, и ее условием. Но соотношения опасностей и возможностей в этих отношениях, обреченных оставаться двусмысленными, решительным образом изменились на протяжении истории модернити, утверждает З. Бауман. Сегодня в меньшей степени, чем врагом, общество является условием, в котором индивиды сильно нуждаются, но которого совсем не видят в тщетной и разворачивающейся борьбе за превращение своего формального статуса в подлинную автономию и реальную возможность для самоутверждения [17, с. 137].

Основное противоречие «второй модернити», как пишет З. Бауман, это «зияющая пропасть между правом на самоутверждение и способностью контролировать социальные условия, делающие такое самоутверждение осуществимым или нереальным [там же, с. 63].С этим утверждением сложно не согласиться на самом деле: насколько необходимо сегодня самоутверждение для личности, настолько же это невозможно ввиду «ускользающей ситуации» самого общества. Существование современной социальной системы обусловлено возрастанием социального информационного взаимодействия, которое диктует все новые и новые формы социальной деятельности. Имя вещи, появляясь, не успевает утвердиться как общезначимое, но ускользает, вслед за «ускользающей ситуацией» (Э. Тоффлер).

З. Бауман убежден, что если прежняя задача критической теории – освобождение человека (для нас, это становление личности. – *Примеч. автора*) – сегодня еще что-то значит, то она заключается в соединении двух сторон пропасти, открывшейся между реалиями «личности de jure» и перспективой становления «личности de facto», в попытках еще раз связать то, что разорвано на части сочетанием формальной индивидуализации и ростом отсутствия общезначимого, социального (для Баумана – это отделение власти от политики).

Итак, *основополагающей особенностью современных социальных практик является колонизация общественного част-*

ным. Повторим, что «сегодня в меньшей степени, чем врагом, общество является условием, в котором индивиды сильно нуждаются, но которого совсем не видят в тщетной и разворачивающейся борьбе за превращение своего формального статуса в подлинную автономию и реальную возможность для самоутверждения».

М. Кастельс пишет о биполярной оппозиции между Сетью и «Я», фундаментальном расколе между абстрактным, универсальным инструментализмом и исторически укорененными партикуляристскими идентичностями. Народы еще живут в конкретных местах. Но, поскольку доминирующие функции и власть в наших обществах организованы в пространстве потоков, структурное господство этой логики очень существенно меняет значение и динамику мест. Опыт, будучи связан с местами, отделяется от власти, значение все больше отделяется от знания. В этих условиях структурного, шизофренического раздвоения между функцией и смыслом структуры социальной коммуникации попадают под усиливающееся давление. Доминирующая тенденция направлена к горизонту сетевого, внеисторического пространства потоков, стремящегося навязать свою логику рассеянным сегментированным местам, все слабее связанным друг с другом, все менее и менее способным пользоваться общими культурными кодами [82, с. 278]. Когда коммуникация рушится (а этому способствует универсальный абстрактный универсализм, реализуемый сетью. – *Примеч. автора*), когда она более не существует даже в форме конфликтной коммуникации (социальная борьба, политическая борьба), социальные группы и индивиды отчуждаются друг от друга и видят в другом чужака, затем врага [там же, с. 27]. Как объединить новые технологии и коллективную память? Почему идет увеличение дистанции между глобализацией и идентичностью, между Сетью и «Я»? – эти проблемы Кастельс провозглашает ключевыми проблемами в современном мире [там же, с. 44].

Мы же фиксируем *еще одно основополагающее свойство современных социальных практик – направленность к «сетевому, внеисторическому пространству потоков» в ущерб устойчивости общих культурных кодов общества.*

Итак, на наш взгляд, выше приведены общие характеристики современных социальных практик. Необходимо понимать, что *эти характеристики вырабатываются в обществе индивидом (психической) и социальной системой на предмет адаптации внешней среды, которая обусловлена возрастающей интенсивностью вариативности коммуникации. Эта интенсивность выражена в информационных потоках. Приведенные особенности современности лежат в основании практик обеспечения безопасности, которая заключается в сохранении устойчивости, защите интересов субъектов в условиях роста девиации/инновации или в условиях роста информации.*

2.2. Новые социальные мобильности: особенности современных социальных практик обеспечения информационной безопасности

Если информация – это передача значения, сведения, связанных с «различением различения», а процесс социальных изменений – это результат глобальной передачи знака, опосредованный вариативностью коммуникации, ее селекцией и последующей рестабилизацией, то, ввиду ускорения социальных процессов и роста дифференциации, качество передачи смысловой единицы становится все более интенсивным или высокочастотным.

Социальные изменения «фиксируются» сознанием, благодаря их определенной частотности. Аналогией тому можно привести то, как слух человека способен улавливать звуковые колебания на определенной высоте, глаз воспринимает определенный спектр лучей. Разум человека был в состоянии осмыслить информацию и информационное взаимодействие только на определенном этапе ускорения передачи информации, ускорения социальных изменений. Определенное качество передачи, обусловленное ее скоростью, или качество частоты информационного взаимодействия, позволило человеку открыть для себя эту передачу значений как социальную коммуникацию, с одной стороны, и как социальную информацию – с другой. Ускорение изменений в историческом прошлом не ощущалось ни физически, ни психологически, а тем более, не осмысливалось. Ощу-

щение особого – Осевого – времени пришло к человеку только в IV в. до н. э. То, как закручивалась спираль ускорения социальных изменений, на наш взгляд, образно показано у Э. Тоффлера в его работе «Шок будущего». Тоффлер отмечает, что подавляющее число всех материальных благ, которыми мы пользуемся в повседневной жизни в настоящее время, были придуманы в течение последнего столетия. «Этот 800-й отрезок истории человечества ознаменовал резкий разрыв со всем прошлым опытом человечества, потому что в течение именно этого отрезка отношение человека к ресурсам радикально изменилось…» [159, с. 26].

Качественное и главное отличие между последним отрезком жизни человечества и предыдущими (по Тоффлеру) заключается в том, что человек не только увеличил диапазон и силу перемен, человек радикально преобразовал их скорость. Наше время высвободило абсолютно новую социальную силу – поток перемен настолько ускорил свой ход, что он влияет на наше чувство времени, революционизирует темп повседневной жизни и сказывается на том, как мы «ощущаем» мир вокруг нас. В ускорении кроется непостоянство (временность), которое проникает и пропитывает наше сознание, радикально влияя на связь с другими людьми, с вещами, со всем миром идей, искусства и ценностей. *Ускорение и временность, увеличивающаяся степень проходимости предмета* для индивида – те социальные феномены, которые, по убеждению Э. Тоффлера, определяют современный мир. Вслед за теоретиком, мы выделяем их как новые качественные характеристики современных социальных практик.

Э. Тоффлер показывает, что сама социальная ситуация становится все более временной как для отдельного индивида, так и для общества, изменяется кардинально социальный мир. Каждая ситуация имеет идентификационные компоненты. Сюда входят «вещи» – физическое окружение естественных и созданных человеком предметов. Каждая ситуация происходит в каком-то «месте» – действие происходит на определенном месте. Каждая ситуация имеет набор персонажей – людей. Ситуации включают расположение в организационной сети общества и контекст идей или информации. Любую ситуацию можно про-

анализировать в терминах этих пяти компонентов. На наш взгляд, характеристики пяти составляющих (вещи, место, люди, организации и информация) социальной ситуации можно интерпретировать как характеристики социальной практики, которая состоит условно из пяти различных типов коммуникативных актов, длительность которых все более сокращается [159].

Тот факт, что отношение человека к вещи становится все более быстротечным, хорошо прослеживаются на явлениях материальной и духовной культуры, которая окружает человека – появляется принцип «одноразовости вещи»… Признавая неизбежность перемен, но не уверенный в том, как они отразятся на жизни, человек не решается вкладывать большие ресурсы в жестко закрепленные предметы, призванные служить неизменным целям. Избегая «привязки» к установленным формам и функциям, он производит изделия для краткосрочного использования или же пытается сделать их легко приспосабливаемыми. Появление и распространение прокатной системы в современном обществе также утверждает недолговечность вещей в современном мире. Минимум затруднений – то, что получает за свои деньги пользователь одноразового изделия. Именно это обеспечивает временная структура и модульные компоненты предметов потребления.

Никогда еще в истории расстояние не значило так мало. Э. Тоффлер называет современных людей «расой кочевников». Деятельность человека все чаще связана с многочисленными переездами. Отношения между людьми становятся все более быстротечными и функциональными. Человека можно уподобить точке, отмечает Тоффлер, на которую воздействуют десятки систем и сотни людей. Его способность знать кое-кого из них лучше с необходимостью приводит к тому, что глубина его отношений со многими другими сводится к минимуму. Э. Тоффлер называет современные отношения между людьми отношениями модульного типа [там же].

Мир организации претерпевает радикальные изменения. На смену человеку организации приходит человек ассоциации с совершенно иными практиками поведения, суть которых заключается в стремлении к «процветанию в условиях неопределенности и неустойчивости» (Э. Гидденс). Структура организаций

становится подвижной. Растет временность существования организации. Жесткие иерархии структур уступают место различным видам сетевых взаимодействий [159].

Эти и многие другие особенности современной жизни, обусловленные нарастанием информационных потоков, определяют новую специфику социальных практик, новые практики-техники. Такие особенности фиксируются в социальной теории в терминах «скорости и временности социальной ситуации», «степени проходимости социальных ситуаций» (Э. Тоффлер), «отношения ограниченного участия» (Э. Тоффлер, З. Бауман, С. Леш и др.), «дальнодействия и отвлеченности» (В.Е. Кемеров), «объектуализации отношений или появления «объектно-центрированной социальности» (К. Кнорр-Цетина), «сетевые коммуникации» (Г. Бехман, К. Кнорр-Цетина, С. Леш и др.), «делокализации социальных действий, их извлечения из конкретного контекста и свободного перемещения в самых широких пространственно-временных рамках»; «контрфактуальность мышления и калькуляция рисков» (Э. Гидденс), «частично-непрерывное внимание» и «пост-многозадачное поведение, характеризующее стремление индивида быть живым узлом коммуникационной сети» (Л. Стоун). Дж. Урри отмечает, что растет значимость мобильных гибридов: устойчивых и все более тесных связей субъектов и объектов – машин, технологий, предметов, текстов, образов, физических средств и т. д. [165, с. 58].

Эти «особенности-техники» характерны для «практик новых мобильностей» (Дж. Урри), которые составляют сегодня сетевую и потоковую морфологию социального мира. Дж. Урри выделяет пять групп новых мобильностей:

– телесные перемещения людей, по-разному организованные по отношению к контрастным пространственно-временным модальностям;

– физические перемещения объектов между производителями, потребителями и продавцами, равно как посылки и получения подарков и сувениров;

– воображаемые перемещения при помощи образов мест и людей, осуществляемые через различные печатные или визуальные носители информации;

– виртуальные путешествия, часто в реальном времени, преодолевающие географические и социальные расстояния;

– коммуникационные путешествия посредством обмена СМС, текстами, письмами и телеграммами, через факс, телефон или мобильный телефон [166, с. 135–136].

Внимание новой парадигмы Дж. Урри концентрируется на взаимосвязях между пятью видами мобильности, равно как и на дискурсах, которые отдают предпочтение одной или другой среди них.

Скорость становится важнейшей чертой современного общества. Действия без движения, производимые с помощью коммуникации, оказываются более масштабными, чем те, которые можно осуществить с помощью физических перемещений. Скорости процессов оказываются завязанными не на движения, а на информационные потоки. В этом обществе тем больше скорость жизни, чем менее люди движутся. Это не скорость движения, а скорость решений, скорость трансакций [275].

Через призму нового понимания скорости мы предлагаем рассматривать новые мобильности (Дж. Урри) как общие практики обеспечения информационной безопасности. Выработка в современном социуме новых форм мобильности, в определенной степени, также является реакцией приспособления к росту интенсивности потоков и сетей. Социальный субъект, обеспечивающий информационную безопасность, с одной стороны, осуществляет защиту информации и защиту от информации – с другой, развивает ориентацию во внешней информационной среде, поскольку его ресурсы, в условиях подвижности социальной среды, должны всякий раз обновляться. Обновление информационных ресурсов субъекта происходит с нарастающей интенсивностью, сообразно нарастанию интенсивности информационных потоков, что, в свою очередь, ведет к росту устаревания информации. Итак, в подобных условиях новые социальные мобильности – это особенности общих практик обеспечения информационной безопасности.

Более подробно рассмотрим описание феномена новых социальных мобильностей. Дж. Урри отмечает, что термин «мобильности» относится к новой социальной науке, в которой движения, потенциальные или заблокированные, настолько же

концептуализированы, как экономические, социальные или политические отношения. Он утверждает, что все социальные отношения необходимо трактовать как включающие различные «соединения» (connections), находящиеся более или менее «на расстоянии», более или менее быстрые, более или менее интенсивные и более или менее включающие физические движения. Социальные отношения никогда не бывают прочно зафиксированными или привязанными к месту, но представляют собой в разной степени «циркулирующие сущности. Многие из таких циркулирующих сущностей переносят рациональность внутрь обществ и между ними, на самые разные расстояния [166, с. 134].

Под социальной (и географической) мобильностью понимается передвижение в прямом и переносном смысле этого слова. Парадигма мобильностей позволяет осмысливать мир как широкий набор экономических, социальных и политических практик, инфраструктур и идеологий, которые заключают, вызывают или ограничивают различные виды движения людей, идей, информации или объектов.

Всем обществам приходится иметь дело с расстоянием, но это происходит через различные наборы взаимозависимых процессов, которые включают и различные дискурсы движения [там же, с. 134–135]. Эти процессы основываются на пяти взаимозависимых «мобильностях» (группах мобильностей), которые организуют социальную жизнь на расстоянии и формируют (реформируют) ее контуры.

Все общества предполагают, что люди могут быть эффективными участниками множества мобильностей. Доступ к ним распределяется неравномерно, но структурирование этого неравенства зависит в том числе от экономики производства и потребления объектов, имеющих отношение к данной мобильности, к природе гражданского общества, географическому распределению людей и их деятельности, и особенно от действующих систем мобильности и форм их взаимозависимости [там же, с. 142].

Дж. Урри отмечает, что «добровольное» движение – это власть, ибо возможность двигаться (или, по своему желанию, оставаться на месте) для индивидов и групп является источни-

ком особых преимуществ, концептуально не зависящих от экономических и культурных факторов. Высокий уровень доступа к мобильности зависит от доступа к более мощным системам мобильности. Он также требует, чтобы передвигающийся не был прикован к относительно скромным по масштабу и значимости мобильности [166, с. 142]. Обратим внимание, на мысль Дж. Урри: доступ к мобильности зависит от доступа к системе мобильности, которая различна по мощности. *Условием обеспечения информационной безопасности является сегодня доступ к мобильности, который, в свою очередь, зависит от доступа к системе мобильности, различающейся по мощности*.

Исторически большинство обществ характеризовалось одной основной системой мобильности, которая находилась в эволюционирующих и адаптивных отношениях с их экономикой через производство и потребление товаров и услуг, а также привлечение и циркуляцию рабочей силы и потребителей.

Такие *системы мобильности* также находятся в адаптивных и коэволюционирующих отношениях друг с другом, поэтому *некоторые из них расширяются и множатся, а у других сокращается масштаб их распространенности и влияния.* Такие системы обеспечивают среду, внутри которой каждая система аутопойетически функционирует [там же, с. 141–142]. *Эти же процессы, на наш взгляд, происходят в киберпространстве, где отдельные виртуальные сообщества можно также рассматривать как системы мобильностей, обеспечивающие интересы субъектов.*

Чем богаче общество, тем шире диапазон имеющихся систем мобильности и тем комплексней пересечения между ними. Следствием этих систем мобильности является и значительное неравенство между местами и людьми в смысле их положения и доступа к данным системам [там же, с. 142].

Дж. Урри отмечает, что в будущем понятие общества будет особенно широко применяться теми могущественными «национальными силами», которые пытаются усмирять, контролировать и регулировать мощные сети и потоки, пересекающие их проницаемые границы [165, с. 10]. Для него, как и для многих других западных социологов, важна мысль о том, что с ро-

стом сетей и потоков общество как понятие, указывающее на некую социальную локальность, утрачивает значение.

Под «национальными силами» мы понимаем государства, которые вынуждены «усмирять, контролировать и регулировать», поскольку выполняют свою извечную функцию – обеспечение безопасности общества, локального и самобытного. По мысли Дж. Урри, сети и потоки осуществляются практиками новых горизонтальных мобильностей. Именно эти практики становятся центральной категорией новой социологии – социологии мобильностей.

Социальные мобильности, вовлекающие множество различных технологий и объектов, проблематизируют устойчивость и безопасность общества. Дж. Урри отмечает, что «социальная управляемость», в какой-то мере, поставлена под вопрос мобильностями, организованными в сложно структурируемых временных и пространственных координатах. Под мобильностями Дж. Урри подразумевает как географические, так и социальные феномены и обращается в большей мере к горизонтальной мобильности. С другой стороны, он предлагает исследовать пределы, диапазон и разнообразные эффекты физической, виртуальной и воображаемой мобильности людей. Он считает, что социология мобильностей должна развиваться вслед за социологией объектов, с тем чтобы сохранять адекватность в изучении современности. Для него «различные потоки объектов, проникающие сквозь социетальные границы, и их пересечения с множественными потоками людей чрезвычайно значимы» [165, с. 10].

Мы поддерживаем тезис Дж. Урри о чрезвычайной значимости новых горизонтальных мобильностей. Она заключается в том, что в условиях роста интенсивности информационных процессов субъекту необходимо сохранять адекватность внешнему миру, а значит, в выработке практик безопасности обращаться к обретению знания и навыков мобильностей.

Национальные силы (государства), преследуя цели обеспечения безопасности своих обществ, сталкиваются с нивелирующей и разрушающей силой информационных сетей и потоков. «Потоки действуют опустошающе на существующие общества, в частности за счет избыточного количества возникших

“социаций”, ставящих своей целью отражать, оспаривать, уклоняться, предлагать альтернативы или отстаивать различные потоки, часто выходящие за пределы социетального “региона”. Как следствие, внутри каждого существующего “общества” устанавливается сложный, смещенный, дизъюнктивный порядок, порядок рассредоточенности, порожденный постоянным комбинированием и рекомбинированием множественных потоков во времени и пространстве, зачастую без всякой связи с регионами существующих обществ, но лишь следующий некоей гипертекстуальной схеме. …Описанные конфигурации ослабляют способность социетально сплачивать своих граждан, принимать политические решения от имени общества в целом, обеспечивать национальной идентичностью и озвучивать единогласное мнение национального государства…» [165, с. 58–59].

Потоки и сети (глобальные метасети) способны подчинять большие группы людей. Сегодня все чаще человек связывает свою профессиональную деятельность, образование, досуг, пользование услугами с социальными сетями и с сетевыми организационными структурами. С развитием сетевого коммуникативного пространства образуется разрыв между сетевым принципом организации и традиционной управленческой деятельностью. Территориальные организационные структуры начинают претерпевать серьезные реконструкции. Частично они становятся дисфункциональными. И.А. Василенко отмечает, что отдельные виды политической деятельности не исчезают, а исчезает их прежнее структурное значение в поле социального, политического управления, оно переходит в новую логику информационного сетевого пространства [36].

В литературе (М. Кастельс, С. Лэш, У. Бек, Дж. Урри, В.Л. Иноземцев, Д.В. Иванов, И.А. Василенко и др.) мы часто можем встретить утверждение, что власть в условиях информационного, сетевого общества уже не является монополией института государства и политических партий. Она распространяется по глобальным сетям богатства, информации и имиджей, которые циркулируют и видоизменяются, не привязанные к какому-либо одному географическому месту. Новая власть заключается в информационных кодах, в представительских имиджах. На их основе общество организует свои институты, а люди вы-

страивают свои действия. Современное социальное пространство начинает формироваться по новым правилам и принципам политической игры, которые диктует специфика информационных, сетевых технологий.

«Между тем наше политическое зрение так привыкло к сакраментальным политическим организациям – к трем ветвям политической власти, к государственным структурам, к ярким знаменам и лозунгам политических партий, что мы испытываем вполне понятное чувство растерянности перед виртуальными формами политической борьбы, перед натиском информационной агрессии, перед стремительно расширяющимся миром символов» [36, с. 15]. Сравнительно недавно российское общество приступило к решению серьезнейшей задачи – построению основных демократических институтов. Мы сталкиваемся с парадоксом: с одной стороны, в России начинают развиваться и набирать силу институты политической демократии, с другой – они перестают играть главную роль в жизни общества еще не сформировавшись. Информационное общество демонстрирует противоречивую тенденцию: чем современнее становится общество, тем большее значение в нем придается не институтам и социальным нормам, а самим действующим лицам и их имиджам, разворачивающимся в сетевом пространстве, причем на виртуальной политической сцене [там же].

Действительно, каким образом в условиях развития сетевых коммуникаций, в условиях виртуализации социального пространства возможно культивировать и формировать определенные социальные ценности в обществе и, соответственно, способствовать воспроизводству определенных социальных норм, а значит, и социально-политической системы общества, форм власти? Возможно ли это в обществе, где все сложнее традиционным механизмам управления соперничать с возможностями людей, опирающихся на ресурсы информационных сетей? Конечно, подобный спектр вопросов нельзя формулировать как непосредственные угрозы для данного общества. Но видение одной из важнейших проблем современности, связанной с ростом сетей и потоков, необходимо.

На наш взгляд, *важно, чтобы новые практики мобильности, позволяющие процветать в условиях хаоса и неопределен-*

ности, начали осмысливаться и использоваться как практики обеспечения информационной безопасности национальных сил в условиях всепоглощающей глобализации.

Сети, каналы, потоки – с этими понятиями работает Дж. Урри, предпринимая попытку новой концептуализации социального мира «за пределами обществ». Дж. Урри приводит определение М. Кастельса: «Сеть – совокупность связанных узлов, в которой расстояние между социальными позициями короче там, где такие позиции являются узлами конкретной сети, а не лежат за ее пределами. Сети следует рассматривать в качестве динамичных открытых структур, способных осуществлять коммуникацию с новыми узлами и эволюционировать» [165, с. 54].

Сетевые практики сами по себе являются сегодня первыми из практик обеспечения интересов субъекта, соответственно, практиками обеспечения безопасности. Представление об организации практик мобильностей частично раскрывается Дж. Урри через понятия каналов, туннелей и потоков. *Каналы* – это сети машин, технологий, организаций, текстов и акторов, образующие различные взаимосвязанные узлы, через которые могут передаваться потоки. Каналы преобразуют измерения времени и пространства. Дж. Урри называет следующие из них:

– транспортировка людей воздушным, морским путем, по железным дорогам, автомагистралям и иным путям;

– транспортировка объектов через почтовые и другие системы;

– проволочные и коаксиальные кабели;

– микроволновые каналы, используемые сотовыми телефонами;

– радио- и телевизионные спутники;

– оптоволоконный кабель для телефонии, телевидения и компьютеров.

После появления того или иного канала индивиды и, прежде всего, корпорации внутри каждого общества, как правило, предпринимают попытки подключиться к ним через превращение самих себя в узлы данной сети [там же, с. 56].

Для нас важно замечание Дж. Урри о том, что в противоположность неравенству покоя создаются новые неравенства

потоков, приобретающие форму «туннелей» [165, с. 57]. Он приводит утверждения Грэма и Марвина, которые считают, что в мире происходит сворачивание времени и пространства продвинутыми телекоммуникационными и транспортными структурами, где каналы, минуя одни области, соединяют другие плотными в информационном и транспортном отношении «туннелями». Поскольку потоки неравны (вероятно, по своим скоростным характеристикам и степени насыщенности), неравными являются возможности субъектов, которые задействованы в разных потоках.

Дж. Урри отмечает, что некоторые каналы функционируют на глобальном уровне. В этот процесс вовлечены основные международные организации. В отличие от *структурированных каналов, потоки* состоят из людей, образов, информации, денег и отходов, которые движутся внутри, а главное, поверх национальных границ, причем отдельные общества зачастую неспособны или не желают контролировать их ни прямо, ни косвенно. Потоки создают новые неравенства «доступа – отсутствия доступа», которые не фиксируются в юрисдикциях отдельных государств [там же].

Для социальных субъектов сети, каналы, потоки создают как новые возможности, так и новые риски и угрозы, требующие актуализации практик информационной безопасности.

Работа с информацией, знанием в современном обществе становится не выбором, а необходимостью. В условиях такой необходимости, как уже отмечалось, социальные субъекты для реализации и защиты своих интересов, задают иные формы отношения с миром. К. Кнорр-Цетина считает, что распространение экспертных контекстов и культур знания в обществе являются возможным фактором роста объектно-центрированной социальности. Повсеместное присутствие таких культур, как «личности эксперта», «объектов, обладающих свойствами объектов знания», подразумевают перегруппировку социальных отношений вокруг объектов знания. «Объектно-центрированная реальность» – это социальная форма, которая представляет собой оборотную сторону современного опыта индивидуализации. Объектно-центрированная среда определяет идентичность так же, как ранее ее определяли сообщество и семья [259]. Другими

словами, такая среда все в большей мере определяет интересы индивида или является гарантом реализации его интересов, их безопасности. Суть процесса «объектуализации» заключается в том, что объекты замещают людей как партнеров по взаимодействию и все в большей мере опосредуют человеческие отношения, делая последние зависимыми от них. Это другая культура жизни, представленная «постсоциальными отношениями». Под объектами следует понимать предметы исследовательской деятельности и инструменты этой деятельности. «Объектно-центрированные» отношения характеризуются переплетением социального в его привычном значении с «другими культурами». Такой другой культурой является знание и экспертиза. Идея объекта, релевантная для понимания отношений со знанием, информацией, экспертизой, резко контрастирует с понятием инструмента, товара и повседневной вещи. Характер нынешних изменений связан с «объектуализацией», то есть возрастающей ориентацией на объекты как источник самости, реляционной интимности, разделяемой субъективности и социальной интеграции.

Усиление роли экспертных систем выражается не только в широком присутствии технологических и информационных продуктов знания. Оно предполагает существование связанных со знанием структур и форм включенности. Новое состояние общества К. Кнорр-Цетина называет обществом знания и отмечает, что это не просто общество с большим количеством экспертов, технологических и информационных инфраструктур и интерпретаций специалистов, а не участников, скорее, это общество, где культуры знания органически вплетены в ткань общества, как и целый ряд процессов, практик отношений, обслуживающих знание [259].

Идея объектуализации предполагает, что мы переживаем переход форм социальной связи от социальной и нормативной интеграции к объектам как партнерам по отношениям или компонентам включающей среды. Такое понимание вовсе не отрицает того факта, что определенные формы связи с объектами и посредством их существовали всегда. К. Кнорр-Цетина утверждает, что именно эти формы становятся преобладающими в «постсоциальных обществах знания».

Для нас примечательно, что К. Кнорр-Цетина указывает на фактор возрастания рисков, который в том числе управляет процессами объектуализации. *Объекты могут рассматриваться как своего рода средства преодоления рисков и неудач, заключенных в человеческих отношениях*. В частности, поскольку многие объекты повседневной жизни превращаются в высокотехнологичные приспособления, некоторые из свойств, демонстрируемых объектами в экспертных контекстах, могут привноситься в повседневную жизнь, превращая инструмент или товар в повседневную эпистемическую вещь [259], обеспечивающую безопасность реализации интереса. В такой ситуации некоторые из тех требований, которые компьютеры и компьютерные программы предъявляют к своим пользователям, и некоторые из возможностей, которые они предоставляют, могут быть интерпретированы как инструменты, обеспечивающие укорененность нового микропорядка жизни индивида, условия его «онтологической безопасности».

Е.А. Лавренчук отмечает, что, в отличие от инструментов, эпистемические объекты не позволяют их понять с позиции «от замысла». Такой объект, по определению Кнорр-Цетиной, всегда «не равен самому себе», он приобретает новые свойства и изменяет те, которые имел прежде. Такие объекты участвуют в формировании эмоциональных миров вовлеченных в них людей, перестраивают их коллективные договоренности и изменяют моральный порядок. Речь идет о таких взаимоотношениях с объектом, «которым свойственна постоянно воспроизводящаяся незавершенность» [87].

Компьютерные сети, видеопроизводство, проектирование микроэлектроники, основанное на нанотехнологиях, сельское хозяйство, основанное на современных биотехнологиях, и т. д., а также многие другие сферы современных развитых экономик неизбежно объединяют свое информационное содержание с материальной поддержкой продукта. В этих условиях, кроме того, расплываются границы между товарами и услугами. Е.А. Лавренчук отмечает, что пролиферация (как наращение новой здоровой ткани) включения сложных автоматизированных устройств в общественные отношения породила ситуацию *тех-*

носоциальной коэволюции, тип разрастания которой напоминает в значительной степени разрастание коммуникации. Только если коммуникация в принятом смысле реализуется через интерсубъективность (Ю. Хабермас), то коммуникативная, по сути техносоциальная, коэволюция – через интеробъективность (Б. Латур) [361].

В целом, происходит усложнение и последующее осетевление (возникновение сети отношений) взаимодействия человека с автоматизированными устройствами.

С позиции обеспечения безопасности в сложном информационном пространстве можно рассматривать анализ современности Э. Гидденса [422]. Он выделяет три составляющих процесса динамики современного общества: разделение пространства и времени, действие «высвобождающих механизмов» абстрактных систем и институциональную рефлексивность. Разделение пространства и времени составляет важное условие для делокализации социальных действий, их извлечения из конкретного контекста и свободного перемещения в самых широких пространственно-временных рамках. Подобный процесс предполагает существование «пустых» пространственно-временных измерений, то есть измерений, не опосредованных конкретным местом существования социального действия. Э. Гидденс отмечает, что в досовременных обществах время и пространство были связаны между собой благодаря ситуационности места, то есть благодаря укорененности рутинной социальной практики в местном контексте действия. Свойственное современности «опустошение» пространства и времени делает возможной все возрастающую по своим масштабам координацию социальной деятельности, субъекты которой не вступают друг с другом в физический контакт [ibid, p. 15]. Эти же процессы делокализации социальной ситуации описывает в «Текучей современности» З. Бауман. Сложно не согласиться, что подобные особенности социальной практики, прежде всего, способствуют адаптации и процветанию субъектов в условиях неустойчивости и неопределенности.

Таким же образом образуется предпосылка к делокализации социальных отношений и их новых комбинаций в неогра-

ниченных пространственно-временных интервалах. Осуществляется «высвобождение» социальных институтов из их непосредственных социальных обстоятельств, которые становятся все более сложными, непрогнозируемыми, рискогенными и «не нужными». Делокализация институтов, в свою очередь, служит «ключевым элементом того громадного ускорения пространственно-временного дистанцирования, которое привносит модерн» [422, p. 18]. Этот процесс осуществляется с помощью «высвобождающих механизмов», или абстрактных систем, которые включают в себя экспертное знание и «символические знаки». «Символические знаки» являются средствами социального обмена, обладают стандартной ценностью и взаимозаменяемостью в любом наборе социальных контекстов (образцом таких символических знаков являются деньги) [ibid].

Экспертное знание не исчерпывается суммой наличных научно-технических сведений, оно охватывает всю практику социальных решений и самые интимные аспекты личностного «Я». Оно содержит совокупность стандартов современной социальной жизни во всех ее проявлениях. Абстрактные системы (или «высвобождающие механизмы») заключают в скобки пространство и время, лишают повседневную практику ее традиционного (местного, локального, совершающегося здесь и теперь) содержания и тем самым развивают тенденции глобализации в современном обществе. Обратим внимание, что абстрактные системы Э. Гидденс называет «высвобождающими механизмами». От чего они освобождают? Они освобождают от локального, повседневного, предельно рационализируя коммуникацию/действие субъекта. Это происходит в условиях дальнейшего роста вариативности ситуаций/коммуникаций и погружения социальной жизни в состояние неустойчивости.

Третий фактор динамизма современности (по Э. Гидденсу) – ее *институциональная рефлексивность*. Она связана с конструирующим характером социального знания и социальных наук. Рефлексивность современности выражается в «упорядоченном использовании знания об обстоятельствах социальной жизни в качестве составного элемента ее организации и изменения» [ibid, p. 20]. Постоянная ревизия наличного знания о мире порождает радикальное сомнение, которое становится одним из

важнейших экзистенциальных параметров «высокой современности». Развитие науки и техники не только повышает уровень природного и социального риска, но и ограничивает возможности его прогнозирования и однозначной оценки. Постоянное вторжение научного знания в те самые социальные и природные обстоятельства, которое это знание описывает, превращает действительность в набор «контекстуальностей», а социальное бытие личности – в постоянную ситуацию выбора [422, p. 20].

С нарастанием варьирования ситуации/коммуникации неизбежным становится крайняя нестабильность ситуации и эксцентричность их последствий, что объясняет центральную роль *контрфактуальности мышления и калькуляций риска как важнейших элементов в обеспечении информационной безопасности субъекта*. Э. Гидденс отмечает, что если в традиционном обществе личностная самоидентичность складывается из набора последовательно смещающих друг друга психовозрастных характеристик, обладавших четкими социальными «метками» (типа инициации), то современный индивид вынужден использовать все прежние образы своего «Я» как конституирующие элементы самоидентичности в меняющемся, «контрфактуальном» социальном контексте. В процесс личностной саморефлексии оказываются вовлеченными и абстрактные системы, которые предлагают постоянно расширяющийся набор педагогических, психотерапевтических, медицинских и социопсихологических рекомендаций, заменяющих однозначную определенность традиции и повседневности.

Возрастание социального и природного риска – по сравнению с традиционными обществами – имеет не только (и не столько) количественное, сколько качественное измерение. Дело не в том, что жизнь человека стала рискованным предприятием, чем существование его предшественников, а в том, что сегодня «и для дилетанта, и для эксперта постоянным и непреложным опытом становится мышление в терминах риска» [ibid, p. 125]. Климат риска парадоксальным образом связан с открытостью будущего, то есть с осмыслением грядущих событий социального и природного порядка как, в принципе, подвластных управлению и контролю. Вмешательство современного человека в будущее регулируется с помощью непрерывного процесса каль-

куляции риска, который охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности. Э. Гидденс отмечает, что в ситуации, где максимально просчитан завтрашний день, нет места понятиям рока, судьбы или фатума. Будущее утрачивает атрибут роковой непредсказуемости и становится территорией «контрфактуальных возможностей» [422, p. 111].

2.3. Темпоральные характеристики социальной практики как критерий обеспечения информационной безопасности

А.В. Назарчук отмечает, что возрастающим в коммуникационном обществе возможностям мобильности пространства противостоит стабильность времени. Границы времени гораздо более жесткие и более бесспорные, чем границы пространства. Коммуникационное общество – общество, пытающееся жесткость времени преодолеть мобильностью пространства, элиминировать равенство в доступе и распределении ресурса времени путем управления дифференцированными «темпами» жизни. Социальным богатством, в отличие от колониальной эпохи, начинают обладать не те страны, которые располагают ресурсом пространства (пространство не несет в себе приростов), а те, которые способны организовывать время и увеличивать жизненные темпы и производительность. Критерием социального совершенства становится умение реализовывать разные темпы, а не придерживаться одного [275].

Важнейшим аспектом новых социальных мобильностей как практик обеспечения безопасности для субъекта является высокая интенсивность коммуникаций, выраженная в скорости и многообразии взаимодействия. Субъекты действия обладают различными возможностями в обеспечении безопасности практик информационной среды. Темпоральные характеристики социальной практики имеют прямое отношение к обеспечению субъектом информационной безопасности. Обратимся к анализу социальных практик относительно их темпоральных характеристик. Для этого рассмотрим различные возможности субъекта, в частности личности, особенности ее социальных практик отно-

сительно характеристик интенсивности социального информационного взаимодействия.

Социальные информационные практики распространены в различных зонах современного мира. Неоднородность распространения практик различной рефлексивности и информационной насыщенности обусловлена разным уровнем девиации/инновации (расположенностью к нарушению нормы) или вариативностью коммуникации в условиях «глоболокального социума» [89]. В целом, *современная карта и мирового, и российского социума состоит из различных зон информационной и рефлексивной насыщенности.* Проблема социального информационного пограничья в том числе выражается в информационном неравенстве и является одной из основных причин настоящих и будущих конфликтов.

Как уже отмечалось, усложнение современной жизни, обусловленное нарастанием информационных потоков, определяет появление новых особенностей социальных практик в обществе. Дж. Урри указывает на то, что растет значимость мобильных гибридов: устойчивых и все более тесных связей субъектов и объектов – машин, технологий, предметов, текстов, образов, физических средств и т. д.

Напомним, что для нас важно понимание того, что само современное общество, в условиях роста интенсивности информационных потоков, вырабатывает новые социальные практики не только в Сети, но и в обычном мире «актуальной реальности», которые можно считать и практиками обеспечения безопасности субъектов. Также напомним наш подход к определению информационной безопасности: информационная безопасность – это обеспечение безопасности социальных практик информационной среды посредством новых мобильностей и ориентации в сетевом пространстве, в условиях роста интенсивности информационных потоков и устаревания информации.

Высокая интенсивность коммуникаций, выраженная в скорости и разнообразии взаимодействия акторов, является решающей характеристикой в успехе обеспечения информационной безопасности. Значение скорости действия, скорости принятия решений, или, в целом, высокий уровень интенсивности коммуникации, сложно переоценить в ведении информационно-

го противостояния. «Скорости процессов оказываются завязаны не на движения, а на информационные потоки, на инструментальную коммуникацию. В современном обществе тем больше скорость жизни, чем менее люди движутся. Это не скорость движения, а скорость решений, скорость трансакций» [275]. А.Г. Дугин утверждает, что скорость сетевых процессов такова, что даже недолгого замешательства и тайм-аута, необходимого для освоения правил сетевых игр, достаточно, чтобы все потерять [235, с. 8].

В свое время Э. Тоффлер отмечал, что скорость и временность социальной ситуации возрастают несоразмерно возможностям человека. В условиях роста интенсивности информационных потоков человек, организация, другие социальные субъекты формируют новые практики поведения, направленные на обеспечение безопасности своих интересов. Это выражается в росте временности вещей в жизни человека, временности места пребывания, временности в отношениях между людьми, временности существования организации и сотрудничества с организацией и, наконец, временности самой информации, идей, смыслов. «Для того чтобы выжить, предотвратить, то, что мы назвали шоком будущего, индивид должен стать бесконечно более адаптируемым и знающим, чем когда-либо раньше. Он должен искать абсолютно новые способы бросить якорь, ибо все старые корни – религия, нация, общность, семья и профессия – уже шатаются под ураганным натиском силы ускорения», – писал Э. Тоффлер [159, с. 48].

Темпоральные характеристики социальной практики имеют, на наш взгляд, *прямое отношение к обеспечению субъектом информационной безопасности.* Чем выше скорость разрешения той или иной операции, чем выше скорость адекватной реакции на изменения (новую информацию), тем выше защищенность самой практики (осуществляющей ее структуры, отдельного индивида) – защищенность ее информации (тезауруса) и защищенность от воздействия внешней, деструктурирующей информации. Э. Тоффлер отмечал, что в современном обществе ускорение социальных изменений достигло такого уровня, при котором его уже нельзя при каком угодно большом воображении считать «нормальным». Люди, ускоряя темпы перемен, по-

рывают с прошлым. Мы отказываемся от прежнего образа мыслей, от прежних чувств, от прежних приемов приспособления к изменяющимся условиям жизни. Социальный мир обретает иные, совершенно незнакомые и часто неприемлемые для многих формы [159, с. 48].

А.Ю. Шеховцев рассматривает человека как «малую флуктуацию» информационного процесса и предлагает понимание личности как некоторый, определенным образом организованный объем пространства, узел сгущения энергии и информации [176, с. 26]. Соглашаясь с этим подходом, мы рассматриваем социального субъекта, в частности личность, в качестве информационной структуры, представленной единством информационного множества. Информационное множество пребывает в составе мирового информационного множества в качестве элемента последнего, возможно, при условии единства или целостности элементов, его составляющих. Его же мы можем представить в виде информационного процесса как наличия перехода от единства к множественности путем дифференциации и обособленности действия. Имея знание или изначально некоторую целостность, единство внутренней информации, вступая во взаимодействие с миром, личность или социальная система актуализируют ту или иную свою, внутреннюю информацию, реализуя ее в действии, и тем заявляет о себе; одновременно, субъект (личность или социальная система) воспринимает окружающую действительность посредством внешней информации, усваивая и адаптируя действительность, тем самым постоянно усваивая новую и новую информацию, отбирая ее и включая в состав своей внутренней информации или информационного множества [42].

Представление о подобном механизме взаимодействия с внешним миром мы находим и в структурно-функциональных социологических теориях, где субъектом является социальная система, структурируемая коммуникацией.

Ниже рассмотрим состояния субъекта (в частности, личности), его особенности относительно различных характеристик интенсивности социального информационного взаимодействия. Тем самым, мы попытаемся организовать некоторое *различение*

возможностей субъекта в обеспечении информационной безопасности.

В традициях русской философской мысли еще В.Н. Муравьев указывал на различные возможности людей в «овладении временем». Он отмечал, что изменение отношений вещей есть всегда изменение времени [114]. Социальное ускорение, выраженное в росте интенсивности информационных потоков и изменение социального времени, имеют явную взаимозависимость. Философ считает, что утверждение себя и укрепление своей деятельности как существование объединяющего центра (самореализация личности) и есть создаваемое сознанием преодоление внешнего времени.

Отметим, что В.Н. Муравьев выделяет внутреннее время и внешнее, то есть процесс внутреннего изменения вещей в индивидуально-личностном пространстве и процесс внешнего, объективного изменения вещей. Если трактовать учение В.Н. Муравьева «о преодолении времени» в рамках информационной парадигмы, то «преодоление» внешнего времени можно интерпретировать как его предвосхищение, то есть выход сознания на более высокий уровень интенсивности социального информационного взаимодействия (или более высокую частоту коммуникации), более высокий, нежели тот, который предлагает на данный момент социальная среда (в смысле будущего как более высокой частоты социальных изменений).

В.Н. Муравьев пишет, что «в меньшей степени сознательные системы» принудительно участвуют во времени, увлекаются безудержно его потоком [там же, с. 153]. «Более сознательные существа» (для нас – это личность или определенная социальная система, способные утверждать себя в более высоких частотах информационного взаимодействия), хотя, в известной мере, подвластны времени, но, вместе с тем, обладают способностью делать его, влиять на социальные изменения. Другими словами, «более сознательное существо» – это существо, претендующее на более высокую интенсивность восприятия и обработки информации, соответственно, на более высокую интенсивность изменений.

Сущность мысли заключается в функции расширения в данном месте субъектности, которая всегда соответствует соби-

рательному действию определенного множества. Сила действия зависит от объема множества информации, а затем от степени коллективного в нем согласия (целостности моментов бытия личности, степень интеграции элементов системы). Действие психических и социальных систем (Н. Луман) или «сознательного существа» «измеряется свойствами действующего множества – его мощностью (в смысле количества) и степенью его “внутренней соборности”» (В.Н. Муравьев).

Философ определяет сознательную систему (личность) как наличие перехода от единства к множественности путем дифференциации и обособленности действия. Личность рассматривается как некоторое множество значений. Он пишет, что «единое, чтобы быть, должно быть многим. Вместе с тем, каждый частный центр или сознательная система повторяет в себе эту изначальную способность мира быть многими вещами. Каждая сознательная система есть частный и особый фокус мирового действия, в которой мир как будто возвращается к первоначальной и самой глубокой естественной способности своей – способности самоумножения и творчества. Извне это ощущается как мощь этого центра, изнутри – как его свобода или разносторонность» [114, с. 150]. На наш взгляд, здесь изложена одна из фундаментальных характеристик субъекта, пребывающего в мировом информационном пространстве (множестве) или же в условиях глобальных информационных потоков.

В.Н. Муравьев рассуждает о степени сознательности как критерии для субъективности действия, который определяет деятеля. Если действие существа бессознательно – существо это исчезает как субъект, сливается с поглощающим его большим субъектом (миром как субъектом мировой причинности). В таком случае несознательное существо есть просто орудие, механический канал, через который изливается чужое действие мирового целого. Философ пишет о возможности построения лестницы (иерархии) актов и соответственно *лестницы субъектов действия*. Отличие этих субъектов есть всегда различие множеств информации, составляющих такого рода субъекты. Субъект действия есть всегда выразитель и представитель множества, горизонт же его сознания есть горизонт этого множества [там же, с. 151]. Другими словами, уместно говорить о степени

состоятельности субъекта действия, о степени дальнодействия (В.Е. Кемеров). Личность охватывает то, что стоит вне ее и, превращая эти чуждые вещи в свой придаток, делает их частью самой себя. Внешняя информация становится достоянием сознания. Разум служит орудием этого превращения, рисуя заранее проект такого синтеза и предсказывая его пути. В.Н. Муравьев делает вывод: «С одной стороны, степень особности (индивидуализации) зависит от степени разумности или сознательности как показателя дифференциации системы; с другой стороны, та же сознательность интегрирует разобщенные действия индивидов и постольку объединяет их. Отсюда, самый глубокий смысл индивидуализации – это восхождение через максимальное обособление к максимальному единению всех вещей» [114, с. 152].

Во второй половине XX века Э. Тоффлер, рассуждая о проблемах социального ускорения, описывает три категории людей: человека будущего, человека настоящего и человека прошлого. Давая характеристики этим трем категориям, американский мыслитель приводит понятие «проходимости» вещей, мест, людей, организаций и информации через «канал» человеческого опыта. Интенсивность «проходимости» через канал опыта различна у этих трех категорий людей. Тоффлер трактует мир как «ускользающую ситуацию» и указывает на пять элементов, которые составляют эту ситуацию: вещи (в смысле, предметы, окружающие человека), место пребывания индивида, люди, окружающие его и составляющие круг его общения, организации, в которых задействован, и идеи, владеющие его сознанием в данный момент. Тоффлер утверждает, что каждый из этих элементов, становится все более краткосрочным или временным для современного человека. Он убедительно показывает на примерах американской, европейской истории второй половины XX века эту возрастающую временность. Процесс социального ускорения изменений в обществе, описываемый Тоффлером, являет, по сути, описание возрастающей интенсивности (частотности) социального информационного взаимодействия.

Скорость перемен, интенсивность потоков имеет значение иногда более важное, чем направление перемен или потоков. Э. Тоффлер вводит два понятия: «ускорение» и «временность».

«Если ускорение – это новая социальная сила, то временность – ее психологическая параллель, и без понимания ее роли в поведении современного человека все теории личности, вся наша психология не будут отвечать современным требованиям… Изменяя наше отношение к окружающим нас ресурсам, сильно расширяя диапазон перемен и, что наиболее важно, ускоряя их темп, мы безвозвратно порвали с прошлым. Мы отрезали себя от старых способов мышления, восприятия и адаптации… Мы должны знать, как ускорение и временность изменяют текстуру существования, выковывая из нашей жизни и психики новые, незнакомые формы» [159, с. 30]. На наш взгляд, эти слова мыслителя характеризуют фундаментальную проблему субъекта, пребывающего в современных условиях глобальных информационных потоков.

Итак, Э. Тоффлер утверждал (1970), что жители Земли разделены не только по расовому, религиозному или идеологическому признаку, но также в каком-то смысле и во времени. 70 % жителей Земли живут во многих отношениях так же, как жили их предки столетия тому назад (занятие сельским хозяйством). Это люди прошлого. Более 25 % населения Земли живут в промышленно развитых странах. Они живут современной жизнью. Они продукт первой половины XX века, сформированные механизацией и массовым образованием, воспитанные на оставшихся в памяти воспоминаниях о сельскохозяйственном прошлом своей страны. Они – люди настоящего. Оставшиеся 2–3 % населения планеты сосредоточены в главных центрах техно- и культурных перемен. Эти первопроходцы, считает Тоффлер, сегодня живут так, как другие будут жить завтра. Что отличает их? Они богаче, лучше образованы, более мобильны, чем большинство. Но что особенно отличает людей будущего – это то, что они попали в новый, ускоренный темп жизни. Они «живут быстрее», чем люди вокруг них. Некоторые глубоко привязаны к этому высокоскоростному темпу жизни. Они всячески пытаются вызвать его и чувствуют тревогу, напряжение и дискомфорт, когда темп жизни замедляется [там же, с. 50–51].

Э. Тоффлер предлагает рассуждать о временности как о скорости оборота разных отношений в жизни индивида. Каждый из нас может быть охарактеризован в терминах относительно

низкой или высокой интенсивности (частотности) коммуникации. Для некоторых жизнь отмечена более низкой информационной частотой, чем для других. Люди прошлого и настоящего ведут жизнь с относительно «низкой временностью» – их отношения с миром (вещами, местами, людьми, организациями, идеями (информацией)) имеют тенденцию длиться долго. Скажем, что эти индивиды представлены «сознательными системами», которых характеризуют относительно небольшие информационные множества. Но люди будущего живут в условиях, в которых длительность коммуникаций сокращается, пропускная способность отношений чрезвычайно ускорена. Эти субъекты являют мощные информационные множества. Именно они призваны задавать тренды социального времени, влиять на будущее социума (по Муравьеву, по Тоффлеру). В их жизни вещи, места, отношения с людьми, идеи и организационные структуры – все «расходуется» быстрее.

Отметим, что если «скорость оборота различных отношений» рассматривать с позиции информационного социального взаимодействия, то она, в некотором смысле, оборачивается все той же интенсивностью коммуникаций или информационного взаимодействия различных множеств информации «сознательных систем», которая характеризует силу той или иной «сознательной системы», ее информационного множества. Следовательно, мы можем отметить, что различение личности по силе ее множественности (в смысле множества информации), определение *лестницы субъектов действия* (В.Н. Муравьев) и различение человека прошлого, человека настоящего и человека будущего по степени интенсивности коммуникации, являются взаимодополняемыми и близкими.

З. Бауман отмечает, что «претензии в отношении будущего едва ли могут предъявляться теми, кто не контролирует свое настоящее, а именно такого контроля безнадежно лишено большинство обитателей глобализирующегося мира» [17, с. 44]. Это большинство лишено контроля за настоящим, потому что наиболее важные факторы, определяющие их жизнь и социальное положение, а также перспективы того и другого, не находятся в их руках. «Эти люди ничего, или почти ничего, не могут сделать ни в одиночку, ни группой, чтобы вернуть эти факторы

в сферу своего влияния. Территории, заселенные этими обездоленными людьми, напоминают собой аэродромы, на которые садятся и с которых взлетают воздушные суда глобального флота, причем делают это в соответствии с их собственными загадочным расписанием и маршрутами. Именно с этим странным воздушным движением связаны надежды людей на выживание. Ставка здесь делается не просто на выживание, а на сам образ жизни и даже образ мыслей об этой жизни» [17, с. 46].

Раньше «близкое» имело преимущества перед «отдаленным», а товары и новости, происходящие из окрестных местностей, преобладали над прибывающими издалека. Границы локального сообщества обусловливались возможностями и скоростью передвижения, что, в свою очередь, определялось имеющимися средствами транспорта и связи. Пространство было значимым. Сегодня его значение утрачивается. Смысл пространства как препятствия или даже предела коммуникации изживает себя. З. Бауман рассуждает о «девальвации места»: физическое, некибернетическое пространство, где имеют место невиртуальные связи, превращается всего лишь в площадку для доставки, поглощения и переработки информации, которая по своей природе экстерриториальна и киберпространственна [там же, с. 47]. Входным билетом в новую глобальную элиту, считает З. Бауман, является «готовность к жизни среди хаоса» и способность «процветать в условиях неустроенности»… умение «позиционировать себя в переплетении возможностей, а не оставаться парализованным одной пожизненной специальностью» [там же, с. 46].

З. Бауман рассуждает о двух категориях людей. Вслед за мыслителем, мы бы определили их – как *человек пространства и человек времени*. «Время и пространство по-разному распределены между стоящими на разных ступенях глобальной властной пирамиды. Те, кто может себе это позволить, живут исключительно во времени. Те, кто не может, обитают в пространстве. Для первых пространство не имеет значения. При этом вторые изо всех сил борются за то, чтобы сделать его значимым» [там же, с. 51]. «Ощущение “территории”, ныне беспомощное и никаким усилием воображения не представляющееся самодостаточным, утратило значительную долю своей ценности, свою

привлекательность и притягательную силу для тех, кто может свободно передвигаться; оно становится ускользающей целью для всех, кто сам, не обладая подвижностью, желал бы замедлить либо остановить передвижения невероятно мобильных хозяев исчезающего порядка» [17, с. 51]. Итак, «обладание подвижностью», обитание во времени (то есть актуализация темпоральности) и игнорирование пространства – вот рецепты успеха в условиях потоковой информационной среды.

Человек пространства и человек времени, вслед за темпоральной типологией Э. Тоффлера, в какой-то степени является различением субъекта в условиях глобальных информационных потоков, где степень интенсивности передачи информации выступает критерием дифференциации современного субъекта (личности).

Скорость перемен имеет значение совершенно отличное и иногда более важное, чем направление перемен (Э. Тоффлер). З. Бауман, утверждая монопольное значение скорости в современном обществе, отмечает, что «у нас нет веских причин считать себя сторожами своих братьев, заботиться о них, да и вообще, быть моральными – и в прагматически настроенном обществе бесполезные и бездействующие бедняки, получатели пособий не могут рассчитывать на веские доводы в пользу их права на счастье. Признаем откровенно: нет ничего “рационального” в принятии на себя обязательств в том, чтобы заботиться о других и вообще быть нравственным человеком» [там же, с. 103].

Направление изменений не играет сейчас принципиальной роли, это не так важно в условиях «ускользающей ситуации». Важно не исчезнуть для самой ситуации и, в лучшем случае, предвосхитить ее. Скорость и еще раз скорость, проблема выбора направленности только тормозит.

Скорость становится еще одной характеристической чертой современного общества. Как раз действия без движения, производимые с помощью коммуникации, оказываются более масштабными, чем те, которые можно осуществить с помощью физических перемещений и встреч. Соответственно, и скорости процессов оказываются завязанными не на движения, а на информационные потоки, на инструментальную коммуникацию.

В этом обществе тем больше скорость жизни, чем менее люди движутся. Это не скорость движения, а скорость решений, скорость трансакций [275].

А.В. Назарчук отмечает, что скорости становятся решающим показателем в определении результатов движения. Информационное общество – общество, разделенное на тех, кто впереди и кто позади, кто успевает и кто опаздывает. Это новая форма разделения «имущих» и «неимущих», согласно парафразу известной истины: кто успевает, имеет все, кто не успевает, у того отнимается последнее. В обществе потоков и движений расстояние не воспринимается само по себе, а лишь в соизмерении со скоростью стремящихся к цели. Скорости связывают места друг с другом, но они же их и удаляют друг от друга. Растущие скорости не только смыкают пространства, но и размыкают. Глобализация пространств касается мест, которые желаемы, посещаемы, известны. Но она ничего не говорит о географических местах современного общества, которые не важны, не известны, не посещаемы. Это не обязательно «образцы нищеты» в районе Сахары, достаточно вспомнить о «брошенных деревнях» в странах третьего мира, о потоке мигрантов в города и страны. Пространства способны расщепляться и разграничиваться. И это в эпоху глобализации проявляется еще более значительно, чем прежде [там же].

Для процветания в условиях неустойчивости и неопределенности, в условиях нарастания информационных потоков и роста устаревания информации субъекту необходима адекватная реакция на высокую интенсивность коммуникации (социального информационного взаимодействия). Саму индивидуализацию личности европейская традиция понимает как основу «непрерывной и продолжающейся, вынужденной и всепоглощающей модернизации» (рационализации).

Итак, мы определяем информационную безопасность как обеспечение безопасности социальных практик информационной среды, посредством новых мобильностей и ориентации в сетевом пространстве, в условиях роста интенсивности информационных потоков и устаревания информации. Важнейшим аспектом новых социальных мобильностей как практик обеспечения безопасности является высокая интенсивность коммуни-

каций, выраженная в скорости и многообразии взаимодействия. Субъекты действия обладают различными возможностями в обеспечении безопасности практик информационной среды. Темпоральные характеристики социальной практики имеют прямое отношение к обеспечению субъектом информационной безопасности. «Процветание в условиях неустойчивости, неопределенности», «в условиях ускользающей ситуации» предполагает «овладение временем» субъектом. В обеспечении информационной безопасности важно «не исчезнуть» для самой ситуации, «принудительно участвуя во времени», а, в лучшем случае, ситуацию предвосхитить.

При этом обратим внимание, что высокая интенсивность коммуникаций является важным, но не единственным условием обеспечения безопасности. В целом, наш подход к определению информационной безопасности как защищенности практик информационной среды предполагает снятие информационной неопределенности субъекта относительно существующих потенциальных и реальных угроз за счет контроля над мировым пространством и наличия возможностей, условий и средств для отражения этих угроз, что в совокупности определяет уровень (степень) информационной безопасности каждого субъекта.

2.4. Социальные практики и структуры обеспечения информационной безопасности

При рассмотрении феномена информационной безопасности обратимся к возможностям теории структурации Э. Гидденса. Для нас функциональность понятий «социальная практика» и «социальная структура» заключается в их посреднической роли между понятием *коммуникации* (социальным информационным взаимодействием) *как социальной практикой и структурой как некоторой локальной упорядоченностью нормированных практик* (системой социальных ограничений). Подразумевается, что практика-действование наполняется и структурируется коммуникацией/информацией. Термин указывает на то, что различные социальные деятельности «растягиваются» в широком пространственно-временном диапазоне. Социальные практики счи-

таются источником и основой образования и субъекта, и объекта. В подобном аспекте теория структурации близка теории социальных систем Н. Лумана, где процессность коммуникации исключает дуальность субъекта/объекта.

Можно сказать, что *обеспечение информационной безопасности* общества в целом и безопасности отдельных социальных субъектов *реализуется социальными практиками и социальными структурами*. С другой стороны, свою информационную безопасность субъект обеспечивает в условиях как актуальной реальности (не виртуальной), так и потоков и сетей киберпространства. Обращаем внимание на то, что рост интенсивности социального взаимодействия формирует, в целом, такие общие особенности социальных практик, как рефлексивность и информационная насыщенность. Современные социальные практики для защиты информации и для защиты от информации в условиях интенсивности и устаревания коммуникации/информации выработали свои техники обеспечения безопасности. На эти особенности современных практик мы уже указывали ранее.

Как уже отмечалось, важным аспектом новых социальных мобильностей как практик обеспечения безопасности является высокая интенсивность коммуникаций, выраженная в скорости и многообразии взаимодействия. Чем выше уровень интенсивности (скорости и разнообразия) коммуникаций, осуществляемых субъектом, тем в большей безопасности он пребывает в смысле защищенности своих интересов в условиях роста информационных потоков и устаревания информации. *Высокая интенсивность коммуникаций в обеспечении безопасности становится возможной благодаря такому феномену, как приватизация безопасности.*

Термин «приватизация безопасности» в своих работах развивает сегодня Ю.А. Полтораков. Он отмечает, что соответствующее «право на применение насилия» (традиционная прерогатива национального государства) присваивают себе уже не только национальные государства или объединения (НАТО и пр.) или их официальные представители («голубые каски» ООН и пр.), а разные неофициальные и неправительственные группы, движения и организации. Объединяя всех тех, кто ис-

пользует насилие в своих целях, с «террористами», во многих случаях власти не только становятся неспособными адекватно «отразить» сам феномен приватизированного насилия, но и получают удобный повод для расправы с политическими противниками, которые также применяют насилие для достижения своих политических целей. Приобрел достаточно завершенный вид такой феномен, как «частные армии» [283, с. 19].

В современном обществе бурными темпами стал развиваться «негосударственный сектор безопасности». Ю.А. Полтораков отмечает, что косвенным проявлением этой тенденции в «экономической культуре» стало обновление подходов бизнеса к вопросам безопасности. Опираясь на исследования бизнес-обозрения компании «PricewaterhouseCoopers» (согласно которому более 42 % бизнеса сейчас рассматривает расходы на безопасность как стратегическую инициативу), Ю.А. Полтораков утверждает, что вместо того, чтобы реагировать на атаки и вторжения, компании хотят заранее быть активными в развертывании систем защиты с целью предотвращения возможных неприятностей в будущем. Это, в свою очередь, обозначилось на «качестве» экономической разведки, которая стала откровенно доминировать над политической [там же, с. 20].

Считаем, что *приватизация безопасности*, которая выражается в росте многообразия частных структур обеспечения безопасности, также является *особенностью современных практик и структур обеспечения информационной безопасности или общей практикой информационной безопасности. Мобильность практик обеспечения безопасности и приватизация безопасности связаны тесным образом.*

Приведенные нами «особенности-техники» практик информационной безопасности (социальные мобильности) характеризуют сегодня, прежде всего, ведение информационного противоборства – «борьбы в информационной сфере, которая предполагает комплексное деструктивное воздействие на информацию, информационные системы и информационную инфраструктуру от подобного воздействия. Конечной целью информационного противоборства является завоевание и удержание информационного превосходства над противоборствующей стороной» [135, с. 41]. *Информационное противоборство пред-*

ставлено такими формами, как информационная война, информационная борьба и борьба с информационной преступностью.

В.С. Пирумов отмечает, что человечество втянулось в новое измерение противоборства, выигрыш в котором достигается внедрением таких ложных представлений об окружающем мире, которые позволяют в дальнейшем манипулировать не только отдельными людьми и группами людей, но и населением целых стран, а также их правящими элитами. Сегодня в любых конфликтах в число сфер ведения противоборства, помимо земли, моря, воздуха и космоса, необходимо включать информационное пространство – четвертое измерение противостояния – где само пространство является и полем боя, и грозным оружием, с помощью которого ведется борьба за целенаправленное изменение индивидуального и общественного сознания, а также физического состояния участников [135].

Информационное пространство практически стало частью пространства конфликтов, театром военных действий, где каждая из противоборствующих сторон стремится получить и как можно дольше удерживать преимущество над противником, а в случае необходимости – разгромить его. В.С. Пирумов отмечает: «Становится очевидным, что сторона, не понимающая или недооценивающая указанное обстоятельство, обречена оказаться на обочине “столбовой дороги” цивилизационного развития» [там же, с. 14].

Сложно не согласиться с И.В. Соколовой, которая рассматривает информатизацию общества как ведущее средство в обеспечении информационной безопасности. Под информатизацией понимаются три взаимосвязанных процесса: компьютеризация, медиатизация и интеллектуализация общества. Для нас важно замечание И.В. Соколовой о том, что залогом успешного информационного ресурса общества являются не только техническая оснащенность и развитость информационной инфраструктуры общества, но и социальные средства активизации, воспроизводства и развития информационного ресурса – так называемые когнитивные структуры и институты общества. Это – институты семьи, образования, а также структуры формирования и развития социального интеллекта в целом, социаль-

ной памяти и общественного мнения, а также научных и других творческих школ, течений и т. д. [150].

И.В. Соколова отмечает, что в процессе разработки государством информационной стратегии в создании информационной среды должно учитываться диалектическое единство средств информатики и системы социальной информации. Создание единой и целостной системы социальной информации в России остается острейшей технической и теоретико-методологической задачей. Функции этой системы состоят в следующем:

– раскрытие адекватных социальных связей и взаимодействий в обществе с помощью информации, получаемой со всех «этажей» социального организма;

– объединение всех информационных потоков в единое целое и отражение различных процессов и явлений в обществе;

– накапливание информации о тенденциях и направлениях в развитии мировой экономики, международной политики, науки и техники, о возможности международного сотрудничества в различных сферах, а также обмена идеями и информацией между странами;

– выполнение прямой и обратной связи (по вертикали) между управляемой и управляющей подсистемами, а также организация информационного взаимодействия (по горизонтали) между социальными системами, между ними и окружающей средой, между всеми членами социума;

– обеспечение в необходимой мере засекречивания и защиты социальной информации, касающейся национальной безопасности и других целей государства;

– обеспечение обработки первичной информации в соответствии с потребностями потребителя;

– создание базы для формирования социальной памяти [там же].

Итак, как социальные практики в обеспечении информационной безопасности можно рассматривать информатизацию и в том числе политику государства по информатизации общества и обеспечению независимости информационной инфраструктуры. Важно отметить, что *развитие информационной инфраструктуры общества обеспечивает «инфраструктуру мобиль-*

ностей» социальных субъектов. Сама информационная инфраструктура и развитая информационная индустрия, а также когнитивные структуры и институты общества, обеспечивающие активизацию, воспроизводство и развитие информационного ресурса общества рассматриваются нами как социальные структуры в обеспечении информационной безопасности социальных субъектов.

О структурах обеспечения информационной безопасности

В целом, представление о структурах (отчасти и институтах) обеспечения информационной безопасности сегодня носит системный характер. Основные сегменты этих структур, их нормативный и правовой характер развиваются такой отраслью знания, как информационное право [1].

В рамках института информационного права информационная безопасность понимается как процесс обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности информации, где конфиденциальность – обеспечение доступа к информации только авторизованным пользователям, целостность – обеспечение достоверности и полноты информации и методов ее обработки; доступность – обеспечение доступа к информации и связанным с ней активам авторизованных пользователей по мере необходимости.

Выделяют следующие составляющие в обеспечении информационной безопасности государства:

– Законодательная, нормативно-правовая и научная база.

– Структура и задачи органов (подразделений), обеспечивающих безопасность информационных технологий.

– Организационно-технические и режимные меры и методы (политика информационной безопасности).

– Программно-технические способы и средства обеспечения информационной безопасности.

[1] В России проблемы правового обеспечения жизнедеятельности информационного общества сегодня активно ставятся и анализируются авторами журнала «Информационное право».

Целью реализации информационной безопасности какого-либо объекта является построение системы обеспечения информационной безопасности данного объекта (СОИБ). Для построения и эффективной эксплуатации СОИБ необходимо:

– выявить требования защиты информации, специфические для данного объекта защиты;

– учесть требования национального и международного законодательства;

– использовать наработанные практики (стандарты, методологии) построения подобных СОИБ;

– определить подразделения, ответственные за реализацию и поддержку СОИБ;

– распределить между подразделениями области ответственности в осуществлении требований СОИБ;

– на базе управления рисками информационной безопасности определить общие положения, технические и организационные требования, составляющие политику информационной безопасности объекта защиты;

– реализовать требования политики информационной безопасности, внедрив соответствующие программно-технические способы и средства защиты информации;

– реализовать систему менеджмента (управления) информационной безопасности (СМИБ);

– используя СМИБ, организовать регулярный контроль эффективности СОИБ и при необходимости пересмотр и корректировку СОИБ и СМИБ.

В Российской Федерации к нормативно-правовым актам в области информационной безопасности относятся акты федерального законодательства:

– международные договоры Российской Федерации;

– Конституция Российской Федерации;

– законы федерального уровня (включая федеральные конституционные законы, кодексы);

– указы Президента Российской Федерации;

– постановления правительства Российской Федерации;

– нормативные правовые акты федеральных министерств и ведомств;

– нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и т. д.

К нормативно-методическим документам можно отнести:

– методические документы государственных органов России (Доктрина информационной безопасности Российской Федерации; руководящие документы ФСТЭК (Гостехкомиссии России); приказы ФСБ);

– стандарты информационной безопасности (международные стандарты; государственные (национальные) стандарты Российской Федерации; рекомендации по стандартизации; методические указания).

В зависимости от приложения деятельности в области защиты информации (в рамках государственных органов власти или коммерческих организаций), сама деятельность организуется специальными государственными органами (подразделениями) либо отделами (службами) предприятия.

Государственными органами Российской Федерации, которые контролируют деятельность в области защиты информации, являются: Комитет Государственной Думы по безопасности, Совет безопасности России; Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России), Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ России), Федеральная служба охраны Российской Федерации (ФСО России), Служба внешней разведки Российской Федерации (СВР России), Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России), Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России), Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Службами, организующие защиту информации на уровне предприятия, являются: служба экономической безопасности, служба безопасности персонала (режимный отдел), кадровая служба, служба информационной безопасности.

В рамках политики обеспечения информационной безопасности отдельно рассматривают следующие направления защиты информационной системы:

– защита объектов информационной системы;

– защита процессов, процедур и программ обработки информации;

– защита каналов связи (акустические, инфракрасные, проводные, радиоканалы и др.);

– подавление побочных электромагнитных излучений;

– управление системой защиты.

При этом по каждому из перечисленных выше направлений политика информационной безопасности должна описывать следующие этапы создания средств защиты информации:

– определение информационных и технических ресурсов, подлежащих защите;

– выявление полного множества потенциально возможных угроз и каналов утечки информации;

– проведение оценки уязвимости и рисков информации при имеющемся множестве угроз и каналов утечки;

– определение требований к системе защиты;

– осуществление выбора средств защиты информации и их характеристик;

– внедрение и организация использования выбранных мер, способов и средств защиты;

– осуществление контроля целостности и управление системой защиты.

Политика информационной безопасности оформляется в виде документированных требований на информационную систему. Документы обычно разделяют по уровням описания (детализации) процесса защиты.

Документы верхнего уровня обеспечения информационной безопасности отражают позицию организации к деятельности в области защиты информации, ее стремление соответствовать государственным, международным требованиям и стандартам в этой области.

К среднему уровню относят документы, касающиеся отдельных аспектов информационной безопасности. Это требования на создание и эксплуатацию средств защиты информации, организацию информационных и бизнес-процессов организации по конкретному направлению защиты информации, например: безопасности данных, безопасности коммуникаций, использования средств криптографической защиты, контентная фильтра-

ция и т. п. Подобные документы обычно издаются в виде внутренних технических и организационных политик (стандартов) организации. Все документы среднего уровня политики информационной безопасности конфиденциальны.

В политику информационной безопасности нижнего уровня входят регламенты работ, руководства по администрированию, инструкции по эксплуатации отдельных сервисов информационной безопасности [4].

Итак, российское государство как основной институт обеспечения безопасности общества разрабатывает информационную политику, основные направления которой первоначально были заложены в Доктрине информационной безопасности от 2000 года [1]. Эта политика направлена на поддержание и формирование социальных структур информационной безопасности – различного рода систем, институтов, защищающих и развивающих информационную сферу общества. Это и институты информационного права, управленческие государственные структуры, законодательные структуры, государственные спецслужбы, их деятельность в области информационной политики и обеспечения информационной безопасности, и др.

В целом, информационное право является сегодня, на наш взгляд, наиболее разработанной сферой знания в области обеспечения информационной безопасности. Именно в рамках этой дисциплины впервые были поставлены вопросы: почему обеспечение информационной безопасности выходит на первое место в системе национальной безопасности? какие жизненно важные интересы существуют в информационной сфере для личности, общества и государства? в чем состоят основные методологические проблемы в определении национальных интересов в информационной сфере? на каких принципах должна обеспечиваться информационная безопасность? каковы основные задачи государства по обеспечению информационной безопасности? каковы основные функции государственной системы обеспечения информационной безопасности? какие можно выделить объекты права в сфере информационной безопасности? что понимается под информацией с ограниченным доступом и какова ее структура? каковы основные признаки информации с ограниченным доступом? что понимается под государственной тайной

как объектом права и каковы критерии ее охраноспособности? и др. [5].

К структурам обеспечения информационной безопасности можно отнести различные организации по производству экспертного знания. Сегодня – это не только научные и образовательные учреждения. Речь идет о беспрецедентном росте аналитических структур различного уровня, занимающихся анализом и прогнозированием экономических и социальных процессов (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр и др.). В том числе отдельно здесь же можно говорить об институциализации мониторинга общественного мнения.

Идет формирование структур информационной индустрии, уровень развития которой является основным показателем развитости и защищенности общества и государства. В нее входят частные и государственные организации, которые создают информацию различных видов, интеллектуальную собственность, обеспечивают функционирование устройств для распространения информации для потребителей, производят оборудование и программное обеспечение, призванное обрабатывать информацию.

Информационную индустрию можно представить в виде трех ее отраслей, которые создают содержание, его распространяют и обрабатывают. К индустрии содержания относятся организации, которые создают интеллектуальную собственность. В этом им помогают издатели, продюсеры, вещатели и прочие организации, которые придают первоначальному содержанию «товарный вид». Сюда же входят организации, которые сами не создают новой информации, но компилируют ее, производя справочники, базы данных, статистические сборники и т. п. На долю этих поставщиков информации приходится значительная часть доходов, получаемых в индустрии содержания. Индустрия распространения информации связана с созданием и управлением телекоммуникациями и сетями распространения информации. Она включает телекоммуникационные компании, сети кабельного телевидения, системы спутникового вещания, радио- и телевизионные станции, компании сотовой связи и т. п. Индустрия обработки содержания охватывает производителей

компьютеров, телекоммуникационного оборудования и потребительской электроники [404].

Перевод информации в цифровую форму приводит к перекодировке значительных массивов информации, которые ранее были представлены на традиционных носителях – бумаге, видеопленке, магнитных лентах. В результате информация может легко копироваться, передаваться, объединяться, что дало толчок интенсивному развитию нового сектора информационной индустрии – мультимедийной промышленности. Происходит конвергенция технологий, связанных с созданием, обработкой и передачей информации.

Развиваются отдельные системы по обеспечению информационной безопасности внутри государственной власти – системы электронного правительства, отдельные подразделения государственных органов по защите критически важной информационной инфраструктуры страны, по защите государственной и коммерческой тайны и др.

Необходимо отметить, что существует противоречие между локальностью структур обеспечения безопасности и потоковым, сетевым характером угроз, не имеющих территориальной локализации. Мы понимаем социальную структуру как некоторую *локальную упорядоченность нормированных практик* или условия ограничений в области допускающих соединение операций (Н. Луман). Всякая организационная структура имеет различный спектр ограничений действия – территориальный, нормативный, организационный и др. Большей подвижностью и мобильностью, а соответственно, преимуществами в реализации целей обладает не структура, а сети и потоки (Дж. Урри). Сети и потоки развивают действие экстерриториально. Нормы, отрываясь от локальных культур, становятся относительными, ситуационными. *С нарастанием сетей и потоков растет несостоятельность структур обеспечения информационной безопасности в силу их локальности и нормативности.*

На наш взгляд, такая фиксация проблемы в обеспечении информационной безопасности является методологически плодотворной в случае ее дальнейшего осмысления и развития.

В итоге, нами были зафиксированы и проанализированы общие характеристики практик обеспечения информационной

безопасности. Отмечено, что рост интенсивности социального информационного взаимодействия формирует, в целом, такие особенности социальных практик, как риск и неопределенность, отвлеченность, дистанцированность и абстрагированность. Социальная практика сегодня характеризуется различными формами социальности – абсолютной, относительной, ситуативной и частной, альтерсоциальностью. Координация взаимодействия, соответствующая сетевому и потоковому пространству, соответствует типу координации на основе селекции и уже не связана с привычным смыслом интегрированности и нормативности. Особенностью современных социальных практик является «колонизация общественного частным» (З. Бауман) и направленность к «сетевому, внеисторическому пространству потоков» в ущерб устойчивости общих культурных кодов общества (М. Кастельс). Все эти особенности вырабатываются в обществе на предмет адаптации внешней среды. Соответственно, они лежат в основании практик обеспечения безопасности, которая заключается в сохранении устойчивости, защите интересов в условиях роста девиации/инновации или в условиях роста информации.

Практики новых мобильностей, составляющие сегодня сетевую и потоковую морфологию социального мира, рассматриваются как общие практики обеспечения информационной безопасности. Представление об их организации частично раскрывается через понятия каналов, туннелей и потоков (Дж. Урри). Сущностным аспектом новых мобильностей является высокая интенсивность коммуникаций, выраженная в скорости и многообразии взаимодействия. Характерным элементом новых мобильностей является объектуализация отношений или появление «объектно-центрированной социальности» (К. Кнорр-Цетина). Условием обеспечения информационной безопасности является доступ к мобильности, который, в свою очередь, зависит от доступа к системе мобильностей, различающейся по мощности.

Высокая интенсивность коммуникаций в обеспечении безопасности становится возможной благодаря такому феномену, как приватизация безопасности (А.Ю. Полтораков). Темпоральные характеристики социальной практики имеют

прямое отношение к обеспечению субъектом информационной безопасности.

Обеспечение информационной безопасности складывается из социальных практик и социальных структур. Предлагаемый подход позволяет развить понимание социальных аспектов информационной безопасности: увидеть особенности практик обеспечения безопасности, зафиксировать противоречие между локальностью структур и потоковым, сетевым характером информационных угроз. С нарастанием сетей и потоков растет несостоятельность структур обеспечения информационной безопасности в силу их локальности и нормативности.

Глава 3
БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТА В УСЛОВИЯХ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

В настоящей главе мы попытаемся составить представление об информационной безопасности в узком смысле этого слова: социальные практики защиты информации и защиты от информации в условиях киберпространства и ориентация в Сети. Для этого первоначально рассмотрим основные подходы к изучению сетевого коммуникативного пространства и зададим необходимую концептуализацию феномена киберпространства. Это позволит увидеть сущностные особенности киберпространства, которые ведут к формированию и росту современных информационных угроз. С другой стороны, постараемся выявить характер сетевых практик обеспечения информационной безопасности.

3.1. Основные подходы к изучению современного информационного сетевого пространства. Киберпространство как система мобильностей

Сегодня сетевые коммуникации составляют новую социальную морфологию современных обществ. Принадлежность к той или иной сети определяет важнейшие источники управленческих ресурсов. М. Кастельс называет современное общество «обществом сетевых структур». Благодаря сетевым коммуникациям любая информация максимально быстро распространяется в обществе. Расстояние короче, интенсивность и частота взаимодействий между двумя и более коммуницирующими субъектами выше, когда они выступают в качестве узлов одной деловой сети, нежели когда они принадлежат к разным сетям, а тем более, не принадлежат к какой-либо сети. Включение в сетевые структуры или исключение из них, контуры сетевых потоков,

которые задают информационные технологии, становятся доминирующими тенденциями, формирующими современный мир.

Информационно-коммуникационные технологии лежат в основе «сжимания пространств» и углубления взаимозависимости мира, что составляет ключевые параметры глобализации. В то же время сети далеко не всегда являются глобальными. Рост сетевых предприятий и институциональных сетей идет рука об руку с сетевой активностью капитала. Финансовый рынок – локомотив и сетевого общества, и глобализации, и информатизации [274].

М. Кастельс утверждал, что капитал больше других выиграл от сетевой модернизации. Модернизация осуществляется в русле экономической рациональности, мотивирующей к росту прибыли, экономии на издержках и масштабах, поиску конкурентных преимуществ. Новые средства коммуникации помогают переносить свой опыт в другое место и с минимальными затратами воспроизводить уже пройденный путь. Формирование стандартов делает легко переносимым интеллектуальный капитал. Гибкая управленческая структура способствует эффективному распределению производственной цепочки во времени и пространстве, перенося трудоемкие процессы в страны с дешевой рабочей силой, а интеллектуально емкие – в развитые страны. Наконец, сетевая экспансия становится главным залогом количественного расширения капитала. Успешные сетевые предприятия сформировали стандарт массового производства, с которым не могут конкурировать предприятия иного типа, вытесняемые в маргинальные сектора товаров «люкс» или в сферу малого предпринимательства [там же].

А.В. Назарчук указывает на то, что сети не одинаковы. Они могут быть плотными и редкими, горизонтальными и вертикальными, магистральными и переплетающимися, стержневыми и ризоматическими, эксклюзивными и массовыми, локальными и глобальными, постоянными и спорадическими и т. д. Если прежде социальные связи достаточно успешно описывались простыми геометрическими схемами в ключе евклидовой геометрии – как сегментированные структуры, иерархии и т. п., то сегодня геометрические схемы социальных связей должны образовывать сложные кривые, описываемые неэвкли-

довыми уравнениями. Метафора неэвклидовой геометрии будет тем более правомерна, так как кривые плоскости, которые занимают сети, способны в континууме социального пространства иметь разные измерения, пересекаться по разным траекториям, реконструироваться по разным параметрам. Эффект четвертого измерения создает сама социальная коммуникация, которая надстраивается над трехмерной геометрией кабельных сетей, описывающей физические маршруты информационных магистралей [274].

Заслуживает внимание замечание А.В. Назарчука о том, что реальная комплексность и морфология сетей обнаруживается не в локальном пространстве, где берут начало элементарные ячейки сети, а в глобальном мире. Именно глобальная развертка превращает элементарные конструкции в сложносоставные сети. Глобальную размерность дает сетям новый коммуникативный эффект, которого нельзя было достичь в прежнюю эпоху. Международные связи и раньше позволяли координировать совместные действия, но это происходило в рамках действий национальных агентов. Глобальные сети сами становятся субъектами планетарных действий. Национальные агенты в новой ситуации зачастую становятся исполнителями глобально принятых и осуществляемых действий и теряют свою самостоятельность.

Хотя подобный синергетический эффект все еще очень слаб и робок, поскольку порождается сложными интерференциями двух полюсов (национального и глобального), он имеет огромное значение на будущее. Если транснациональные корпорации в силу множества причин еще сохраняют национальную принадлежность, то горизонтальным сетям, которые не управляются из одного центра, это уже делать невозможно [там же].

Под сетью мы понимаем децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов открытого типа, способный неограниченно расширяться путем включения все новых звеньев (коммуникаций), что придает сети гибкость и динамичность. Ключевым, но далеко не единственным механизмом формирования сетей является Интернет. Это и широкие экспертные сети, и сетевые бизнес-проекты (Google, Ebay, Yahoo, электронные биржи), и онлайн-конференции, которые объединяют миллионы

людей. Сети, составляющие современное киберпространство, неравнозначны по своим ресурсам. Отметим, что подавляющее количество сетей не выходит на глобальный или даже национальный уровень, демонстрируя тенденцию регионализации и локализации информационных потоков. А.В. Назарчук отмечает, что само многообразие позиций и интересов, представительство которых усиливается мощностью сетевых информационных потоков, формирует новый, особый род политики интенсивных коммуникаций, которую Ю. Хабермас назвал «делиберативной» политикой [274].

При анализе интернет-коммуникаций важно помнить об инфраструктурном, техническом характере Интернета. Это – кабельная (или беспроводная) компьютерная сеть, подобная телефонным сетям, сетям дорог или воздушных сообщений. Интернет-сообщества, которые образуются в его пространстве, не являются Интернетом, но формируют специфическое социальное коммуникативное пространство, или киберпространство.

Большое число работ, посвященных влиянию Интернета на общество, характеризуется направленностью на технические особенности сетевого коммуникативного пространства в ущерб социокультурному контексту [388]. Однако выявление смысла глобального явления, каким является Сеть (Интернет), может обеспечиваться только включением его в общий контекст современной культуры, раскрытием связей с социальными структурами и практиками [408]. Интернет требует многостороннего рассмотрения, поскольку не может быть полностью описан в рамках отдельной дисциплины или частного подхода. Ю.М. Кузнецова и Н. В. Чудова отмечают, что Сеть – это и комплекс распределенных в пространстве технических объектов (что позволяет ставить вопросы о его географии и экономике); и корпус организованных в виде гипертекста текстов (исследуемых с позиции текстологии, архивного дела, журналистики); объединение активно действующих людей (данному пониманию отвечает социология, психология, политология, педагогика Интернета); и комплексная система (философский и системологический подход); и попытка реализации технических и социальных договоренностей в глобальном смысле (предмет для анализа с правовых и исторических позиций глобалистики) [94, с. 28].

В связи с развитием сетевых коммуникаций мы наблюдаем возникновение нового типа социума [70], рождается принципиально новая для европейской культуры парадигма мышления [146]. Net-мышление отлично от других типов не только по своим операциональным характеристикам, но и критериям истинности продукта [139]. В информационном обществе формируется новая техника существования (ее основные черты: внечувственность, доступность, интерактивность, массовость коммуникации). Значение Интернета определяется содержанием переживаемого в глобальном масштабе процесса крушения квазирелигиозных идеологий XX века и связанных с ним переменами в значении свободы личности. Приобретающие в данном контексте особую индивидуальную и общественную ценность свойства активного субъекта получают благодаря Интернету резонатор-усилитель необычайной мощности, разгоняющий индивидуальные интенции до всепроникающих скоростей и всемирных масштабов. Сеть становится стимулом и прообразом искомой интеграции: она активизирует коллективные процессы унификации, синхронизации, группового давления и в то же время увеличивает степени свободы индивида, дает непосредственный доступ к коллективному интеллекту, непосредственный выход в надличностное пространство символов, убеждений, коллективных чувств [там же]. Осмысление возможностей сетевых коммуникаций во взаимосвязи с традиционными государственно-политическими структурами, национальными структурами, социально-культурными структурами определяет возрастающую важность Сети для безопасности и развития общества.

С другой стороны, развитие сетевого коммуникативного пространства несет для общества не только социальное благо. Сетевые коммуникации сегодня генерируют самые различные деструкции для личности, общества и государства. Угрозы личности, обществу, государству, генерируемые киберпространством, мы называем информационными.

Из современных подходов к анализу сетевого общества, сетевых коммуникаций, в первую очередь, мы выделяем идеи М. Кастельса. Свои размышления о сетевом обществе М. Кастельс встраивает в более широкий контекст технологической

революции и теории информационного общества. Он делает теоретические обобщения о природе сетевого общества.

Так же как З. Бауман, Э. Гидденс, К. Кнорр-Цетина, С. Лэш, Э. Тоффлер и другие современные теоретики, М. Кастельс указывает на трансформацию социальности в современном обществе. Если прежде основу человеческого сообщества составляла привязанность человека к месту жительства и работы, то особенностью последнего столетия является ослабление этой привязанности и переход к более слабым экстерриториальным социальным связям. Люди утрачивают связи с локальными сообществами не только в силу новых коммуникационных возможностей, но и того, что они реализуют личные потребности, опираясь на эти новые возможности. Этот принцип построения сообществ М. Кастельс называет сетевым индивидуализмом. «Такая индивидуализированная связь с обществом является специфической формой социальности, а не каким-то психологическим атрибутом. Она имеет в своей основе, прежде всего, индивидуализацию отношений между капиталом и трудом, между рабочими и трудовым процессом в рамках сетевого предприятия. Она порождена кризисом патриархальности и последующим распадом традиционной нуклеарной семьи, существовавшей с конца XIX столетия. Она поддерживается (но не производится) новыми моделями урбанизации, поскольку пригороды и загородные поселения расползаются во все стороны, и разрыв связи между функцией и смыслом в микрорайонах городов-гигантов способствует индивидуализации и дезинтеграции пространственного контекста жизни. И она поддерживается за счет кризиса политической легитимности, поскольку увеличение дистанции между гражданами и государством воздействует на механизмы представительства, способствуя выводу индивидуализма из общественной сферы. Новая модель социальности в нашем обществе характеризуется сетевым индивидуализмом» [83, с. 155].

По убеждению М. Кастельса, в основе всех изменений лежит переход от индустриальной к информациональной экономике – экономике, основанной на производстве и обработке информации. Главный генератор сетевых моделей – «сетевое предприятие», способное, отталкиваясь от целей «проекта», свя-

зывать деятельность самых разных акторов в самых разных направлениях: в горизонтальных сетях, корпоративных слияниях, в глобальных альянсах. М. Кастельс отслеживает последствия технологических перемен в сфере разделения труда, организации производства, движении капиталов, общественных и государственных институтах, масс-медиа и т. д.

«Каковы же элементы исторической реальности, которые ассоциированы в новой организационной парадигме? – спрашивает М. Кастельс и отвечает: – Эти элементы есть. Прежде всего, это – деловые сети в различных формах, различных контекстах и проистекающие из различных культурных выражений. Семейные сети в китайских обществах и Северной Италии; предпринимательские сети, возникающие из технологических питомников в инновационной среде, как в Силиконовой долине; иерархические коммунальные сети японского типа кэйрэцу; организационные сети децентрализованных корпорационных единиц из бывших вертикально-интегрированных корпораций, вынужденных адаптироваться к реальностям эпохи; пересекающиеся границы сети, проистекающие из стратегических союзов между фирмами.

Имеются также технологические инструменты: новые телекоммуникационные сети; новые мощные настольные компьютеры; новое адаптивное саморазвивающееся программное обеспечение; новые мобильные коммуникационные устройства, осуществляющие связь с любым местом в любое время; новые рабочие и менеджеры, связанные друг с другом вокруг трудовых задач и результатов, способные говорить на одном и том же языке – цифровом языке.

Имеется глобальная конкуренция, вынуждающая к постоянному обновлению продуктов, процессов, рынков и экономических вложений, включающих капитал и информацию.

Имеется, как всегда, государство: государство развития в стартовой стадии новой экономики, как в Восточной Азии; агент инкорпорирования, когда экономические институты должны быть перестроены, как в процессе объединения Европы; координирующее, когда территориальные сети нуждаются в питательной поддержке региональных или местных правительств, чтобы генерировать синергетические эффекты, которые созда-

дут инновационную среду… Все эти элементы сходятся, чтобы дать возникнуть сетевому предприятию» [82, с. 195–196].

М. Кастельс сводит вместе основные элементы «исторической реальности» в новую культурно-институциональную конфигурацию, лежащую в основе организационных форм экономической жизни. Эту конфигурацию он называет «духом информационализма», утверждая в основе ее возникновение и консолидацию сетевого предприятия.

С точки зрения М. Кастельса, впервые в истории базовой единицей экономической организации становится не субъект, будь он индивидуальным (таким, как предприниматель или предпринимательская семья) или коллективным (таким, как класс капиталистов, корпорация, государство). Единицей становится сеть, составленная из разнообразного множества субъектов и организаций, непрестанно модифицируемых по мере того, как сети приспособляются к поддерживающим их средам и рыночным структурам. Сетевая форма организации отношений начинает вырабатывать свое собственное культурное измерение.

Растущие оперативность, мобильность и гибкость, затронувшие все сферы жизнедеятельности, делают естественным переход к сетевым, то есть более многообразным и «дальним», технологически невозможным еще вчера, формам организации различных сфер человеческой активности. В экономике – это сетевое предприятие, в политике – интерактивная, более чуткая к волеизъявлению граждан политическая система, в культуре – единая мировая информационная сеть Интернет и глобальные масс-медиа.

В результате, формируется новая социальная среда, в которой меняется смысл пространства и времени. Современное общество построено вокруг потоков капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, символов. Каждый из потоков движения этих ресурсов организован процессами, в которые он включен. Пространство потоков для М. Кастельса есть материальная организация социальных практик в разделенном времени. Под потоками он понимает целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономиче-

ских, политических и символических структурах общества [82, с. 110].

«В этой сети ни одно место не существует само по себе, поскольку позиции определяются потоками... Технологическая инфраструктура, на которой строится сеть, определяет новое пространство почти так же, как железные дороги определяли “экономические регионы” и “национальные рынки” индустриальной экономики... Эта технологическая инфраструктура сама является выражением сети потоков, архитектура и содержание которых определяются силами, действующими в нашем мире... Пространство потоков состоит из персональных микросетей, откуда интересы передаются через глобальное множество взаимодействий в пространстве потоков в функциональные макросети» [там же, с. 115].

Говоря о действительности субъекта, постоянно формирующейся и постоянно наполняющейся разнообразной информацией, в условиях глобального информационного взаимодействия, мы подразумеваем, прежде всего, культуру реальной виртуальности (М. Кастельс), которая сегодня почти монопольно определяет характеристики в том числе практик информационной безопасности.

Культуры созданы из коммуникативных процессов. А все формы коммуникации основаны на производстве и потреблении знаков. Таким образом, не существует разделения между реальностью и символическим отображением. М. Кастельс утверждает, что исторической спецификой в новой коммуникационной системе, организованной вокруг электронной интеграции всех видов коммуникации (от топографического до мультисенсорного), является не формирование виртуальной реальности, а строительство реальной виртуальности. Виртуальный – существующий на практике, хотя не в строго данной форме или под данным именем. Реальный – фактически существующий. Таким образом, реальность так, как она переживается, всегда была виртуальной – она переживалась через символы, которые всегда наделяют практику некоторым значением. Это значение всегда отклоняется от строго определенного определения. Способность языка (всех его форм) кодировать двусмысленность и приоткрывать разнообразие интерпретации и отличает культурное

выражение от формального (логического/математического) рассуждения.

Сложность и противоречивость сообщений, исходящих от человеческого мозга, проявляет себя именно через эту многозначность человеческих дискурсов. Именно диапазон культурных вариаций смысла сообщений позволяет нам взаимодействовать с друг другом во множественности измерений, имплицитных и эксплицитных.

В человеческой интерактивной коммуникации, независимо от средств, все символы несколько смещены относительно назначенного им символического значения. В некотором смысле, вся реальность воспринимается виртуально. Современная коммуникационная система, создающая реальную виртуальность, – это система, в которой сама реальность (то есть материальное и символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом. Все сообщения всех видов заключены в средстве, ибо средство стало настолько всеобъемлющим, настолько разнообразным, настолько послушным, что абсорбирует в одном и том же мультимедиатексте целостность человеческого опыта [82, с. 352–398].

Современные технологические трансформации воплощаются в интеграции различных способов коммуникации в интерактивные информационные сети. Формируются супертекст и метаязык, впервые в истории объединяя в одной и той же системе письменные, устные и аудиовизуальные способы человеческой коммуникации. Потенциальная интеграция в одной и той же системе текстов, изображений, звуков, взаимодействующих из множества различных точек в избранное время в глобальной сети в условиях открытого и недорогого доступа, фундаментально меняет характер коммуникации.

Коммуникация определяет формирование культуры, поскольку «мы… видим реальность не такой, как она есть, но такой, как наши языки позволяют ее видеть. Наши СМИ – наши метафоры. Наши метафоры создают содержание нашей культуры» [там же, с. 314]. Поскольку культура вводится и передается

посредством коммуникации, сами культуры, то есть наши исторически построенные системы верований и кодов, под влиянием новой техносистемы подвергаются фундаментальному преобразованию [82, с. 314].

М. Кастельс считает, что появление новой системы электронных коммуникаций характеризуется глобальным масштабом, интегрированием всех средств коммуникации и потенциальной интерактивностью, которые меняют уже нашу культуру необратимо. К видам электронной коммуникации он относит СМИ (систему массовой информации) и систему, организованную вокруг компьютерной сети, то есть возникновение Интернет, спонтанное развитие новых сообществ [там же, с. 320]. СМИ стали аудиовизуальной окружающей средой, с которой мы непрестанно автоматически взаимодействуем. СМИ – это однонаправленная коммуникационная система, где реального процесса коммуникации как взаимодействия передающей и получающей стороны при интерпретации сообщения нет. Автор «Информационной эпохи» утверждает, что «массовой культуры» не существует в смысле, вносимом воображением критиков массовой коммуникации: так как эта модель конкурирует с другими, состоящими из исторических наслоений, классовой культуры, аспектов высокой культуры, передаваемых через образование. Но указание на автономию человеческой мысли и индивидуальность культурных систем в наполнении получаемых сообщений реальным смыслом не подразумевает нейтральность института СМИ. Современные эмпирические исследования показывают, что СМИ не являются независимыми переменными, формирующими поведение. Их сообщения, эксплицитные или влияющие на подсознание, перерабатываются индивидами, помещенными в специфические социальные условия, видоизменяющими, тем самым, подразумеваемый эффект сообщения.

Но СМИ, особенно аудиовизуальные, действительно представляют собой в нашей культуре основной материал коммуникативных процессов. Мы живем в среде СМИ, и из них приходит большинство наших символических стимулов. Более того, СМИ – это культура, в которой предметы и символы соотносятся с телевидением, от форм домашней мебели до стиля и тем разговора. Телевидение структурирует язык социетальных

коммуникаций. В обществе, организованном вокруг СМИ, существование сообщений за их пределами ограничено межличностным общением. Такое сообщение исчезает из коллективного сознания. Сама информация, которая появляется на телевидении, становится частью мультисемантического текста, синтаксис которого крайне расплывчатый. Известие и развлечения, образование и пропаганда, релаксация и гипноз – все сливается и затуманивается в языке телевидения. С другой стороны, мир визуальных грез возвращает нашему сознанию власть выбирать, рекомбинировать изображения и звуки, которые мы создали через нашу коллективную практику или индивидуальные предпочтения. Эта система обратной связи между кривыми зеркалами: СМИ есть выражение нашей культуры, а наша культура работает, главным образом, через материалы, поставляемые СМИ.

Новая система коммуникаций, основанная на цифровой, сетевой интеграции множества видов коммуникаций, характеризуется включением и охватом ею всех проявлений культуры. Только присутствие в этой интегрированной системе позволяет передать и социализировать сообщение. С точки зрения общества, коммуникация на электронной основе и есть коммуникация. Цена включения в систему – адаптация к ее логике, к ее языку, к ее точкам входа, к ее кодированию и декодированию.

М. Кастельс пишет, что включение большинства культурных выражений в интегрирующую коммуникационную систему, коренящуюся в цифровом электронном производстве, распределении и обмене сигналов, имеет важные последствия для социальных форм и процессов. С одной стороны, оно ослабляет символическую власть традиционных отправителей сообщений, внешних по отношению к системе, власть, передаваемую через исторически закодированные привычки, религию, мораль, авторитет, традиционные ценности, политические идеологии. Идет секуляризация общества. С другой стороны, новая компьютерная система радикально трансформирует пространство и время, фундаментальные измерения человеческой жизни.

Местности лишаются своего культурного, исторического, географического значения и реинтегрируются в функциональные сети или образные коллажи, вызывая к жизни пространство потоков, замещающее пространство мест. Время стирается в

новой коммуникационной системе: прошлое, настоящее, будущее можно программировать так, чтобы они взаимодействовали друг с другом в одном и том же сообщении [82].

Материальный фундамент новой культуры – это пространство потоков и вневременное время. Эта культура перекрывает и включает разнообразие передававшихся в истории систем отображения; это культура реальной виртуальности, где выдуманный мир есть выдумка в процессе своего создания. Таков удел действительности современной личности, общества в целом, объективной действительности, обусловливающей практики безопасности жизни человека в обществе.

На наш взгляд, довольно по существу подходы к концептуализации сетевого информационного пространства представлены А.В. Назарчуком [274]. Он отмечает, что теоретические результаты исследований М. Кастельса являются наиболее удачным обобщением инноваций в традиции социологической теории модерна, идущей от Д. Гэлбрейта, Д. Белла, Э. Тоффлера, А. Турена. М. Кастельс удачно совместил исследования макро- и микроуровней, использовал междисциплинарные подходы, реализовал поистине многофакторный анализ, не выходя за пределы понятийного аппарата социолога. А.В. Назарчук считает, что этого достаточно для маркировки новых рубежей, но едва ли является достаточным для обозначения глубины происходящей трансформации, для возвещения эпохи «переоценки ценностей» [там же].

Следом А.В. Назарчук приводит анализ сетевых коммуникаций киберпространства через призму метафоры «ризома». Термин «ризома» означает в ботанике такое строение корневой системы, в которой отсутствует центральный стержневой корень, место которого занимает множество хаотически переплетающихся корешков. В самом широком смысле «ризома» может служить образом мира, в котором отсутствуют централизация, упорядоченность и симметрия. Основной принцип, лежащий в основе устройства ризомы, это «связь и гетерогенность». Согласно ему, каждая точка корневища может быть соединена с любой другой – ризома не имеет исходного пункта развития, она децентрирована и антииерархична. Никакая ее точка не должна иметь преимущество перед другой, равно как не может быть привилегированной связи между двумя отдельными точ-

ками. Ж. Делёз и Ф. Гваттари противопоставляют закрытым и центрированным системам типа машины или организма открытые и децентрированные ризоматические множества, в которых координация операций и синхронизация общего результата достигаются без центрального органа. С этим же свойством связан принцип «незначащего разрыва». Согласно ему, корневище может быть разорвано в любом месте, без ущерба для целого; несмотря на разрыв, оно способно возобновить свой рост либо в старом направлении, либо в новом [58].

Ризома представляет понятие множества, которое не исходит из понятия единства. «Недостаточно сказать: “Да здравствует множественное!” Множественное – его нужно сделать, но не прибавляя каждый раз превосходящее измерение, а наоборот, наиболее простым способом, посредством умеренности на уровне измерений, которыми мы располагаем, всегда n – 1 (только так один составляет часть множественного, будучи всегда вычтенным). Вычитать единственное из создаваемой множественности, всегда писать -1 после n» [там же].

А.В. Назарчук отмечает, что Ж. Делёз и Ф. Гваттари заставляют иначе взглянуть на порядок и строение мира. Мир может быть полицентричен, может расти из каждого отдельного закутка. В нем может не быть системы, не быть единства. И если он таков, то он уже не может быть постигнут в своем единстве, не может быть охвачен привычными – логоцентричными и специализирующими – категориями мышления. Авторам удается показать инаковость сетевого мира, чувство беспомощности перед ним и осознать необходимость переосознания реальности [274].

А.В. Назарчук также выделяет синергетический, системно-функциональный подход в исследовании Сети. Он отмечает, что «синергетика, претендующая на универсальность подхода, способного охватывать как физические, так и общественные явления, исследует процессы самоорганизации систем, формирования структур порядка. Очевидно, что исследование зарождения и эволюции сети, ее характеристик как специфической и чрезвычайно жизнеспособной системной организации должно вызывать здесь интерес. Синергетика формулирует понятие комплексности, без которого невозможно сформулировать другие базовые понятия современной теории сети. Ведущие пред-

ставители этого подхода Хакен и Пригожин сумели пересмотреть классическое понятие каузальности и ввести представление о случайности, непредсказуемости, необратимости физических процессов» [274].

Н. Луман обозначил пришедшее на смену каузальности представление о связанности мира понятием «контингенция», означающим потенции многообразных – причинных, структурных, случайных – предметных и смысловых связей. Понятие контингенции необходимо, чтобы отразить «непрограммируемость» мира, альтернативность бытия. По мнению А.В. Назарчука, Сеть основана на контингентности, способной легко формировать связи, давать им на некоторое время затвердеть, чтобы потом рассыпаться. Он приводит идею И. Пригожина, который отмечал, что существенной характеристикой поведения социальных систем является единство случайности индивидуального поведения и статистической устойчивости коллективных структур. Жизнеспособность сети связана с удачным воплощением этого принципа. Синергетика формулирует понятие динамической стабильности, необходимое для познания сетей [там же].

Сеть – это система, организующая процесс коммуникации. А.В. Назарчук приводит определение сети, данное В.И. Аршиновым: «Одно из определений сети Интернет... можно дать через постулирование глобальной компьютерной сети как синергетической связи коммуникаций, сопряженной с актами познания и создания механизмов когерентности личности смыслообразующих систем» [15]. Синергетическая связь коммуникаций, порождающая и формирующая сеть, – ключевое слово для сетевых исследований. Сам А.В. Назарчук считает, что теория сетей определяет понимание социальности, трактуя социальный контакт как бинарную коммуникацию, коммуникацию между передающей и принимающей сторонами. Тем самым базовые понятия социальной теории коммуникативно операционализируются, то есть интерпретируются в ключе коммуникативных событий. Каждое социальное явление трактуется как совокупность «сообщений», способных транслироваться, накапливаться, виртуализироваться и т. д. Этот атом, к которому может быть сведено все многообразие социальной реальности, можно назвать термином «сообщение», massage. В сетевом об-

ществе все становится «сообщением» или потоком «сообщений»: наполнение личной жизни, политические события, явления культуры и т. д. [274].

Мы разделяем утверждение о том, что понятие коммуникации, «сообщение», определяет новую социальную оптику, позволяет по-новому взглянуть на устоявшиеся понятия социальной науки. Ни статичное понятие института, ни индивидуализированное понятие действия, ни замкнутое понятие класса, ни абстрактное понятие «функциональной системы», используемые классическими подходами, не могут более адекватно описать характер функционирования сетевого общества. «Материя, из которой мысленно концептуализировалось общество в классических теориях, размягчается и разрушается, дает место для новых концептуальных сплавов» (А.В. Назарчук). Такая метафора абсолютно созвучна «текучей современности» (З. Баумана), «ускользающему миру» современности (Э. Гидденса).

С точки зрения теории сетей, атомом общества является не индивид, а «сообщение», из которых складывается жизнь индивидов, социальных групп, институтов. Неважно, кто является носителем сообщений, важно, какого типа сообщения формируют систему коммуникации. А.В. Назарчук отмечает, что коммуникации обусловливают формы социальных образований и легитимизируют субъектов коммуникации в их социальном статусе. Какая бы социальная форма ни возникала в результате коммуникации, она является одним из видов сетей. Благодаря этому она способна перетекать в другие формы и обмениваться с ними. Этот методологический ключ к пониманию современности, заданный Н. Луманом, разделяют все большее количество исследователей.

Характеризуя еще один подход к пониманию Сети, А.В. Назарчук обращается к теории габитуса П. Будье. П. Бурдье не занимался специально проблематикой сетей. Он предлагает архитектуру социального пространства. Мы согласны с А.В. Назарчуком, что именно сетевые коммуникации дают инженерные решения того, что содержится в архитектурном замысле П. Бурдье. Сеть – один из основных способов, посредством которых достигается эффект структурирования социальных влияний в пространстве общества. Способность оказания

влияний и достижения мгновенных реакций акторов на ситуационные изменения социальной среды П. Бурдье называет «социальным полем» [31].

Поле – это среда, позволяющая социальным классам группироваться и перегруппировываться, социальным институтам формироваться и переформировываться. Поле образует единый информационный континуум, в котором информация распространяется столь свободно, что позволяет предвидеть и упреждать ходы игроков и, соответственно, позиционироваться игрокам внутри поля друг относительно друга. Событие в одном месте поля мгновенно меняет ситуацию во всех остальных местах. Обретение места и структуры диспозиций в этих сетевых взаимовлияниях получает у П. Бурдье название «габитуса». Габитус, с точки зрения А.В. Назарчука, – место в сплетении разномерных сетей, которое потенциально может занять каждый. Заняв его, он окажется не только скручен массой ролевых функций и зависимостей, но и обогащен уникальными коммуникационными привилегиями, которые отсутствуют в других габитусах. «Общество – совокупность габитусов, каждый из которых индивидуален, но вместе они определяют структуру социальности, совокупность классов и социальных практик в обществе. Поле – это не сеть взаимосвязанных партнеров, а сеть информационных каналов. В поле находятся и взаимовлияют не партнеры, а конкуренты. Хозяйственный рынок является типичным «полем-сетью» для задач экономического обмена. П. Бурдье обобщает понятие рынков на многие социально очерченные сферы, вводит понятие социального (политического, образовательного) капитала, опосредующего борьбу за доминирование в поле. Социальные поля-сети пронизывают друг друга и разнонаправленно охватывают социальную реальность. Их невозможно контролировать. Но способность их видеть решительно меняет оптику социолога» [274, с. 67].

А.В. Назарчук отмечает, что возможно более плодотворно с понятием сети работают ученые, подходы которых к изучению сети проистекают из представлений математики и логики. Сеть – математическое (геометрическое) понятие. Возможность установить количественные соотношения между сетевыми объектами открывает новое пространство для исследований в со-

циологии, экономике, теории организации. Количественные исследования продвигаются в двух направлениях. Матричный подход операционализирует понятие сети для целей изучения групповых взаимоотношений. Геометрический подход исследует эффект социальных коммуникаций сквозь призму пространственных контактов. Параметризация социальных контактов в виде матриц с целью совершения математических преобразований восходит к представителям американской «школы власти» стратегического менеджмента. А.И. Котелкин, М.М. Мусин указывают, что «организации представляют собой коалиции различных индивидов и групп, объединенных на основе общего интереса... Между членами коалиций существуют устойчивые различия в системах ценностей, верований, уровнях информированности, интересах и восприятии реальности» [92, с. 198].

Предметом исследования являются матрицы влияния, то есть контактов, возникающих во внешней среде и обусловленных как данностями институциональной природы, так и уникальным для организаций соседством с другими игроками на конкретном сегменте экономического пространства. Российские ученые А.И. Котелкин, М.М. Мусин стремятся вывести из этого подхода прикладную методологию изучения «матриц влияния», описывающую многомерную структуру отношений институтов или организаций. Работая на материале экономических взаимоотношений, они ставят целью отразить структурность движений субъектов рынка, «придать точную измеримую форму содержанию тех структур отношений, в которые непосредственно или опосредованно, косвенно – включен каждый индивидуум в экономическом пространстве» [там же, с. 27]. Отношения и операции рассматриваются как коммуникативные процедуры, связанные с местом субъекта в системе отношений. Таким образом, речь идет об изучении математических формул сетей, в которые включены индивиды и институты.

А.В. Назарчук приводит идеи американского ученого Р. Берта, который использует анализ микроструктуры социальных контактов, опираясь на понятие «социограмм», то есть схематизмов, отражающих движение информационных потоков внутри и вне организации. В своей работе «Социальный капитал структурных дыр» Р. Берт демонстрирует множество различных

коммуникационных схем, существование которых необходимым образом связано с наличием коммуникационных размыканий (структурных дыр) и потребностью в их преодолении [412]. Различные сетевые конфигурации дают различный коммуникационный эффект и служат различным целям. Подобные микросоциологические исследования также легко трансформируются в практические выводы теории организаций.

Мы предлагаем подойти к пониманию Сети, в частности Интернету, как системе мобильностей (Дж. Урри). Если представлять морфологию современности как совокупность сетей и потоков, то *современное киберпространство, или Интернет, можно рассматривать как Метасеть, которая является родовым началом такого представления об обществе. Киберпространство, как система мобильностей*, на наш взгляд, *становится основным инструментом в реализации целей и защите интересов.*

Если абстрагироваться от потокового характера современного Интернета, то *киберпространство возможно представить как конгломерацию магистралей и маршрутов. Маршруты определяют различные узлы циркуляции потоков. Эти узлы, в свою очередь, определяются сетевым социальным капиталом, которым обладают акторы. В нашем исследовании социальный капитал в сети является и капиталом мобильности.*

Мы рассматриваем современный сетевой мир через призму парадигмы мобильностей Дж. Урри [166]. Ученый указывает на то, что многие соединения с людьми и социальными группами не основаны на пространственной близости. Существуют многочисленные формы «воображаемого присутствия», которые возможны благодаря путешествиям объектов, людей, информации и изображений, переносящих соединения в другие социальные пространства. Социальная жизнь представляет собой постоянный процесс перехода от бытия рядом с другими к бытию на расстоянии. Даже в отсутствие человека возможно его воображаемое присутствие, зависящее от множественных соединений между людьми и местами. Вся социальная жизнь, работа, семья, образование, политика предполагают отношения периодического присутствия и разные режимы отсутствия, частично зависящие от многочисленных технологий путешествия и коммуника-

ций, которые переносят объекты, людей, идеи и образы на расстояние. Таким образом, присутствие становится прерывистым и достигается всегда в зависимости от других процессов соединения и коммуникации. *Всем обществам приходится иметь дело с расстоянием, но это происходит через различные наборы взаимозависимых процессов, которые включают и различные дискурсы движения* [166, с. 134–135].

Как мы уже отмечали во второй главе, эти процессы основываются на пяти взаимозависимых «мобильностях», которые организуют социальную жизнь на расстоянии и формируют (реформируют) ее контуры. Важно учитывать взаимосвязи различных видов мобильностей, равно как и дискурсы, принятые в обществе, которые отдают предпочтение одной или другой мобильности.

Обратим внимание на замечание Дж. Урри о том, что «ни точки слабых связей и дальних знакомств, основанных на периодически телесных перемещениях, соединяют людей с внешним миром, обеспечивая еще один мост, в дополнение к тесно переплетенным клубкам близких друзей и семьи. Эти экстенсивные слабые связи творят социальные сети, которые поддерживаются через периодические сети и коммуникации. Подобные сети все больше распространяются по миру и, следовательно, в своем воспроизводстве все сильнее зависят от множественных мобильностей» [там же, с. 136].

Уже отмечалось, что особенностями практик (и/или практиками) обеспечения информационной безопасности являются практики мобильностей. *В нашем исследовании мы расширяем список возможных видов мобильностей за счет фиксации роста разнообразия форм виртуальной, социально-рефлексивной подвижности.* Следом, через призму рассмотренных ранее характеристик современных социальных практик и, в частности, практик мобильностей как общих практик информационной безопасности (вторая глава), обратимся к осмыслению Сети (как совокупности сетевых практик) как к системе мобильностей.

О маршрутах, определяющих скорость и масштаб мобильности в социальном сетевом капитале

Системы мобильностей, с частности система мобильностей Интернета, организуются вокруг процессов, которые заставляют вращаться людей, объекты и информацию на разной скорости и с разным размахом. Дж. Урри отмечает, что в любом обществе существует тенденция доминирования какого-то одного процесса циркуляции. Решающими здесь являются не объекты, вовлеченные в движения (такие как транспортные средства или телефоны или компьютеры), а *структурированные маршруты*, по которым циркулируют и люди, и объекты, и информация. Такие маршруты в обществе включают сеть пешеходных дорожек, тропинок, дорог, телефонных линий, шоссе, связанных в сеть компьютеров и узловых аэропортов. Именно *маршруты определяют различные узлы циркуляции и различные формы капитала мобильности* [166, с. 143].

Маршруты в киберпространстве, соответственно, *определяют различные сетевые узлы циркуляции и различные формы сетевого капитала мобильности. Сетевым узлом циркуляции в Интернете* можно считать форум, социальную сеть в целом, сообщество блогосферы и другие ресурсы. С*етевой капитал – это ресурс в реализации интересов субъекта. Его же мы называем капиталом мобильности.* Может ли социальный сетевой капитал рассматриваться как ресурс в обеспечении информационной безопасности? Конечно, да. Групповые сетевые взаимодействия являются оптимальным источником необходимых ресурсов для защиты и реализации интересов.

Сеть – это надежный источник других ресурсов. Социальные взаимоотношения сами по себе открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы. Качество социального капитала определяется качеством этих ресурсов. П. Будье определял социальный капитал как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институциализированные отношения взаимных обязательств или признаний» [411, p. 248]. Такое видение социального капитала инструментально и сосредоточено на пользе, которую индивиды накапливают, постоянно участвуя

в группах с целью создания некоторого ресурса. «Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности» [411, p. 249].

Различают социальный и человеческий капитал. Разницу между человеческим и социальным капиталами можно представить на графе, узлы которого – это люди, обладающие человеческим (и потенциальным социальным) капиталом, а связи между ними и есть реализация социального капитала. Социальный и человеческий капиталы часто комплементарны. Социальный капитал – это ресурсы, которые могут быть использованы акторами для реализации их интересов (Г.В. Градосельская). Концепция социального капитала позволяет подсчитать результаты на уровне индивидуальных акторов и одновременно осуществить микро- и макропереходы без усложнения и детализации структур. Некоторые ученые пытаются детально изучить организационные ресурсы, выявить элементы, которые являются критическими для их использования, и исследовать их перераспределение в каждом отдельном случае. Концепции социального капитала позволяют показать, как организационные ресурсы комбинируются с другими ресурсами на разных уровнях обобщения и в разных системах поведения и к каким результатам это приводит. Социальный капитал включает такие составляющие, как финансовый, физический и человеческий капиталы [52].

Дж. Коулмен характеризует социальный капитал как «различные сущности, которые похожи в двух аспектах: они все состоят из нескольких элементов социальной структуры и их содействие определенным действиям акторов – как индивидуальных, так и корпоративных – осуществляется и пределах структуры» [416, p. 302]. Г.В. Градосельская отмечает, что это расплывчатое определение открывает путь для различных и даже противоречивых толкований социального капитала. Дж. Коулмен продуцирует новые термины для описания механизмов производства социального капитала (таких, как взаимное ожидание и групповое усиление норм); видов владения социальным капиталом (таких, как привилегированный доступ к информации) и социальных организаций, обеспечивающих источник и эффект материализации социального капитала. Г.В. Градосельская считает, что значение работы Коулмена заключается еще и

в том, что он, в отличие от других авторов, явно выделяет информационный ресурс. Информационный потенциал – важнейшее проявление социального капитала, который активизируется через социальные отношения в форме особого ресурса. Информация важна как базис действий [52].

Г.В. Градосельская делает интересное наблюдение, выделяя капитал высокой сетевой плотности и капитал, относительно свободный от связей. Она отмечает, что в то время, как Дж. Коулмен и Г. Лори акцентируют внимание на сетевой плотности социального капитала, Берт выделяет противоположное свойство. В его понимании, социальный капитал – это относительная свобода от связей, обозначенная как «структурные дыры» (structural holes), что делает возможной индивидуальную мобильность. Это происходит потому, что плотные сети будут переправлять избыточную информацию, в то время как более слабые связи могут служить источниками новых знаний и ресурсов [там же].

Представляется, что *сетевые практики обеспечения информационной безопасности также реализуются в условиях «плотных сетей», в том числе для решения проблемы избыточной информации и устаревшей информации, а также в условиях «сетей слабых связей», для решения несколько иных задач – ориентации в информационном пространстве на предмет поиска источников новых ресурсов.*

Итак, мы привели основные подходы к концептуализации сетевого информационного пространства, предложив в том числе видение киберпространства как системы мобильностей, состоящей из циркулирующих в различных режимах потоков, маршрутов и сетевых социальных капиталов, позволяющих реализовывать и защищать интересы различным акторам.

3.2. Киберпространство как новая структура накопления и ускорения варьирования (девиации) коммуникации

Следом мы предлагаем свой второй подход к анализу киберпространства. Рассмотрим Интернет как новую структуру накопления и ускорения варьирования (девиации/инновации) коммуникации.

Вернемся к утверждениям, которые сделаны нами ранее в первой главе. Безопасность общества как социальной системы может рассматриваться через анализ и сопоставление понятий «социальный порядок» и «девиантное поведение». Тем самым, безопасность мы определяем как свойство социального порядка сохранять и развивать самое себя в условиях девиантного поведения социальных акторов. Порядок, как система социальных ограничений, всякий раз затрудняет реализацию интересов различных субъектов, но одновременно является основанием их «онтологической безопасности» (Э. Гидденс). Нарушение социальной нормы ведет к подрыву порядка, но одновременно может являться источником его изменения, развития. В современном обществе, где приоритетной ценностью провозглашаются права и свободы личности, растет многообразие интересов различных субъектов. Нарушение нормы становится потенциально тотальным, утверждать об устойчивости и упорядоченности социальных отношений отныне проблематично. В таких условиях размывается основание определенности социальной жизни субъекта (личности, общества, государства). Возрастает необходимость в обеспечении социальной безопасности. Соответственно, еще более значимой становится роль государства как гаранта безопасности в жизни личности и общества.

Куда приведет увеличивающийся разрыв между растущим многообразием социальных интересов различных субъектов, в том числе выраженных в девиациях, и нормативно-правовой упорядоченностью социальной действительности? Как социальная система общества сохраняет свою упорядоченность в условиях нарастания девиации? Н. Луман объясняет социальную эволюцию как процесс возрастающей дифференциации комму-

никации (социальных практик) с последующей рестабилизацией социальных форм жизни. Рост вариативности коммуникации (девиации) служит условием развития социального порядка, но, с другой стороны, составляет основную угрозу распада социальной системы. Н. Луман считает, что система общества до сих пор вырабатывала «формулу спасения», которая заключается в создании дополнительных структур ускорения и накопления девиаций, но всякий очередной раз с возрастанием скорости и многообразия коммуникации/девиации опасность распада системы общества (контингенции) приближается.

Утверждения Н. Лумана о принципах организации и динамики изменения социального порядка звучат так: варьирование (девиация) порождает дифференциацию (отклонение от того, что было обычным прежде). Эта дифференциация требует селекции – выбора в пользу или против инновации. Селекция, если она выбирает новое, в свою очередь, с необходимостью запускает каскады приспособительных или ограничительных движений в системе; если же она выбирает сохранение старого, то требуются подтверждения этой опции, поскольку прежде то, что понятно, стало контингентным (неизвестным, неопределенным). В процессе варьирования изменяются элементы системы – коммуникации. «Элементы системы воспроизводят отклоняющиеся элементы (коммуникации). Селекция имеет дело со структурами системы – с направляющими коммуникацию ожиданиями. Руководствуясь отклоняющейся коммуникацией, селекция отбирает такие смысловые отнесения, которые обещают оказаться ценными для выстраивания структур, подходят для их повторного применения и могут оказывать воздействие на процессы образования ожиданий и конденсаций (смысла). Приписывая такие девиантности условиям ситуации, предавая их забвению или даже в явной форме их отклоняя – селекция отбрасывает именно те нововведения, которые представляются непригодными в качестве структур, а значит – в качестве направляющих линий коммуникаций. Рестабилизация характеризует состояние эволюционирующей системы после некоторой успешной – позитивной или негативной – селекции. В ходе дальнейшей эволюции общества функция рестабилизации все больше смещается в ведение подсистем общества, которые

должны утвердиться во внутриобщественном внешнем мире» [103, с. 52–53].

Как мы уже отмечали, «чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится потребность в Неотрицаемом» [103, с. 66]. Н. Луман пишет об опасном движении в сторону новых случайных эффектов накопления и ускорения варьирования (девиации). Он ставит проблему «формулы спасения» для системы общества. Теоретик убежден, что эволюция была и остается непредсказуемой. И память здесь ничего не может изменить. «Она способна лишь различными формами на нее настраиваться, а именно – согласуясь с коэффициентами ирритации и ускорения, которые проистекают из эволюции. Уже непостижимая онтологически, сама себя в самой себе локализующаяся культура, видимо, и есть та форма, которая изобрела и усвоила память общества ради приспособления конструкций истории и перспектив будущего общества к тем условиям, которые могут проистекать из перехода к первично-функционально-ориентированной дифференциации и из угрожающего коллапса различения стабильности и вариативности» [там же, с. 209]. Становится понятным, почему Н. Луман судит о состоянии общества, исходя из таких переменных, как «плотность коммуникаций» или «частота» или «спецификация информационных импульсов». При этом важно, с его точки зрения, учитывать циркулярный характер усиления девиантности [там же, с. 30].

В условиях все большей комплексности социальной системы должны иметься дополнительные структуры накопления и ускорения варьирования коммуникации. Н. Луман считает, что в общественной эволюции это осуществляется двояким способом: благодаря такому средству распространения коммуникации, как письменность, и с помощью усиления потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам в обществе. Усиление потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам происходит благодаря отказу от экстернализации (превращения внутренних, скрытых, во внешние, явные) всех конфликтов, как это было характерно для сегментарных примитивных обществ.

Письменность как коммуникация привносит в общество двойной эффект. Коммуникация может оказывать воздействие

на больших пространственных и временных дистанциях и высвобождается из-под давления интеракции. Она получает большую свободу как в производстве (написании), так и восприятии (прочтении). Такое большее распространение создает возможность одним изменениям производить необозримое множество следующих изменений. Растет ненаблюдаемость воздействий, что вызывает к появлению новые институции. Высвобожденные из-под влияния интеракции письменные коммуникации теперь не нуждаются в том, чтобы учитывать мнения присутствующих людей, однако они должны как-то заменить те опоры для понимания, которые прежде состояли в единообразии ситуации. Теперь коммуникация вынуждена эксплицировать себя более отчетливо и исходя исключительно из текста. Это потребовало вербальных форм нового типа, и прежде всего формирования понятий с необозримыми вытекающими последствиями. Н. Луман приводит пример такого изменения: «Пока бог обозначался всего лишь именем, знать которое нужно было, чтобы мочь к нему обращаться, эта проблема решалась благодаря утаиванию имени. Как только появилось понятие бога, получавшее письменную фиксацию, оно приобрело способность конденсировать опыт, требовать уточнений, требовать рассмотрения проблемы его непротиворечивости – короче говоря, вызывало все то, что стало потом заботой средневековой теологии» [103, с. 63–64].

Развитие в обществе способности порождать внутриобщественные конфликты и толерантно к ним относиться, с точки зрения Н. Лумана, составляет второе фундаментальное условие для поддержания и усиления девиации. Конфликт тестирует потенциал отклонения. Он приводит к всесторонней интеграции поведения участников, к непрерывному наблюдению наблюдения и тем самым – к интенсивному информационному обмену. Если результат конфликта получает значение «нет», уже можно исходить из того, что конфликт выдержал первое испытание и доказал свою способность утверждаться в коммуникации. И все же конфликты легко выходят из-под контроля и оказывают возмущающее воздействие на внутриобщественный внешний мир. В более ранних обществах насильственные действия среди присутствующих лиц осуществлялись гораздо чаще, чем ныне, и, соответственно, имело место чрезвычайно обременительное по-

давление, отклоняющее конфликты. Это должно оказывать обратное воздействие на готовность произнести «нет»; ведь если кто-то рискует произвести отклонение, после того как другие уже определились в коммуникации, в коммуникацию входит конфликт. Поэтому в небольших обществах, структура которых еще близка к системам интеракции, подавление конфликтов является жизненно важным. С ростом населения и возрастанием сложности (сложностности) это условие становится все менее жестким [103, с. 64]. Обратим внимание, что такое положение дел характеризует общество, продуцирующее для коммуникаций сложные условия, которые делают возможным достижение большего числа конфликтов и большего мира одновременно. В целом, эти условия развиваются ввиду трех факторов:

По мере развития политического господства, способного утвердить свой собственный тип коммуникации, возникает возможность усиливать отклонение коммуникативных предложений того или иного смысла и одновременно снимать с себя бремя вытекающих из этого отклонения возможных конфликтов. Появляется легитимная сила для подавления нелегитимного насилия. Тот, кто распоряжается ресурсами, может сказать «нет», уклоняясь от ожидаемых от него оказания помощи и материальной поддержки, и при этом может не опасаться конфликтов. Он может концентрировать свои ресурсы. Рестабилизация этого достижения происходит благодаря стратификации общественной системы [там же, с. 65].

Второй фактор заключается в появлении права. Теперь в обществе допускаются конфликты, но одновременно они притупляются благодаря тому, что исход спора определяется социальным регулированием или влиянием третьей стороны. Здесь должны соотнестись процедуры умиротворения спора и, в конечном счете, процесс ориентированного на правила разрешения спора. Н. Луман отмечает, что это производит семантика, осознающаяся как «право». Он приводит пример, когда богач в любом случае имел возможность вступить в противоречие с предложенным ему любым коммуникативным предложением. Теперь же и бедняк может этим воспользоваться – если, конечно, он прав [там же, с. 65–66].

Третий фактор характеризует «высокосложностное общество». Он заключается в дифференциации причин конфликтов и тем конфликтов. Н. Луман отмечает, что унаследованные от марксизма дотошные искания «подлинных» причин конфликта затемняют то, что именно в этой дифференциации причин и тем и состоит эволюционное достижение, поскольку сама система оказывается достаточно большой, чтобы выносить такого рода конфликты (экстернализировать). С расширением возможностей девиации/варьирования происходят особые трансформации семантики. Чем больше допущено возможностей отклонения, тем более важной становится потребность в Неотрицаемом. Религия, если она берет на вооружение достижения теологии, как раз и способствует совершению этого опасного движения. Действительность, которая раньше воспринималась «просто-напросто как то, что не может отрицаться», оказывается творением, всего лишь «видимостью», всего лишь коррелятом сознания. Сегодня же она – как утверждается ныне – всего лишь «конструкция». [103, с. 66–67].

Н. Луман отмечает, что все, что мы можем наблюдать, состоит в ином виде реакции, а именно – в усилении дифференциации варьирования, селекции и рестабилизации, цикличность которых при радикальных структурных переломах далеко не случайна (таких как распространение легко усвояемой письменности или форм дифференциации общества). Теперь процесс эволюции селекцию и ре-стабилизацию противопоставляет варьированию как самостоятельные процессы и тем самым создает более высокую степень свободы в преодолении непонятых или не совсем правильно интерпретированных проблем [там же, с. 69].

Когда традиционные общества сталкивались с давлением увеличивающегося числа возможных девиаций/вариаций, можно было все еще исходить из необходимости для селекции ориентироваться на Единое, Истинное, Благое. И хотя средства достижения этого «единого космоса» могли оказаться ненадежными, цели не могли подвергаться сомнению. Доверие к единственно верной селекции, в конечном счете определяющей Совершенство, Покой и Стабильность, получала в стратификации и дифференциации на центр/периферию системы общества тайные дополнительные опоры, необходимость которых, по мнению Н. Лумана, сегодня отпадает. «Отныне Новое начинает це-

ниться как таковое, а понятию “критика” придают смысл отклонения критикуемого, при этом “альтернативы” понимаются уже не как чистые опции, а как варианты, которые – и без более тщательной проверки – представляются более предпочтительными, чем нечто наличествующее» [103, с. 69].

Возникает семантическая гипертрофия варьирования коммуникации. Теперь общество ориентируется на новые способы селекции, которые в перспективе уже не предполагают безоговорочной стабильности. Общество дифференцирует между селекцией и стабилизацией – только потому, что давление со стороны инновации (девиации) усиливается и поэтому должно перерабатываться быстрее (курсив автора. – *Т. В.*) [там же].

Селекция и варьирование – разделение данных эволюционных функций обеспечивается уже благодаря тому, что они соотносятся с различными компонентами системы общества: вариация соотнесена с элементами, то есть с отдельными коммуникациями, а селекция, напротив, – со структурами, то есть с образованием и приложением процесса ожиданий.

Н. Луман задается вопросом, какие механизмы заботятся о том, чтобы общество заблаговременно настраивалось на одну или другую возможность селекции [там же, с. 79]. В чем состоят способы укрепления средств селекции? Наравне с религией появляются другие способы гетерогенного, но функционально-эквивалентного укрепления средств селекции. Оно состоит в развитии функционально-специфических, символически генерализированных средств коммуникации (теория генерализированных средств коммуникаций Н. Лумана известна в современной социологической литературе). Селекция, осуществляемая генерализированными средствами коммуникации (власть, деньги, наука и др.), проверяет: можно ли сослаться на истины при осуществлении какого-либо действия и вытекающих из него перспектив; возможно ли профинансировать данную инновацию и достаточно ли власти для ее внедрения вопреки сопротивлению. Если коммуникация – при наличии данных структур – актуализирует отклоняющуюся вариацию, то последняя может уплотняться (или не уплотняться) в новую структуру.

Как уже отмечалось, семантическую гипертрофию варьирования коммуникаций концептуализируют различные теории

постмодерна. Ж. Бодрийяр анализирует этот феномен от симуляции (подделки и производства) вещей до симуляции ценностей в виде абстрактных сущностей, циркулирующих в обществе. Симулякр – знак или неполная актуализация тех или иных явлений эмпирической реальности. Снятие ограничений и законов, присущих этим явлениям, способно изменять их облик и ход сколько угодно разительно и глубоко, симулируя эти явления и, тем самым, позволяя легко усваивать их смысловой системе в виде набора знаков. Поэтому виртуальные практики, осуществляемые посредством «неполной актуализации эмпирической реальности», или симулякров, на вид представляются человеку не менее подлинной и радикальной альтернативой обычному, обыденному порядку существования. Коммуникаций становится слишком много для человекоразмерной темпоральности. Своими потоками они привносят в действительность индивида и общества хаос и дезориентацию. С другой стороны, проблема семантической гипертрофии лежит в предметном поле теорий «общества риска» (У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, С. Лэш и др.).

«Опасное движение» (Н. Луман) в сторону семантической гипертрофии варьирования продолжается. Объемы накопления и скорость варьирования неуклонно растут. Структуры (ограничения возможного) порядка все более уступают девиации/варьированию.

3.3. Сетевые коммуникации как потенциальная локализация аномии. Национальная и государственная безопасность в соотношении общего и частного

Социальная система общества вырабатывает новое, всеобъемлющее средство накопления и ускорения девиации, очередную «формулу спасения» социальной упорядоченности. Считаем, что *рост сетевого коммуникативного пространства дает принципиально новую возможность для реализации потребности в Неотрицаемом.* Сеть составляет новую «формулу спасения» социального порядка. Иначе свою мысль мы бы выразили так: сетевые коммуникации воплощают Неотрицаемое и

в этом смысле спасают упорядоченность общества, локализуя аномию в виртуальном сетевом пространстве. Тем самым система общества пока еще обеспечивает безопасность самое себя.

Сетевое киберпространство, в итоге, *является и средством накопления и ускорения девиации/инновации, и макросистемой мобильностей.* Тем самым, мы попытались организовать некоторую *концептуализацию киберпространства в двух ипостасях: и как ведущее средство в обеспечении информационной безопасности субъекта, и как источник угроз информационной безопасности.*

Разрегулированность социальных коммуникаций ведет к разладу социальной системы общества в целом. Все чаще исследователи коммуникации обращаются к понятию аномии, фиксируя кризисное состояние различных фрагментов общества. В зависимости от площади социальных пространств, охваченных деструктивными процессами, аномия может быть либо очаговой, либо тотальной.

В.А. Бачинин отмечает [19], что очаговая аномия, в отличие от тотальной, составляет неотъемлемую принадлежность любой общественной системы на протяжении всей истории ее существования. Очаги беспорядка необходимы системе для поддержания ее же собственной безопасности, что объясняется тем, что тотальная однородность и абсолютная упорядоченность способны сделать систему хрупкой, понизить ее структурную сопротивляемость перед внешними деструктивными воздействиями. Наличие же очагов аномии с характерными для них множествами разнообразных девиаций образуют достаточно широкое пространство несанкционированной свободы для самореализации субъектов. Такие очаги коммуникативного пространства оказываются теми местами, где могут возникать нестандартные модели поведения, обнаруживаться находки и заявлять о себе социальные инновации. Н. Луман этот же процесс реализации несанкционированной свободы усматривает в формировании структур накопления и ускорения девиации.

Как уже отмечалось, основным условием безопасности общества является устойчивость социального порядка на фоне нарастания интенсивности девиации/инновации. Считаем, что с развитием «семантической гипертрофии варьирования» (Н. Лу-

ман) коммуникаций в системе общества продолжает расширяться новый очаг аномии, имеющий свои универсальные характеристики. Киберпространство имеет уникальное свойство – безгранично реализовывать потребность в Неотрицаемом. В сетевом виртуальном пространстве информационные потоки создают структуры. Всякий раз для коммуникации возникают новые условия ограничения в области допускающих подсоединение коммуникаций. Но говорить о стабильности потоковых структур не приходится. В условиях виртуального сетевого пространства структуры, с одной стороны, ограничивают сферу возможного, с другой – всякий раз, меняясь и умножаясь, открывают и приумножают эту сферу. Сетевая коммуникация, не только сама по себе (ее внечувственность, доступность, интерактивность), но рост ее интенсивности (вариативности и скорости) реализует Неотрицаемое. В большей мере девиация располагается отныне в виртуальном сетевом пространстве, или в пространстве потоков. Там же формируются новые, информационные угрозы общества.

Поскольку *киберпространство* (Интернет) позволяет «локализовывать» и одновременно накапливать и ускорять девиации/инновации (новые социальные практики), тем самым оно *является мощным новым фактором инновационного развития общества.*

С другой стороны, *о современном киберпространстве можно судить как о новом очаге аномии. Общество сохраняет целостность и упорядоченность, выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации).*

Считаем, что сеть Интернета как структура накопления и ускорения девиации/инновации, в ближайшее время сохраняет баланс безопасности интересов «частного» и «общего». *Система общества сохраняет целостность, общность (государственность, национальное единство), относительную устойчивость основных социальных институтов, выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации), реализующей интересы частного (отдельных социальных групп, социальных организаций, субкультур,*

отдельных индивидов). Тем самым разрешается противоречие, которое заключается в разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта (личности, общества, государства) и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. «Рост частоты информационных импульсов» (Н. Луман), выраженный в усилении девиантности, является, по сути, оборотной стороной колонизации «частного» «общественным» (З. Бауман). Эта «колонизация», в большей мере, происходит в Сети, позволяя, тем самым, сохранять статус «общественного» в актуальной действительности общества.

В «Стратегии национальной безопасности России до 2020 года» (п. 6) национальная безопасность определяется как состояние защищенности интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства [6]. Анализ конструкции определения национальной безопасности позволяет судить о том, что *национальная безопасность включает как защищенность интересов частного, так и защищенность интересов общего*. Суть определения национальной безопасности указывает на необходимость поиска баланса интересов субъектов при отстаивании «коренных национальных интересов».

На наш взгляд, вопрос поиска защищенности баланса интересов частного (личности, социальной группы) и целого (нации, государства) составляет существенный аспект проблемы концепта национальной безопасности страны. *Здесь основным элементом нашего методологического ключа служит утверждение о возрастании девиации/инновации как существа проблемы защищенности интересов частного (личности, социальной группы) и целого (нации, государства). Сегодня стабильность уступает вариативности. На смену структуре приходит реструктуризация (Э. Гидденс). Это составляет мощный вызов удержанию целостности социального.* Речь идет о проблемах сохранения и защиты таких фундаментальных составляющих культуры, как национальный язык, история народа, его

система ценностей, традиции, архитектоника места проживания и др. – то, что задает и культивирует идентификацию отдельной личности, отдельного сообщества. *Девиация/инновация в виде информационных потоков размывает фундамент жизни и культуры народа*. Что есть сегодня государство? Это «бастион» по защите целостности, пожалуй, последний и главный институт общества. Даже уже не семья, даже уже не религия.

В контексте сказанного, *национальная безопасность выступает как совокупность практик по защите и интересов частного, и интересов целого; это и защита права на девиацию/инновацию, и защита нормы, закона как ограничения коммуникации/практики, гаранта безопасности целостности и упорядоченности, стабильности. Государственная безопасность предполагает иное – прежде защита целостности и порядка. В этом смысле, система государственной безопасности по природе своей противостоит девиации/инновации как вариативности коммуникации (вариативности социальных практик), нарушающей порядок.*

Если говорить о возрастании вариативности коммуникации как о росте частоты информационного взаимодействия, или росте интенсивности информационных потоков, то *государственная безопасность – обеспечение информационной безопасности целого (социума в целом) и в связи с этим, в большей мере, защита от информации (девиации/инновации), разрушающей устойчивость и системность социального организма.* Недаром для нормативных государственных документов характерен подход к пониманию информационной безопасности как защиты информации (технический аспект) и защиты от информации (психологический аспект). В контексте сказанного, *национальная безопасность – это обеспечение безопасности роста вариативности и виртуализации социальных практик (право личности на информацию) при защите целого* [43].

3.4. Сетевые практики обеспечения информационной безопасности

Сетевые практики обеспечения информационной безопасности имеют ряд особенностей, которые задаются характером социальных практик в киберпространстве и сетевой, потоковой организацией виртуального социального пространства Интернета.

В целом, рассматривая основные подходы к анализу сетевого коммуникативного пространства, мы можем утверждать, что *сетевые практики обеспечения информационной безопасности определяются функциональным значением, а не местом, в котором находятся акторы. Места (территории) теперь определяются производными функциональных узлов сети.* На наш взгляд, эта особенность лежит в основаниях существа практик обеспечения информационной безопасности.

Остановимся на особенностях нормированности сетевых практик в контексте проблемы информационной безопасности.

Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова верно отмечают, что основополагающим качеством киберпространства является зависимость его формальных характеристик от представлений и склонностей его создателей (их знания и умения, профессиональные навыки и привычки, уровень интеллектуального развития, этические взгляды и эстетические потребности, формы и способы взаимного общения в рамках сообщества профессионалов-кибернетчиков и за его пределами). При этом оно имеет совершенно особые качества: беспространственность (существование *нигде*) и прекращение действия физических законов [94].

Многие исследователи считают, что сеть Интернет на сегодня имеет практически статус полноценной субкультуры. Л.О. Пережогин, например, указывает на все необходимые признаки, позволяющие констатировать формирование полноценной самостоятельной Интернет-культуры: собственный сленг, внутренняя иерархия, набор устоявшихся идей, составляющих мировоззренческую позицию членов субкультуры, определенные этические нормы, достаточное количество формальных и неформальных лидеров, формирующих вокруг себя устойчивые сообщества пользователей и осуществляющих в них идейное

предводительство. Как всякая субкультура, Интернет объединяет большие группы населения, формирует круг интересов и общения, стимулирует развитие межличностных отношений и имеет свои положительные и отрицательные факторы влияния на индивидуальную сферу психологической деятельности своих членов [407].

На наш взгляд, утверждение о киберпространстве как о сложившейся субкультуре имеет под собой основание, если мы говорим о жизнедеятельности локальных, персональных сетей социального характера или микросетей. Подобного рода сети выстраиваются пользователями, в том числе для реализации и защиты своих интересов. Можно сказать, что *формирование персональных микросетей является общей особенностью сетевых практик обеспечения информационной безопасности и, соответственно, универсальным способом воздействия на функциональные макросети*. В некотором смысле, *персональные микросети можно рассматривать как «плотные сети» капитала мобильности, а функциональные макросети – сети слабых связей, также составляющие капитал мобильности актора. Напомним, что эти два типа сетевых ресурсов выполняют различные функции в обеспечении информационной безопасности*. В настоящем исследовании сделаем предположение о том, что *в условиях «плотных сетей» практики обеспечения информационной безопасности реализуются в том числе для решения проблемы избыточной и устаревшей информации. В условиях «сетей слабых связей» практики информационной безопасности решают иные задачи – ориентации в информационном пространстве на предмет поиска источников новых ресурсов.*

В поисках особенностей практик обеспечения информационной безопасности важно обратить внимание на то, что в киберпространстве происходит дестабилизация социального нормативного регулирования. Идет откат к многофакторному регулированию (Г.В. Мальцев) нормы. Все чаще регулятором отношений становится не норма, а ценность (С. Лэш).

Г.В. Мальцев отмечает, что существует первичное и вторичное регулирование взаимодействий в обществе. Между социальными ограничениями различных уровней, так же как между регуляторами различных уровней, существуют своего рода

ранговые отношения. Над потребностями, интересами возвышается универсальный регулятор и социальный ограничитель – социальная норма, которая может их контролировать, смягчать, «приглаживать», признавать или не признавать. Высший социальный контроль воплощается в социальном нормативном регулировании [108, с. 16–17].

Норма интегрирует социальные регуляторы, придает индивидуальным и групповым интересам, разнообразным целям недостающий им элемент всеобщности. Личный интерес человека, который признан и опосредован нормой, становится всеобщим. Носитель этого интереса может рассчитывать на его беспрепятственную реализацию, пока соответствующая норма является действительной. Норма есть наиболее совершенный инструмент регулирования, она представляет высшую организацию социального контроля. Норма появляется там, где все другие регуляторы – интересы, цели, ценности и т. д. – действуют ненадежно или вообще не могут работать. Г.В. Мальцев утверждает, что социальная норма лежит в основании соционормативного регулирования – самого надежного уровня регулирования общественных отношений, который следует после многофакторного и психического уровня регуляции поведения. Множественность и непосредственный характер таких регуляторов, как потребности, интересы, цели, взятые не в абстрактной форме понятия, а как реальные, присущие субъекту мотивации его поведения, приводят к тому, что основная, «черновая» регулятивная работа осуществляется на многофакторном уровне. Бывает, что норма появляется позже, часто приходит на «готовое», выступая в контролирующей и охранительной роли по отношению к тому, что уже создано посредством интересов и ценностей.

Нормативное регулирование опирается на регуляцию многофакторную, оно не может без нее обойтись, вынуждено воспринимать и продолжать выработанные в ней тенденции, идти тем же курсом. Однако в нормативном регулировании не было бы нужды, если бы оно являлось всего лишь санкционированием того поведения, которое диктуется потребностями, интересами и ценностями. Такие виды нормативного регулирования, как правовое, моральное и религиозное, обладают высокой способностью сопротивляться «диктатуре интересов и ценно-

стей». Это особенно важно, когда интересы чрезмерно субъектизированы, а ценности слишком идеализированы [108, с. 21].

Регулирующим фактором может выступать любое существенное обстоятельство (интересы, цели, мотивы, взгляды, традиции и т. д.), от которого зависит развитие социального процесса. Такие факторы, постоянно или временно выступающие в качестве социальных регуляторов, как правило, весьма подвижны, образуют в совокупности огромную динамическую массу, которую не удается рационально организовывать. Первичная факторная регуляция – это «поле побудительных сил», в рамках которого отдельные процессы и структуры часто движутся при наличии «силовых равнодействий» в сторону, не предусмотренную идейными предначертаниями и общественными программами. Г.В. Мальцев указывает, что современное общество переживает ослабление вторичного регулирования – нормативного и рост многофакторного. Он отмечает, что большинство факторов, выполняющих функции социальных регуляторов, находятся в ведении человеческого сознания, могут направляться и контролироваться им, но они не всегда стабильны, постоянны, находятся перманентно в стадии формирования и трансформации, распадаются и исчезают, претерпевают функциональные изменения, оказывают побочные нежелательные воздействия на общество. В области многофакторного регулирования человеческое сознание не может долго и надежно удерживать преобладающие позиции [108, с. 18].

Дальнейшее усложнение взаимодействий и рост их интенсивности в условиях киберпространства ведет также к формированию видимого упрощения нормы. «Откат» к многофакторному регулировании и упрощение социальной нормы способствуют развитию многоканальности и высокой плотности логистических путей, по которым осуществляются сетевые практики. *Практики безопасности в сети обусловлены матричной природой сетевого пространства, или свойством клонируемости ячеек сети, что позволяет охватывать трансформации крупных массивов объектов.* С другой стороны, *каждая ячейка сети способна не только клонировать матричную ячейку, но и реализовывать индивидуальное начало, что обусловливает возможность высокой вариативности практик безопасности.*

Говорить о появлении новых норм-ограничений в контексте понимания эволюции как «роста потребности в Неотрицаемом», на первый взгляд, абсурдно. Тем не менее сделаем предположение о том, что сетевое коммуникативное пространство вырабатывает свою упорядоченность, представленную новой системой социальных ограничений коммуникаций/практик. Интересы субъектов остаются, развиваются и умножаются, а значит, как всегда, необходима норма как гарант безопасного взаимодействия, которая, в свою очередь, развивается, умножается. Такому состоянию свойственна немалая степень спонтанности, случайности, неорганизованности социального взаимодействия.

На наш взгляд, метафорой новой упорядоченности социального киберпространства является *неорганизованность порядка, но организованность интеракций ввиду многофакторности регуляции коммуникаций.* Эту неорганизованность порядка можно «увидеть» через концепт «нелинейного глоболокального социума» (С.А. Кравченко) [89].

С.А. Кравченко отмечает, что в настоящее время активно формируется новая нелинейная глоболокальная социальная реальность. Мир на глобальном и локальном уровнях сталкивается с усложняющейся социокультурной динамикой общества, невиданными ранее бифуркациями. В условиях глобализации конкретные культуры, подвергаясь изменениям, начинают не только активно противодействовать, но и рефлексировать, стремясь поддерживать свою идентичность. Со своей стороны, местные, культурные особенности, представленные в том числе в персональных, локальных сетях, влияют на характер рефлексии самой глобализации, того социума, который продуцирует глобальные виртуальные сети.

Новые социокультурные реалии несут неопределенность и риски. Отныне приходится жить без устойчивых ориентиров, долгоживущих факторов порядка, общепризнанных авторитетов. Растет осведомленность, что новые культурные реалии перестают быть однозначно «хорошими» или «враждебными»; они амбивалентны, ибо несут с собой не только очевидные блага, но подчас опасности латентного характера.

С.А. Кравченко указывает на «парадоксальную свободу» в жизни современного общества. Ее сущностными характеристиками являются ее неизбежное навязывание и принятие на себя

ответственности за явные и латентные последствия рисков: индивид поставлен в условия жизни, когда необходимо постоянно выбирать, просто нельзя не выбирать что-то или кого-то с учетом фактора немедленного или отложенного, явного или латентного рисков. Оценки сделанного выбора активно варьируются в социокультурном пространстве и изменяются во времени. Выбор, оказавшийся функциональным, эффективным для одного культурного пространства, не является универсальным для других культур [87, с. 6]. Девиация в одном ценностно-нормативном пространстве становится инновацией в другом. Нормой жизни становится «риск свободы». *Нормой практик обеспечения безопасности становится «риск свободы».*

Новый порядок ведет к появлению принципиально новых форм социального протеста, имеющих своеобразный глобальный дискурс. Если раньше основу протеста составляли институциализированные коллективные акторы, то теперь им на смену приходит «конвергенция разных типов акторов». С.А. Кравченко отмечает, что значительно сложнее влиять на крайне радикальные, неинституциализированные формы протеста, способные порождать «мучеников за “истинную” культуру, веру» и, соответственно, риски терроризма [там же]. Новые формы протеста сегодня зарождаются и реализуются в сетевом пространстве.

Мы уже отмечали, что безопасность – это устойчивость порядка в условиях роста девиации, где девиация является и инновацией. С.А. Кравченко приводит утверждение В.И. Чупрова, Ю.А. Зубка, К. Уильямса о том, что проблема инновационных рисков состоит в систематической незащищенности человека перед угрозами, вызванными модернизацией и являющимися следствиями нерационального использования достижения научно-технического прогресса [174, с. 45].

В социальной теории фиксируется некоторое движение от нормы к ценности – в большей мере подобный переход демонстрирует сетевое коммуникативное пространство. С. Лэш анализирует формирующееся общество в категориях «нормы» и «ценности». Он отмечает, что организации предполагают нормы. «Неорганизации» основаны на ценностях. Норма допускает процедуры, а «неорганизации» оперируют скорее с ценностями, чем с нормами. Но они не похожи на социальные нормы, пред-

шествующие модернити. Они не являются ни традиционными сообществами, ни общественными формами, подобными организациям или институтам. Они выступают скорее рефлексивными сообществами [416]. В современном киберпространстве, в большей мере, развивается ориентация на ценность, а не ориентация на норму; но отсутствие ценностной системы является еще одной особенностью сетевого «социального порядка», порождающего многообразие и развитие толерантности.

Н. Луман отмечал, что современность характеризуется ориентацией на новые способы селекции, не предполагающие в перспективе стабильности. Теперь общество дифференцирует между селекцией и стабилизацией – только потому, что давление со стороны инновации (девиации) усиливается и поэтому должно перерабатываться быстрее. Сеть (потоки) являет пространство наибольшей плотности и интенсивности коммуникации. Именно в гиперпространстве Сети давление со стороны инновации (девиации) усиливается и перерабатывается все быстрее.

Еще одной характеристикой социального пространства сети является то, что решения (практики/коммуникации) не предполагают стабильности и ориентируются на скорость, что ведет к специфическому нормированию, ориентирующемуся на нестабильность и высокую скорость.

О появлении новых форм нормирования в Сети можно косвенно судить через призму анализа потоковых структур, предложенного Д.В. Ивановым. Различные типы структур, задаваемые направленностью, плотностью и интенсивностью информационных потоков (вещей, людей, сообщений), задают различные формы координации в социуме. Д.В. Иванов считает, что эти формы существенно различаются по степени традиционно понимаемой социальности. Он отмечает, что на фоне абсолютной социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, относительной социальности сетей потоки предстают как феномены антисоциальные или альтерсоциальные [247]. Вероятно, под «абсолютной» социальностью имеется в виду «абсолютная», обязательная устойчивая нормированность. Вслед за теоретиком, *мы различаем несколько социальных пространств, организованных различными способами нормирования: нормирование институционального пространства, нормирование простран-*

ства частной и ситуативной интеракции, нормирование пространства социальной сети, с характеристиками «относительной социальности» и попытки нормирования пространства потоков, представленных «антисоциальностью» (Д. Иванов). «Антисоциальность» понимается нами как отсутствие нормы. *Здесь различны формы социальных ограничений, соответственно, различны практики обеспечения безопасности*.

Д.В. Иванов утверждает, что гибкие, селективные и поддерживаемые в большей мере символическими коммуникациями, а не физическими действиями сети являют собой новую модель структурности, отличную от институтов и групп, но не редуцируемую к агентности. Сеть как своего рода мезосоциальный феномен «вклинивается» в проблемный континиум «макромикро» между интеракциями и нормативными системами. Отношения между участниками сети в этом континиуме оказываются чем-то совершенно новым и открывают перспективу исследования новых структур в давно известных явлениях, поскольку не сводят их ни к индивидуальным мотивам, ни институционально диктуемым паттернам [247].

Сеть не просто состоит из самозарождающихся узлов и коммуникаций, а представляет собой пространство потоков (М. Кастельс, Д.В. Иванов). Кастельс справедливо утверждает, что возникла «новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки» [82, с. 338]. Под потоками он подразумевает целенаправленные, повторяющиеся последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают пользователи в экономических, политических и символических структурах общества.

Эти информационные потоки, однажды сформированные определенными интересами, следом ведут к частичной институциализации определенных практик, составляя структуры или правила/ограничения на какое-то время.

Различные типы структур, задаваемые направленностью, плотностью и интенсивностью информационных потоков (вещей, людей, сообщений), задают различные формы координации

в социуме. Можно предположить, что *критерием обеспечения безопасности (устойчивости в условиях изменчивости) в сети является направленность, плотность и интенсивность информационных потоков или сетей.* Относительно этих переменных субъект вырабатывает тот тип социальной практики, которая соответствует одному из видов социальности (или уровню (степени) интенсивности информационного коммуникативного потока). Виды социальности в том числе различаются по скорости времени, в котором осуществляются коммуникации.

Составляет интерес замечания А.В. Назарчука по поводу значимости скоростных режимов времени для эффективности социальных практик. Он пишет: «Поскольку время единонаправленно, источник различия в нем – не маршрут, а возможность ускорения и замедления, то есть темп. Темпы в музыке задают совершенно разные динамические миры, темпы в социальной жизни обусловливают совершенно разный жизненный профиль. Коль скоро современные общества оказываются способны генерировать вместе со временем изменения и приросты, понятие темпа жизни оказывается решающим при определении жизнедеятельности, конкурентоспособности, производительности труда, а следовательно, процветания общества. Социальным богатством, в отличие от колониальной эпохи, начинают обладать не те страны, которые располагают ресурсом пространства (пространство не несет в себе приростов), а те, которые способны организовывать время и увеличивать жизненные темпы и производительность. Критерием социального совершенства становится умение реализовывать разные темпы, а не придерживаться одного. Задача успеть вдвое больше за тот же промежуток времени – предъявляет колоссальные требования к состоянию и “спортивной форме” общественного организма. Но возможностей выскочить из этой гонки ни у одной страны в глобальном обществе нет» [275].

Отдельно необходимо остановиться на понятии «разрыва» в социальном пространстве. А.В. Назарчук отмечает, что временные разрывы в социальном пространстве были всегда, но в глобализирующемся обществе начинают они преодолеваться, генерируя новый профиль общества. Сегодня разные цивилизации, следуя С. Хантингтону, вынуждены сосуществовать в едином вре-

мени. Между культурно-цивилизационными областями (Хантингтон насчитывает их восемь) существуют разрывы, которые в ряде случаев, например если сравнивать Африку и Европу, являются гораздо более разительными, чем между римлянами и варварами. Но это разрывы единого времени, единой цивилизации. Разрывы могут быть и внутри одного общества, причем не обязательно в отношении маргинальных слоев в обществе. Временные разрывы могут культивироваться и социально одобряться, например в отношении к религиозному образу жизни общин монахов или явлениям традиции (борьба на японских мечах и т. д.). Временные реминисценции являются важнейшим для культуры способом идентификации и сохранения своей специфики.

Однако в большинстве случаев временные разрывы – деструктивное явление для общества. Они порождаются разными жизненными темпами разных слоев общества. Поскольку общество роста ориентировано на максимизацию изменений, в нем заложено присутствие как передовиков, так и отстающих, то есть в нем заложен эффект увеличения расстояния между первыми и последними. Если это расстояние столь велико, что участие в «гонке» теряет смысл, ее участники могут выпадать из единого времени, в котором их объединяет «гонка». Для тех, кто решает в ней не участвовать, темп времени радикально меняется. Время «гонщиков» экстернализируется для них, то есть теряет смысл, который ощущают полноценные участники. С этого момента движение участников гонки представляется им хаотической суетой, не более. Точно так же для участников гонки выпавшие из нее выпадают из времени, оказываются в застывшем «безвременье». Речь идет о разрыве времени, о разных социальных временах, сосуществующих рядом. Точкой пересечения разных социальных времен является время физическое. Физическое время служит единственным окном, где они встречаются, но также единственным способом и поводом к конфликту. Через это окно представители иного времени, например времени квазисредневекового исламского фундаментализма, могут пытаться разрушить актуальное время, терроризируя из своего времени иные времена. Но и представители «последующих времен» имеют возможность, и гораздо более широкую, через физическое время внедряться во «времена прошлые». Таким внедрени-

ем служат, к примеру, формы колониальной практики, когда «чужие» начинают на территории «иного времени» расстраивать свои колонии, внедрять свое время. Этот процесс имеет колоссальные социально-разрушительные последствия. Для аборигенов сокращается область «их» времени, время приобретает границы, ибо в любой момент можно оказаться на территории чужого времени, точнее, чужое время может оказаться там, где находишься ты. Временная неопределенность дестабилизирует бытие, хаотизирует весь жизненный ритм, порождая социальную аномию [275].

На наш взгляд, подобные *наблюдения значения времени и ритма практик имеют прямое отношение к выводам об особенностях осуществления и общих, и сетевых практик информационной безопасности относительно различных идентификаций и темпоральных возможностей акторов и в целом отдельных сетевых ресурсов (мобильных капиталов)*. Очередная вариативность практики одновременно является и инновацией, и девиацией, и угрозой. Вопрос только – для кого? Вариативность социальных практик субъекта – это участие «в гонке». Для субъектов, стоящих на различных «ступенях лестницы» в «овладении временем», вариативность всегда будет восприниматься по-разному: для одних – «лидеров гонки», – в большей мере, это инновация; для других – девиация; для третьих, кто «безнадежно отстал», – это угроза.

Мы уже отмечали, что, как минимум, различают общества с высоким уровнем циркуляции потоков и общества с низким уровнем циркуляции потоков. Соответственно, существуют, как минимум, две модели обеспечения социальной безопасности (см. первую главу). Практики обеспечения информационной безопасности задаются таким критерием, как «уровень интенсивности коммуникации» (см. вторую главу). Можно добавить, что обеспечение *информационной безопасности, прежде всего в Интернете, – это практики культивирования темпоральных разрывов или практики преодоления разрывов в защите информации и защите от информации. Практики преодоления разрывов осуществляются в целях ориентации в общем информационном пространстве на предмет контроля за информацией.*

Сетевое киберпространство мы рассматриваем как пространство «комфортабельной аномии», где комфортабельность обусловлена покоем и безопасностью тела, анонимностью субъекта. Н.Д. Чеботарева приводит ряд свойств Интернета как коммуникационной среды:

– анонимность побуждает к игре с личной самопрезентацией и предоставляет возможность управлять впечатлением о себе, «убежать от собственного тела», способствует психологической раскрепощенности, ненормативности, в проявлении большей свободы высказываний и поступков, в проигрывании не реализуемых в деятельности вне сети, не ограниченных социальными нормами ролей и сценариев;

– своеобразие протекания процессов межличностного восприятия: территориальная доступность и физическая привлекательность утрачивают свое регулирующее значение, и общение строится благодаря сходству установок, убеждений и ценностей;

– добровольность и желательность контактов, возможность их прерывания в любой момент;

– затрудненность эмоционального компонента общения и в то же время стойкое стремление к эмоциональному наполнению текста [409].

Свойство анонимности Интернет-коммуникаций имеет несколько граней: вследствие физического отсутствия участников в акте коммуникаций, можно выражать чувства, скрывать их, а также выражать чувства, которые человек в данный момент не испытывает; теряет свое значение ряд барьеров общения, обусловленных полом, возрастом, социальным статусом, внешней привлекательностью или непривлекательностью, а также невербальной составляющей коммуникативной компетентности партнеров; возникает возможность создавать о себе любое впечатление по своему выбору, при этом обогащаются возможности не только самораскрытия человека, но и конструирования своего образа по своему выбору [398].

Следствием анонимности и защищенности от оценок является субъективная безопасность Интернета [81], которая и ведет к развитию безнормности и потенциально к особому состоянию аномии.

Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова отмечают, что чувство анонимности, конечно же, иллюзорно – практически любое действие в Интернете может быть отслежено. Но даже если человек знает, что за ним наблюдают, виртуальный мир представляется ему анонимным, поскольку его наблюдение визуально. Возможность говорить от лица другого человека ведет к возникновению чувства анонимности, ощущению одиночества в толпе [94].

Вместе с анонимностью приходит и состояние «раскрепощенности» [там же]. Л.О. Пережогин указывает, что в условиях отсутствия внешних ограничений, регулирующих поведение в реальном социальном мире, – материальных ограничений, моральной цензуры, художественной критики, политических и конъюнктурных влияний, – практически беспрепятственно могут реализовываться разного рода патологические идеи (например, создаваться «художественные» произведения или опробоваться транссексуальная идентичность) [407].

Следствием анонимности является также особая эмоциональная окрашенность, которая «прямо провоцируется анонимностью» (В. Нестеров). В условиях субъективной безопасности, во-первых, исчезает детерминированность поступков, человек делает не то, что должен, а то, что хочет; во-вторых, образ партнера приобретает таинственность, непонятное же всегда притягивает, и если человек открывается, то это придает отношениям определенную интимность; в-третьих, отсутствие ответственности, случайность встреч и всегда существующая возможность в любой момент прервать связь и навсегда исчезнуть в не имеющей границ Сети позволяет людям быть более откровенными, чем в реальности [406]. Таким образом, анонимность и эмоциональность в Интернете связываются авторами как причина и следствие (В. Нестеров, А.Е. Жичкина, Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова и др.)

Мы предлагаем видение новых норм/ценностей, развивающихся в сетевом пространстве, – нормы комфортабельной аномии и такой нормы, как свобода риска (С.А. Кравченко). Обязательными становятся свобода и риск в принятии решений. Общеизвестно определение современного общества в традиции Франкфуртской школы: современность – это общество комфортабельной несвободы (Г. Маркузе). Г. Маркузе считал, что раз-

витая индустриальная цивилизация – это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе. Права и свободы, игравшие роль жизненно важных факторов на ранних этапах индустриального общества, утрачивают свое традиционное рациональное основание и содержание и при переходе этого общества на более высокую ступень сдают свои позиции. Свобода мысли, слова, совести – как и свободное предпринимательство, защите и развитию которого они служили, – первоначально выступали как критические по своему существу идеи, предназначенные для вытеснения устаревшей материальной и интеллектуальной культуры, более продуктивной и рациональной. Но, претерпев институционализацию, они разделили судьбу общества и стали его составной частью. Результат уничтожил предпосылки. [109, с. 17–18]. В обществе «комфортабельной несвободы» основные социальные ограничения организуются такими формами контроля, как потребление и коммерциализированная массовая культура. На наш взгляд, это сквозное определение социального порядка современности, которое работает как в невиртульном мире, так и виртуальном сетевом пространстве. Но работа эта происходит по-разному. Если в невиртуальном мире идет дальнейшее культивирование комфортабельной несвободы, то в виртуальном пространстве человек реализует для себя не негативную, а позитивную свободу аутсайдера. Два этих противоположных по своим характеристикам процесса присущи действиям одного индивида.

Постсовременность разворачивается для наблюдателя своей виртуальной гранью: комфортабельная несвобода дополняется комфортабельной аномией виртуального социального пространства. Традиционные практики защиты информации и защиты от информации усложняются ввиду развития виртуальной социальной реальности киберпространства. На наш взгляд, *свобода риска и комфортабельность безнормности становятся атрибутом сетевых практик обеспечения информационной безопасности.*

Состояние «комфортабельной аномии» и «свободы риска» актора ведет к информационной избыточности и усилению «разлома» между виртуальным и реальным мирами (В.И. Игнатьев),

что сказывается на росте условности сетевых практик информационной безопасности. Это же явление выражено в гипертрофии вариативности коммуникаций, которое описано нами выше.

Чем больше масштаб и влияние циркуляции сетевых потоков, тем разнообразнее бремя мобильности и тем больше вероятность различных типов вынужденного движения (Дж. Урри). Можно говорить о такой *особенности сетевых практик информационной безопасности, как «бремя мобильности».* Другими словами, *сетевые практики обеспечения информационной безопасности сегодня – это необходимость, которая становится атрибутом современной жизни любого социального субъекта, требующая неустанной работы с информацией, включающей в себя взаимодействие с различными экспертными системами, делокализацию действия, бремя свободы и риска. Возможно предположить, что избыток информации провоцирует гипертрофию практики информационной безопасности.* Последнее, на наш взгляд, является проблемой будущего и необходимым вектором для последующих исследований.

Рост скорости и, соответственно, рефлексивности взаимодействий ведут в том числе к активизации конструктивизма и игровых практик. В качестве теоретико-методологической перспективы в исследовании понятия информационной безопасности предлагается подход-метафора к определению. Информационная безопасность – это скорость, осведомленность и «игра», где под игрой подразумевается защита информации и защита от информации.

3.5. Угрозы в Интернете

Сетевые практики обеспечения безопасности имеют общие характеристики, обусловленные особенностями сетевого коммуникативного пространства как новой социальной средой. С другой стороны, различные информационные угрозы в условиях киберпространства обусловливают особенности сетевых практик обеспечения информационной безопасности.

Общеизвестно, что защищенность собственных информационных ресурсов не гарантирует информационной безопасно-

сти для субъекта, поскольку даже достигнутое преимущество в обладании той или иной информацией может быть оценено только в соотношении с информационными ресурсами другого субъекта. В силу этого другая сторона информационной безопасности заключается в предельно возможной степени ориентации во всей информационной сфере. Недостаточность информированности может привести к принятию неадекватных решений. В этом смысле правильно трактовать состояние субъекта, принимающего такое решение, как находящегося в информационной опасности. Мы разделяем подход, который выделяет защиту собственных информационных ресурсов лишь как часть информационной безопасности, информационная безопасность не сводится только к защите информации. Благополучие личности и общества, устойчивость социального порядка обеспечивается получением оперативной информации об особенностях социальной среды, о динамике развития социальных процессов. Мы уже отмечали, что определяющим в информационной безопасности личности, общества и государства является ориентация в информации, циркулирующей в сети, а также наличие возможностей и средств для отражения возникающих угроз, что предполагает доступ к информации и наличие собственных информационных и аналитических ресурсов. Информационная угроза возникает в том числе тогда, когда субъект по каким-либо причинам не может воспользоваться циркулирующей в информационном пространстве информацией, которая необходима для принятия соответствующих решений. Само же отражение возникающих угроз, при их осознании субъектом, связано лишь с наличием или отсутствием у него средств их отражения.

Предпримем попытку выделить основные группы угроз безопасности общества (личности, общества и государства), связанных с особенностями сетевых коммуникаций.

Наиболее опасным источником угроз интересам и здоровью личности считают существенное расширение возможности манипулирования сознанием человека за счет формирования вокруг индивида индивидуального «виртуального информационного пространства», а также возможности использования различных технологий воздействия на его психическую деятельность. Негативным последствием чрезмерного использования

сети является информационная перегрузка. В обществе появилась Интернет-зависимость, которая порождает психосоциальную депривацию – состояние, ведущее «к недостаточному удовлетворению информационно-коммуникативных и других видов потребностей и, как следствие, к деформации или качественным изменениям личностных, социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей» [262, с. 93].

Н.В. Корытникова отмечает особое проявление депривации в современном обществе – социально-психологическое преследование: «Многие контакты в современном безличном городском пространстве начинаются с ненавязчивого общения, которое на последующих стадиях знакомства незаметно превращаются в назойливые действия. Далее начинается процесс анонимного или явного преследования, когда для получения сведений о партнере по коммуникации требуются новые источники добычи информации, необходимой для продолжения и развития социальных и личностных отношений в виртуальном или оффлайновом мире. Чтобы больше узнать о другом человеке, повлиять на его действия, получить скрытые и тайные сведения о нем, преследователь подключает богатые на подобного рода информацию Интернет-источники. Он наблюдает за поведением преследующейся личности в сети, вскрывает почтовые электронные ящики для просмотра его переписки, посылает анонимные сообщения на страницы в социальных сетях. Более серьезные формы социально-психологического преследования включают публичную клевету, распространение ложной информации, прямые угрозы через формы Интернет-общения» [262, с. 88]. Другим опасным источником угроз интересам человека является использование во вред его интересам персональных данных, накапливаемых органами государственной власти, а также расширение возможности скрытого сбора информации, составляющей его личную и семейную тайну, сведений о его частной жизни.

Сетевые коммуникации сегодня являются условием качественно новой возможности концентрации средств массовой информации в руках небольшой группы собственников, и прежде всего зарубежной. Этот процесс предполагает слияние и приобретение различных медийных средств (СМИ), в результате чего большинство их сосредоточивается в руках относительно

небольшого числа владельцев. Происходит комбинирование традиционных и новых медиа, прежде всего Интернета и телевидения, с целью превращения кабельных каналов в «веб-порталы» и Интернет-магазины, где продаются продукты нового интегрированного рынка. Современное сетевое информационное пространство характеризуется медиаглобализацией. В этот процесс включено относительно небольшое число экономических субъектов: речь идет о таких транснациональных корпорациях, как, например, «Тайм Уорнер», «Сони», «Уолт Дисней Компании», «Мацушита» и др., которые создают новые – глобальные или региональные – медиаканалы: Би-Скай-Би, Си-Эн-Эн, MTV. Постепенно формируется новый глобальный медиарынок – информационные супермагистрали. Их называют «новыми электронными медиа», чтобы отделить их от обычных медиа, к которым относятся печать, радио, телевидение [173].

Новые электронные медиа обладают почти безграничными возможностями передачи любой информации любым ее отправителем в различных направлениях, но медийные информационные потоки формируются в интересах владельцев транснациональных информационных агентств. Подобные обстоятельства приводят к угрозам манипулирования общественным мнением по отношению к тем или другим значимым событиям и, что еще более серьезно, к деформации моральных устоев общества, его национальной культуры путем навязывания ему чужих ценностей. Разумеется, что сетевые коммуникации сами по себе являются просто эффективной технологией для успешного развития бизнеса владельцев транснациональных информационных агентств. Западный бизнес, конечно же, не ставит своей целью разрушение нормативно-ценностной системы нашего общества. Но он стремится распространить свои «правила игры», свою логику экономического, социального действия, с тем чтобы реализовывать свои коммерческие проекты в адаптивной для себя среде. Попутно им выполняются заказы, продиктованные ведущими геополитическими игроками. Ярким тому примером является мощная подача заведомо ложной информации о нападении России на Украину.

Важнейшей группой угроз безопасности общества, личности и государства, исходящих от сетевых коммуникаций, явля-

ется расширение масштабов отечественной и международной преступности за счет роста компьютерных преступлений. Угрозы могут проявляться в виде попыток осуществления мошеннических операций с использованием глобальных или отечественных информационных телекоммуникационных систем, отмывания финансовых средств, полученных противоправным путем, неправомерного доступа к финансовой, банковской и другой информации, которая может быть использована в корыстных целях. Ю. Ревич отмечает, что мировая юриспруденция оказалась абсолютно неготовой к приходу цифровых технологий [286]. Это стало очевидным с распространением Интернета. Нет, наверное, никакой другой области деятельности, где и пользователи, и хозяева ресурсов, даже самых естественных и невинных, своими действиями если не вступили прямо в противоречие с законом, то оказались в «серой зоне» правовой неопределенности. Это особенно ярко проявляется в многочисленных коллизиях, связанных с нарушением авторского права, но областью интеллектуальной собственности противоречия между правом и «виртуальной реальностью» далеко не ограничиваются.

По данным аналитиков, число опасных Интернет-ресурсов за последнее время увеличилось в три раза. Эксперты по Интернет-безопасности утверждают, что атаки на ресурсы Всемирной паутины происходят каждые четыре с половиной минуты. 37 % всего вредоносного кода Сети находится на серверах американских компаний. Пятикратно увеличился объем спама. Наибольшая доля нежелательной корреспонденции (17,5 %) исходит опять же из США. Во многих странах отмечается увеличение объемов утечки данных, при этом только около 20 % происходит из-за хакерских атак [255].

Сетевые структуры и коммуникации эффективно используются организациями в условиях конспирации и подполья. Их главным козырем становится молниеносность распространения информации и новые возможности дистанционного управления террористическими актами. Террористические группы и мафиозные структуры используют нелегальные, полулегальные и криминальные методы политической борьбы, игнорируя политические нормы и традиции, нарушая законы, расшатывая политическую систему.

Мировая практика свидетельствует, что борьба с распространением экстремистской идеологии в сети Интернет не привела к достижению необходимого уровня обеспечения безопасности национальных интересов.

Спецслужбы зарубежных государств не справляются с объемом работы в стремительно растущем Интернет-пространстве. Главной причиной успеха применения террористическими организациями Интернет-технологий является сложность обнаружения и ликвидации их сетевых центров (серверов, доменов, веб-сайтов). Экстремистские группы широко используют особенности технической организации сети Интернет, позволяющие регистрировать доменные имена сайта в одной стране, а размещать информацию – в другой.

Различия в национальных законодательствах вызывают дополнительные сложности в борьбе с распространением экстремистских материалов. Спецслужбы имеют возможность через провайдера определить владельца или заказчика сайта и начать в отношении него следствие на территории собственных стран, но это становится невозможным в отношении лиц, осуществляющих регистрацию Интернет-страниц вне национальных доменов. Сложность регулирования вопросов ответственности и осуществления противодействия распространению экстремистской информации в Интернете во многом обусловлена анонимностью пользователей при регистрации доменов Интернет-сайтов, то есть связана с проблемой идентификации и аутентификации пользователей.

Наиболее опасными источниками угроз интересам государства в информационной сфере являются неконтролируемое распространение информационно-психологического оружия и развертывание гонки вооружений в этой области, ведение информационных войн. Информационные войны идут на разных уровнях – в корпорациях, регионах, государствах, мировом сообществе. Как отмечает С.Н. Бухарин, механизмы и процедуры их ведения почти одинаковы и используются одни и те же элементы: дефицит информации, неудовлетворенность ситуацией, генерирование идей, самоорганизация, обучение, адаптация и др. Информационно-психологическое оружие используется в глобальных сетях гражданского назначения и свободного доступа с целью ведения ин-

формационной войны. Оно представляет собой совокупность средств, методов и технологий, обеспечивающих возможность воздействия на информационную сферу противника с целью разрушения его информационной инфраструктуры, системы управления в целом, снижения уровня безопасности [32].

И.Л. Морозов различает три вида информационно-психологического оружия относительно стратегии нападения:

– системы дистанционного искажения или уничтожения информации: компьютерные вирусы общего и специализированного назначения (программы, проникающие извне и разрушающие систему); логические бомбы, тайно внедряемые в компьютер на этапе заводской сборки, которые при активизации парализуют работу компьютера;

– системы хищения информации: электронные шпионы (программы, проникающие извне и производящие незаметный для пользователя сбор служебной и непосредственно личной информации);

– системы комплексного воздействия на психику пользователя: мультимедийные сайты в виде информационно-развлекательных или аналитических страниц с «горячей», «сенсационной» информацией [273].

«Информационное оружие» особенно опасно в условиях существования почти монопольного положения компаний небольшого количества стран мира на рынке информационных технических продуктов, так как способно спровоцировать желание использовать имеющееся превосходство для достижения тех или иных политических целей.

Существует мнение, что повышение уровня оперативности обмена информацией, «прозрачности» и доступности последней для всех субъектов политического процесса, уникальная возможность генерировать информационные потоки в обход государственных структур – все эти и другие очевидные свойства сетевого пространства Интернета могут являться важнейшими предпосылками становления посттоталитарной организации общества. И.Л. Морозов отмечает, что информационно-технологическая революция несет с собой не только новые возможности, но и целый ряд угроз, чреватых дестабилизацией существующих демократических режимов. Он выделяет два блока

угроз, ведущих к подрыву политических режимов: системные и периферийные угрозы. Угрозы первого типа носят целенаправленный, структурированный и централизованный характер и являются следствием упорядоченных действий в сетевом пространстве властных и околовластных структур. Так, возможны скоординированные информационно-психологические атаки на конкретную политическую систему или ее сегмент со стороны конкурирующего государства (цивилизации, транснациональной структуры) или деструктивных акций внутригосударственных квазиэлит, проводимых соответствующими методами. Не менее серьезную опасность представляют угрозы второго типа, которые связаны с деятельностью широкого спектра внесистемных сил – от международных террористических организаций до всевозможных хакерских групп. Неструктурируемость, диффузность и непрогнозируемое возникновение периферийных информационных угроз крайне затрудняют выработку действенной стратегии защиты от них [273].

И.А. Василенко, анализируя состав политических акторов, различает их на носителей власти и внесистемную оппозицию. [36, с. 24–25]. Сегодня большинство акторов (сетевых пользователей) составляет внесистемную оппозицию и делится на две большие группы – легальное «самобытное сопротивление», которое находит себе опору в традиционных и нетрадиционных ценностях сообщества, и нелегальные криминально-мафиозные сети, подрывающие основы общества. Основной силой легального и нелегального сопротивления является исключительно сетевая, децентрализованная форма организации и политических действий. Характерным примером такого сопротивления становится стремительно нарастающее движение антиглобалистов, которое строится на основе национальных и международных сетей, активно используется Интернет, и при этом сети не только обеспечивают организацию их деятельности, но и совместное использование информации.

Децентрализованный, неуловимый характер сетевых структур сопротивления антиглобалистов и других самобытных движений (экологисты, «зеленые», женские движения, различные молодежные субкультуры, представленные, в частности, в блогосфере) во многом затрудняет их восприятие и идентификацию со стороны государственного управления. «Новые гибкие сетевые

структуры внесистемной оппозиции являются сегодня главным козырем в борьбе с неповоротливыми институтами политической власти, которая в большинстве случаев имеет старую иерархическую организацию, и только отдельные силовые подразделения в ней перестроены по сетевому принципу» [36, с. 24–25].

В итоге, на наш взгляд, можно выделить основные группы информационных угроз безопасности личности, общества, государства, обусловленных сетевыми коммуникациями:

– угрозы безопасности личности, связанные с расширением возможностей манипулирования сознанием человека, информационной перегрузкой, с ростом Интернет-зависимости и развитием форм психосоциальной депривации;

– угрозы использования во вред персональных данных (расширение возможностей скрытого сбора персональной информации);

– информационные угрозы, связанные с расширением масштабов манипуляции общественным мнением, появлением возможностей эффективной организации деструктивных процессов в ценностных системах общества;

– информационные угрозы безопасности личности, общества, государства, связанные с эффективностью работы сетевых структур отечественной и международной преступности и терроризма;

– угрозы неконтролируемого распространения информационно-психологического оружия и его применения в информационных войнах;

– угрозы стабильности существующих политических режимов власти: системные и периферийные, также обусловленные сетевой логикой многих социальных процессов в обществе.

Каждая из перечисленных групп угроз нуждается в более детальной проработанности. Полагаем, что здесь приведен далеко не исчерпывающий список групп угроз. Необходима выработка критериев классификации групп угроз, формирование видов классификаций групп угроз, отвечающих различным профессиональным задачам специалистов, занимающихся проблемами безопасности. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации от 2000 года выделяются три основные группы методов обеспечения информационной безопасности: правовые,

организационно-технологические и экономические. На наш взгляд, отдельно необходимо говорить о формировании общих и профессиональных компетенций в области работы в сетевом коммуникативном пространстве как о важнейшей группе методов обеспечения информационной безопасности. В данном случае под компетенциями мы понимаем знания сетевого коммуникативного пространства, навыки и умения работы в нем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«На полях» саммита G20 в Мексике в 2012 г. президенты Владимир Путин и Барак Обама могли подписать двустороннее соглашение о сотрудничестве в киберпространстве и мерах доверия. Однако договоренности сорвались из-за одного слова. Чтобы уйти от спора – «международная информационная безопасность» или «кибербезопасность», – стороны выработали компромиссную формулировку: «безопасность в сфере использования информационно-коммуникационных технологий». Однако в последний момент Вашингтон потребовал убрать из этой конструкции слово «использования», делая упор лишь на физической защите своих компьютерных систем. Но для Москвы этот вопрос оказался принципиальным – она-то как раз считает, что дело не только в защите сетей и ресурсов, но и в том, кем, как и с какой целью информационно-коммуникационные технологии могут быть использованы (иными словами, не будут ли они оружием для психологических войн и пропаганды). Консультации по этой теме продолжаются [316].

Осмысление феномена и понятие информационной безопасности продолжают находиться в становлении как на практике, так и в теории. Рост информационных потоков, устаревание информации, в целом, изменение значимости информации глубоко затрагивают структуры современного общества и заставляют жить и видеть вещи по-новому.

В настоящем исследовании была предпринята попытка сформировать некоторую оптику для понимания социальной природы информационной безопасности. Предложена возможность увидеть проблемы обеспечения информационной безопасности в едином методологическом ключе, исполненном на языке социально-философской теории. На наш взгляд, настоящее исследование впервые ставит вопрос о широком понимании социального аспекта информационной безопасности.

Для осмысления информационного аспекта безопасности в работе был задан подход к пониманию безопасности общества как устойчивости социального порядка в условиях роста интен-

сивности коммуникаций, выраженной в девиации/инновации. Утверждается, что рост интенсивности коммуникации связан с ростом интенсивности «различения различения», или информации. С ростом интенсивности коммуникации/информации связывается изменение понимания проблемы устойчивости социального порядка. В теоретическом мышлении сегодня устойчивость и системность социального порядка заменяются понятиями «рестабилизация» (Н. Луман) и «структуризация/реструктуризация» (Э. Гидденс) порядка.

Исследование социальной природы информационной безопасности исходит из утверждения, что социальный порядок современного (информационного) общества является упорядоченностью системы, пребывающей на высоком уровне накопления и ускорения самореференции/инореференции («различения различения», или информации) социальной системы. Подобное утверждение основывается на анализе теории социальной эволюции Н. Лумана, который рассматривал социальную эволюцию как рост дифференциации социальной коммуникации, выраженный в том числе в росте интенсивности коммуникации, где всякая коммуникация предполагает операцию «различения различения».

Информация, в интерпретации Н. Лумана, не структура, а событие. Он определяет информацию как «событие, которое меняет состояние системы». «Информации являются временными различиями, постоянно конституированными внутри системы, которые реализуются из взаимной игры автореферентных или инореферентных обозначений, постоянно процессируемых внутри системы» [125, с. 92]. Информацию можно интерпретировать как результат нового наблюдения второго (и очередного) порядка, составляющий содержание-послание (message) коммуникации. В этом смысле, информация наполняет вариативность коммуникации, ее девиантный/инновационный характер.

Мы исходили из того, что информация (релевантные для системы состояния и события) суть внутрисистемные достижения, приобретаемые с помощью техники различений. Иначе выражаясь, информация – это моменты становления тождества. Внешний мир – это абсолютное Все, которое в этом статусе непрозрачно и недоступно. Система способна «видеть», то есть

выбирать, свое и оставлять без внимания (в ранге возможности) другое. То, что «видит» система, и есть ее коммуникации, которые необходимо отличны от мира самого по себе. Другими словами, система (и психическая, и социальная) пребывает в состоянии самоотражения себя (фрагмент известного определения информации), в состоянии единства тождества и различия (В.И. Кашперский), в условиях структурного соответствия и подобия, в информационном взаимодействии.

Различение виртуальной и актуальной информации позволяет связать доступность информации в мировом масштабе и локальный, контекстовый характер ее производства. Информация становится информацией только при ее запросе. Общество в структурном и операциональном отношении состоит из результатов запросов, место накопления которых невозможно указать и которые теряют характер информации после осуществления коммуникации [403].

Рост информации, выраженный в росте многообразия и скорости социального взаимодействия систем (напомним, информация – это результат запроса системы – «различение различения»), ведет к изменению социального порядка. Логику этого изменения мы выразили следующим образом: от стабильности порядка к его постоянному состоянию рестабилизации, или от структуры порядка к постоянному состоянию реструктуризации как характерного состояния социальной системы общества. Вариативность коммуникации, воплощенная в новой информации, и есть девиация/инновация для психической и социальной системы. Вариативность эта вызвана к жизни условиями меняющейся окружающей среды, с которой система взаимодействует.

Отклонение (или вариативность) коммуникации от должного, общепринятого возрастает с отбором из известного или неизвестного репертуара возможностей, при котором должно присутствовать несоответствие с утвердившимся пониманием (интерпретацией чего-либо) [101, с. 197]. В этом смысле, инновационность и девиантность являются двумя сторонами одной медали – вариативности коммуникаций.

Рост вариативности коммуникации (девиации/инновации) служит условием развития социального порядка, но, с другой стороны, составляет основную угрозу распада социальной си-

стемы и многие иные угрозы для социального субъекта. Автор отдельно останавливается на мысли Н. Лумана о том, что система общества до сих пор вырабатывала «формулу спасения», которая заключалась в создании дополнительных структур ускорения и накопления девиаций. Важно понимать, что всякий раз с возрастанием скорости и многообразия коммуникации/девиации опасность распада упорядоченности системы общества приближается, а количество рисков и угроз для социального субъекта возрастает.

В работе сделан вывод о том, что суть направления эволюции социального порядка можно заключить в одно утверждение Н. Лумана: «Чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится потребность в Неотрицаемом» [103, с. 66]. Подобная потребность реализуется в виде роста информационных потоков – «различения различения». Такие ценности современности, как индивидуальная свобода, самореализация личности, творчество, инновационная деятельность, в подобном контексте являются не чем иным, как воплощением требований логики эволюции социального мира. Н. Луман пишет об опасном движении в сторону новых случайных эффектов накопления и ускорения варьирования (девиации/инновации). Он ставит и завещает нам проблему «формулы спасения» для системы общества.

Состояние общества Н. Луман определяет исходя из таких переменных, как «плотность коммуникаций», или «частота информационных импульсов». Плотность, или интенсивность коммуникаций, и частота информации (информационных импульсов) понимаются как одно явление. Автор указывает на принципиальность этого замечания, поскольку именно такая концептуализация взаимосвязи вариативности коммуникации (девиации/инновации) и информации позволяет видеть взаимосвязь понятий безопасности как устойчивости социальной и психической структуры субъекта и информации как нарушения этой устойчивости. При этом учитывание циркулярного характера усиления девиантности позволяет выявить ведущее противоречие, актуализирующее информационную природу безопасности социального субъекта. С точки зрения автора, оно заключается в разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта

(личности, общества, государства) и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. Обществу угрожает «коллапс различения стабильности и вариативности» (Н. Луман).

В зависимости от интенсивности вариативности коммуникации (девиации/инновации) автор различает два типа обеспечения социальной безопасности общества: обеспечение безопасности в условиях низкой интенсивности вариативности коммуникаций (состояние традиционного общества) и обеспечение безопасности в условиях высокой интенсивности вариативности коммуникаций (состояние современного общества).

С ростом интенсивности коммуникации/информации (нарастания гипертрофии варьирования коммуникации) автор связывает появление нового средства накопления и ускорения девиации/инновации – Сети, или киберпространства, которая в дальнейшем развивает виртуальную реальность. «Формула спасения» общества найдена. Она заключается в развитии киберпространства. Современная социальная реальность представлена актуальным/виртуальным действием, которое порождает две модальности социальной реальности: актуальную и виртуальную реальность.

Социальный порядок рассматривается как система социальных ограничений. Упорядоченность общества структурируется социальной нормой. Норма рассматривается и как регулятор поведения, и как ограничение социального действия. Регуляция и ограничение социального действия составляют существо упорядоченности системы общества. По сути, изменение характера социальных ограничений составляет характер изменения социального порядка и характер изменения социальности. Безопасность же как устойчивость воспроизводства новых социальных ограничений (или социального порядка современности) является устойчивостью субъекта в условиях роста коммуникативных (информационных) процессов. Устойчивость «отстаивает самое себя, сопротивляясь изменениям», но одновременно структурирует важнейшие из них, тем самым изменяясь, но оставаясь структурой.

В анализе понятия девиации первоначально автор отталкивался от теории Э. Дюркгейма – «отклонение в поведении от

нормы», но следом, оставляя в стороне известные классические теории девиантного поведения, исследование обращается к понятию девиации в традиции системной теории, теории эволюции Н. Лумана. Девиация, она же инновация, рассматривается в качестве вариативности социальной коммуникации для системы в целом, обусловливающей ее изменения (эволюцию). Делается вывод о том, что безопасность необходимо рассматривать в том числе как устойчивость социального порядка в условиях инновационного развития общества, или в условиях одобряемой девиации.

В результате, в исследовании была выявлена и продемонстрирована «онтологическая» связь между понятиями «безопасность» и «информация».

Актуальность понятия информационной безопасности связывается с социальными особенностями современности, которые заключаются в беспрецедентном для общества высоком уровне интенсивности информационных потоков и вытекающем из этого следствии – росте устаревания информации.

В работе были проанализированы традиционные определения информационной безопасности, суть которых заключается в утверждении: «защита информации и защита от информации». Автор обратил внимание на несколько технологический характер традиционного понимания информационной безопасности – информационная безопасность как защита конфиденциальности, доступности, целостности информации. Указывается на то, что угрозы информационной безопасности почти не рассматриваются через призму роста интенсивности информационных потоков и устаревания информации. В научной литературе отсутствует концептуализация проблемы информационной безопасности в социально-философском, социологическом ключе. Между тем, на взгляд автора, проблема информационной безопасности общества, личности, государства имеет социальную природу и должна быть актуализирована в социально-философском аспекте.

Автор предлагает развить традиционное понимание информационной безопасности. Для этого были проанализированы существующие подходы к определению информационной безопасности и сделан вывод, что социальный субъект, обеспечивающий информационную безопасность, с одной стороны, осу-

ществляет защиту информации и защиту от информации – с другой, развивает ориентацию во внешней информационной среде, поскольку его ресурсы, в условиях подвижности социальной среды, должны всякий раз обновляться. При этом обновление информационных ресурсов субъекта происходит с нарастающей интенсивностью, сообразно нарастанию интенсивности информационных потоков, что, в свою очередь, ведет к росту устаревания информации. В таких условиях практики социальных мобильностей являются практиками безопасности.

Субъект обеспечения безопасности специально не конкретизировался. Под ним подразумевается как личность (психическая система), так и социальная система.

В работе задается подход к структурированию информационной среды и соответствующему представлению об информационной безопасности в широком и узком смысле этого слова.

Предложено более общее различение информационной среды: 1) информационная среда самого современного общества с его практиками обеспечения безопасности (широкое понятие информационного пространства) и 2) киберпространство (узкое понятие информационного пространства) как особая виртуальная среда с его специфическими свойствами. Важным, с точки зрения автора, является понимание того, что само современное общество, в условиях роста интенсивности информационных потоков, вырабатывает новые социальные практики не только в Сети (киберпространстве), но и обычном мире «актуальной реальности», которые можно считать и практиками обеспечения безопасности субъектов. В целом, такие общие практики обеспечения информационной безопасности автор называет новыми социальными мобильностями. Их характеристики раскрываются во второй главе работы.

Обеспечение информационной безопасности было рассмотрено в широком и узком смысле этого слова: информационная безопасность в условиях современного общества (актуальной социальной реальности) и информационная безопасность в условиях киберпространства (виртуальной социальной реальности). В первом случае речь идет о социальных практиках, адекватных скорости и многообразию современных коммуникаций, во втором – о сетевых практиках, адекватных измен-

чивому виртуальному пространству сетей и потоков. Второй тип практик обеспечения информационной безопасности составляет частный случай первого.

И первый и второй типы социальных практик сводятся к содержанию защиты информации и защиты от информации. В итоге, в работе предлагается следующий подход к определению информационной безопасности: информационная безопасность – это обеспечение безопасности социальных практик информационной среды, осуществляемых субъектом (личностью, обществом, государством) посредством новых мобильностей и ориентации в сетевом пространстве, в условиях роста интенсивности информационных потоков и устаревания информации. Обеспечение информационной безопасности состоит из общих практик (практики новых мобильностей) и сетевых практик, которые являются частным случаем общих (практики эффективной ориентации и работы в киберпространстве).

Рассматривая общие практики обеспечения информационной безопасности, автор ввел во второй главе понятие «новые социальные мобильности», под которым подразумевает новые устойчивые особенности деятельности социальных субъектов, обусловленные нарастанием информационных потоков и сетей. Термин «новые социальные мобильности» характеризуется различными техниками-практиками и используется в именовании общих практик обеспечения информационной безопасности.

С другой стороны, информационная безопасность – это совокупность практик и структур, обеспечивающих информационную безопасность субъекта. Через призму теории структурации Э. Гидденса автор пытается дать комплексное видение феномена информационной безопасности. Поясним: любое социальное действие (практика), любая структура сегодня в условиях роста и устаревания информации нуждается в обеспечении информационной безопасности. С другой стороны, само обеспечение информационной безопасности представлено и социальной практикой, и организационной устойчивой структурой (институцией).

Автор вводит в работу понятия «социальная практика» и «социальная структура» в традициях теории структурации Э. Гидденса. Функциональность этих понятий заключается в их

методологической помощи, посреднической роли между понятием коммуникации (социальным информационным взаимодействием) как практики и понятием структуры как некоторой локальной упорядоченности нормированных практик (системы социальных ограничений). Подразумевается, что практика-действование структурируется коммуникацией/информацией. Термин указывает, что различные социальные деятельности «растягиваются» в широком пространственно-временном диапазоне. Социальные практики считаются источником и основой образования и субъекта, и объекта. Теория структурации близка здесь теории социальных систем Н. Лумана, где также процессность-коммуникации исключают дуальность субъекта/объекта.

В целом, подход автора к понятию информационной безопасности задает как бы социальный внешний контур представления об обеспечении безопасности субъекта. Этот контур очерчивает традиционное, прежнее (более технологическое) определение информационной безопасности, суть которого заключается в «защите информации и защите от информации».

В работе были рассмотрены практики и структуры обеспечения безопасности в условиях информационной среды в широком смысле этого слова – безопасности в условиях роста информационных процессов. Автор отметил существование противоречия между локальностью структур обеспечения безопасности и потоковым, сетевым характером угроз.

Подчеркивается, что обеспечение безопасности связывается с пониманием и владением особенностями современных социальных практик, которые позволяют сохранять адекватность внешнему миру потоков как индивиду, так и отдельным социальным системам, а значит, сохранять и индивиду и системе целостность и устойчивость в условиях нарастания девиации как вариативности коммуникаций (роста интенсивности информационных потоков). Соответственно, также обеспечение информационной безопасности субъектов связана с формированием новых социальных структур институционального характера, реализующих системный характер обеспечения информационной безопасности.

Рост интенсивности социального информационного взаимодействия формирует, в целом, такие особенности социальных

практик, как риск и неопределенность (Н. Луман, У. Бек, З. Бауман, С. Лэш, Э. Гидденс и др.), отвлеченность, дистанцированность и абстрагированность (В.Е. Кемеров). Отмечается, что в ходе эволюции социальной формы деятельности конкретно-вещественный образ мира замещается новым образом создаваемой вещи, имя которой «Сеть». «Приручение человеком своих новых деятельных сил оказывается возможным только при условии их вынесения вовне, в систему обобщенного пространства и абстрактного времени, только за счет их облачения в инструментальную, предметную форму» [84, с. 58]. Способность социального времени разбиваться на времена и в то же время сохранять жесткое единство, подобно тому как это происходит с пространством, создает условие для возможности образования коммуникационной «сетевой ткани». Это позволяет множиться социальным мирам, выстраивая сети в пространстве и времени произвольным образом: нанизывая их друг на друга или располагая параллельно друг другу [275].

Отмечается, что Сеть как новая инструментальная предметная форма деятельности определяет сегодня во многом социальное бытие личности, определяет особенности современной практики в условиях информационных потоков, позволяет перейти от пространства (вещей) к последовательным выражениям процессов и их соотношений, к схватыванию «вещей-процессов» более достоверно и эффективно, к потокам. Она позволяет прорабатывать в формах-схемах по возможности большое количество связей и отношений.

Используя идею о различных вариантах понимания социальности (Д.В. Иванов), автор отмечает, что социальная практика сегодня характеризуется различными формами социальности – абсолютной (институты), относительной (сети), ситуативной и частной (отдельные интеракции), альтерсоциальностью (пространство потоков), поскольку различные формы структур выступают в качестве различных форм взаимодействия. Эти формы существенно различаются по степени традиционно понимаемой социальности. На фоне абсолютно понимаемой социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, относительной социальности сетей появляются такие феномены, как антисоциальность или альтерсоциальность про-

странства потоков, развивающегося в сетевом пространстве. Координация взаимодействия, соответствующая сетевому и потоковому пространству, соответствует типу координации на основе селекции и уже не связана с привычным смыслом интегрированности и нормативности [247, с. 57–58].

Общими характеристиками современных социальных практик является «колонизация общественного частным» (З. Бауман) и направленность к «сетевому, внеисторическому пространству потоков» в ущерб устойчивости общих культурных кодов общества (М. Кастельс). Отмечается, что все эти характеристики практик вырабатываются в обществе психической и социальной системой на предмет адаптации к внешней среде, которая обусловлена возрастающей интенсивностью вариативности коммуникации или информационными потоками. Соответственно, они лежат в основании практик обеспечения безопасности.

Современные социальные практики защиты информации и защиты от информации в условиях интенсивности и устаревания коммуникации/информации выработали свои техники обеспечения безопасности. Такие «особенности-техники» фиксируются в социальной теории в терминах «скорости и временности», «степени проходимости социальных ситуаций» (Э. Тоффлер), «отношения ограниченного участия» (З. Бауман, С. Лэш, Э. Тоффлер и др.), «дальнодействия и отвлеченности» (В.Е. Кемеров), «объектуализации отношений или появлении “объектноцентрированной социальности”» (К. Кнорр-Цетина), «делокализации социальных действий, их извлечения из конкретного контекста и свободного перемещения в самых широких пространственно-временных рамках»; «контрфактуальности мышления и калькуляции рисков» (Э. Гидденс), «частично-непрерывного внимания» и «постмногозадачного поведения, характеризующего стремление индивида быть живым узлом коммуникационной сети» (Л. Стоун).

«Особенности-техники» характерны для «практик новых мобильностей» (Дж. Урри), которые составляют сегодня сетевую и потоковую морфологию социального мира. В разной степени «особенности-техники» свойственны основным группам мобильностей (Дж. Урри).

Автор считает, что в обеспечении информационной безопасности в том числе важно обращать внимание на взаимосвязи между указанными видами мобильности, равно как и на дискурсы, в которых отдают предпочтение одной или другой среди них. Условием обеспечения информационной безопасности является сегодня доступ к мобильности, который, в свою очередь, зависит от доступа к системе мобильностей, различающейся по мощности.

Скорость становится еще одной фундаментальной характеристикой современного общества. Действия без движения, производимые с помощью коммуникации, оказываются более масштабными, чем те, которые можно осуществить с помощью физических перемещений. Скорости процессов оказываются завязанными не на движения, а на информационные потоки. В этом обществе тем больше скорость жизни, чем менее люди движутся. Это не скорость движения, а скорость решений, скорость трансакций [275].

Через призму нового понимания скорости мобильности предлагается рассматривать как общие практики обеспечения информационной безопасности. Представление об их организации частично раскрывается через понятия каналов, туннелей и потоков (Дж. Урри).

Отдельно анализируются такие характерные «техники» новых мобильностей, как объектуализация отношений (появление «объектно-центрированной социальности») (К. Кнорр-Цетина), делокализация действия, контрфактуальность мышления и калькуляция риска (Э. Гидденс). Идея объектуализации предполагает, что мы переживаем переход форм социальной связи от социальной и нормативной интеграции к объектам как партнерам по отношениям или компонентам включающей среды. Объекты могут рассматриваться как своего рода средства преодоления рисков и неудач, заключенных в человеческих отношениях. В частности, поскольку многие объекты повседневной жизни превращаются в высокотехнологичные приспособления, некоторые из свойств, демонстрируемых объектами в экспертных контекстах, могут привноситься в повседневную жизнь, превращая инструмент или товар в повседневную эпи-

стемическую вещь [259], обеспечивающую безопасность реализации интереса.

Делокализации социальных действий, их извлечение из конкретного контекста и свободное перемещение в самых широких пространственно-временных рамках также позволяют с большей эффективностью реализовывать и защищать свои интересы. Этот процесс осуществляется с помощью «высвобождающих механизмов», или абстрактных систем, которые включают в себя экспертное знание и «символические знаки». «Символические знаки» являются средствами социального обмена, обладают стандартной ценностью и взаимозаменяемостью в любом наборе социальных контекстов (образцом таких символических знаков являются деньги).

С нарастанием варьирования ситуации/коммуникации неизбежным становится крайняя нестабильность ситуации и эксцентричность их последствий, что объясняет центральную роль контрфактуальности мышления и калькуляций риска как важнейших элементов в обеспечении информационной безопасности субъекта. Отмечается, что в настоящее время мобильности как практики в обеспечении информационной безопасности характерны для защиты интересов «частного», которое активно колонизирует «общественное» (З. Бауман).

Сегодня государство, преследуя цели обеспечения безопасности личности, общества, сохранения самого себя, сталкивается с нивелирующей и разрушающей силой информационных сетей и потоков. «Потоки действуют опустошающе на существующие общества, в частности, за счет избыточного количества возникших «социаций», ставящих своей целью отражать, оспаривать, уклоняться, предлагать альтернативы или отстаивать различные потоки, часто выходящие за пределы социетального “региона”. …Описанные конфигурации ослабляют способность социетально сплачивать своих граждан, принимать политические решения от имени общества в целом, обеспечивать национальной идентичностью и озвучивать единогласное мнение национального государства…» [165, с. 58–59].

Автор указывает на важность того, чтобы новые практики мобильности, позволяющие процветать в условиях хаоса и неопределенности, начали осмысливаться и использоваться как

практики обеспечения информационной безопасности национальных сил в условиях всепоглощающей глобализации.

Прямое отношение к обеспечению информационной безопасности имеют темпоральные характеристики социальной практики. Чем выше уровень интенсивности (скорости и разнообразия) коммуникаций, осуществляемых субъектом, тем в большей безопасности он пребывает в смысле защищенности своих интересов в условиях роста информационных потоков и устаревания информации. Лестница субъектов действия (В.Н. Муравьев); люди прошлого, настоящего, будущего (Э. Тоффлер); человек пространства и человек времени (З. Бауман) – являются метафорами различения субъектов по их возможностям интенсивности информационного взаимодействия с миром. Чем выше уровень интенсивности (скорости и разнообразия) коммуникаций, осуществляемых субъектом, тем в большей безопасности он пребывает в смысле защищенности своих практик в условиях роста информационных потоков и устаревания информации. Виды социальности – абсолютная (институты), относительная (сети), ситуативная и частная (отдельные интеракции), альтерсоциальность (пространство потоков) – также возможно рассматривать как различные в темпоральном отношении способы социального информационного взаимодействия или как техники обеспечения информационной безопасности.

Высокая интенсивность коммуникаций в обеспечении безопасности становится возможной благодаря такому феномену, как «приватизация безопасности» (А.Ю. Полтораков). Приватизация безопасности, которая выражается в росте многообразия частных структур обеспечения безопасности, также является особенностью современных практик и структур обеспечения информационной безопасности. Мобильность практик обеспечения безопасности и приватизация безопасности связаны тесным образом. Ставится проблема соотношения защиты интересов частного и общего (целого), которая получает развитие в третьей главе исследования.

Зафиксировано противоречие между локальностью структур обеспечения безопасности и потоковым, сетевым характером информационных угроз, не имеющих территориальной ло-

кализации. Сети и потоки развивают действие экстерриториально, нормы, отрываясь от локальных культур, становятся относительными, ситуационными. С нарастанием сетей и потоков растет несостоятельность структур обеспечения информационной безопасности в силу их локальности и нормативности.

Приведенные в работе общие характеристики и «особенности-техники» общих практик информационной безопасности свойственны, прежде всего, практикам ведения информационного противоборства – борьбы в информационной сфере, которая предполагает комплексное деструктивное воздействие на информацию, информационные системы и информационную инфраструктуру и защиту от подобного воздействия.

Как социальные практики в обеспечении информационной безопасности рассматривается информатизация общества, и в том числе политика государства по информатизации общества и обеспечению независимости информационной инфраструктуры. Развитие информационной инфраструктуры общества обеспечивает «инфраструктуру мобильностей» социальных субъектов. Сама информационная инфраструктура и развитая информационная индустрия общества рассматриваются в исследовании как социальные структуры в обеспечении информационной безопасности государства.

Обеспечение информационной безопасности можно рассматривать на уровне социальных практик и уровне социальных структур или институций (структур институционального характера). Автор обращает внимание на то, что представление о структурах (отчасти и институтах) обеспечения информационной безопасности сегодня носит системный характер.

Приводится краткий обзор существующих институций (структур) в обеспечении информационной безопасности (информационное право, управленческие государственные структуры в области информационной политики и обеспечения информационной безопасности и др.) Государство как институт обеспечения безопасности общества разрабатывает информационную политику, основные направления которой первоначально были заложены в Доктрине информационной безопасности. Эта политика направлена на поддержание и формирование различного рода систем, институтов, защищающих и развивающих инфор-

мационную сферу. Отмечается, что основные сегменты этих структур, их нормативный и правовой характер развиваются такой отраслью знания, как информационное право.

Социальные средства активизации, воспроизводства и развития информационного ресурса субъектов – когнитивные структуры и институты общества – также рассматриваются как структуры в обеспечении информационной безопасности. Это институты семьи, образования, а также структуры формирования и развития социального интеллекта в целом, социальной памяти и общественного мнения, а также научных и других творческих школ, течений и т. д. (И.В. Соколова).

К структурам обеспечения информационной безопасности можно отнести различные организации по производству экспертного знания. Сегодня – это не только научные и образовательные структуры. Речь идет о беспрецедентном росте аналитических структур различного уровня, занимающихся анализом и прогнозированием экономических и социальных процессов (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр и др.).

В работе была предложена концептуализация проблемы информационной безопасности в узком смысле этого слова – защита информации и защита от информации (социальные практики) в условиях киберпространства Сети. Автор уходит от предложенной ранее методологии рассмотрения обеспечения информационной безопасности через понятия «практики» и «структуры». Причиной тому явился особый подход к сетевому виртуальному пространству, предлагаемый в исследовании. Приводятся характеристики сетевых практик обеспечения безопасности в киберпространстве и выделяются основные группы угроз безопасности в Интернете.

Предпринята попытка концептуализации пространства сетевых коммуникаций (киберпространства) через призму неклассической теории эволюции Н. Лумана. Автор рассматривает Сеть как средство накопления и ускорения девиации/варьирования социальных коммуникаций. В условиях все большей комплексности общества появляются дополнительные структуры накопления и ускорения варьирования коммуникации (девиации/инновации). Сетевая коммуникация (киберпространство) и есть такая дополнительная структура.

В контексте заявленного подхода сетевые коммуникации рассматриваются как новый очаг аномии, необходимый и функциональный для устойчивости социального порядка общества. Отмечается, что киберпространство (современный Интернет) в качестве сетевого коммуникативного пространства позволяет «локализовывать» и одновременно накапливать и ускорять девиации/инновации (новые социальные практики), тем самым являясь мощным новым фактором инновационного развития. С другой стороны, общество сохраняет целостность и упорядоченность, выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации).

Появляется все большее количество угроз информационного характера, связанных с защитой информации и защитой от информации. Коммуникация, все более обретая среду киберпространства, развивает информационный аспект традиционных угроз обществу, государству и личности. С другой стороны, появляются новые информационные угрозы, обусловленные виртуализацией социальных процессов.

Автор считает, что сеть Интернета как структура накопления и ускорения девиации/инновации в ближайшее время сохраняет баланс безопасности интересов частного и общего. Частное продолжает колонизировать общественное, но в большей мере это происходит в киберпространстве сетей и потоков. Система общества сохраняет целостность, общность (государственность, национальное единство), относительную устойчивость основных социальных институтов, выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации), реализующей интересы частного (отдельных социальных групп, социальных организаций, субкультур, отдельных индивидов). Тем самым, разрешается противоречие, которое заключается в разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта (личности, общества, государства) и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. «Рост частоты информационных импульсов» (Н. Луман), выраженный в усилении девиантности, является, по сути, оборотной сторо-

ной колонизации «частного» «общественным» (З. Бауман). Эта «колонизация», в большей мере, происходит в Сети, позволяя тем самым сохранять статус «общественного», социального в актуальной действительности общества.

В контексте подобных рассуждений интерес для перспективы исследования составляет вопрос соотношения национальной и государственной безопасности. В «Стратегии национальной безопасности России до 2020 года» национальная безопасность определяется как защищенность интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз [6]. Отмечается, что суть проблемы конструирования понятия национальной безопасности состоит в вопросе поиска защищенности баланса интересов частного (личности, социальной группы) и целого (нации, государства).

Национальная безопасность выступает как совокупность практик по защите и интересов частного, и интересов целого: это и защита права на девиацию/инновацию и защита нормы, закона как ограничения коммуникации/практики, гаранта безопасности целостности и упорядоченности, стабильности. Государственная безопасность предполагает иное – прежде защита целостности и порядка. В этом смысле, система государственной безопасности по природе своей противостоит девиации/инновации как вариативности коммуникации (вариативности социальных практик), нарушающей порядок.

Если говорить о том, что частные, социальные структуры общества сегодня обусловливают рост интенсивности информационных потоков, то государственная безопасность – это обеспечение информационной безопасности целого (социума в целом) и в связи с этим, в большей мере, защита от информации (девиации/инновации), разрушающей устойчивость и системность социального организма. Национальная безопасность – это обеспечение безопасности роста вариативности и виртуализации социальных практик (право личности на информацию) при защите целого.

В работе предложен еще один вектор концептуализации киберпространства. Автор предлагает подойти к пониманию Сети, в частности Интернету, как системе мобильностей. Если представлять морфологию современности как совокупность се-

тей и потоков, то современное киберпространство, или Интернет, можно рассматривать как Метасеть, которая является родовым началом такого представления об обществе. Киберпространство, на наш взгляд, становится основным инструментом в реализации целей, защите интересов, соответственно, в обеспечении информационной безопасности.

Отмечается, что киберпространство возможно представить как конгломерацию магистралей и маршрутов. Маршруты определяют различные узлы циркуляции потоков (Дж. Урри). Эти узлы, в свою очередь, определяются сетевым социальным капиталом, которым обладают акторы. Отмечается, что социальный капитал в сети является и капиталом мобильности.

Автор расширяет список возможных видов мобильностей за счет фиксации роста форм виртуальной, социально-рефлексивной подвижности. Следом, через призму практик мобильностей как общих практик информационной безопасности (вторая глава), идет обращение к осмыслению Сети (как совокупности сетевых практик) как системе мобильностей. В контексте идеи различения социального капитала в Сети на капитал высокой сетевой плотности и капитал, относительно свободный от связей (Г.В. Градосельская), делается предположение, что сетевые практики обеспечения информационной безопасности реализуются в условиях «плотных сетей», в том числе для решения проблемы избыточной информации и устаревшей информации, а также в условиях «сетей слабых связей», для решения несколько иных задач – ориентации в информационном пространстве на предмет поиска источников новых ресурсов.

Характер социальных практик в киберпространстве и особенности сетевой, потоковой организации виртуального социального пространства Интернета определяют ряд особенностей сетевых практик обеспечения информационной безопасности:

1. Сетевые практики обеспечения информационной безопасности определяются функциональным значением, а не местом, в котором находятся акторы. Места (территории) теперь определяются производными функциональных узлов сети.

2. Общей особенностью сетевых практик обеспечения информационной безопасности и, соответственно, универсальным способом воздействия на функциональные макросети является

формирование персональных микросетей. Персональные микросети можно рассматривать как «плотные сети» капитала мобильности, а функциональные макросети – сети слабых связей, также составляющие капитал мобильности актора.

3. Практики безопасности в сети обусловлены матричной природой сетевого пространства, или свойством клонируемости ячеек сети, что позволяет охватывать трансформации крупных массивов объектов. С другой стороны, каждая ячейка сети способна не только клонировать матричную ячейку, но и реализовывать индивидуальное начало, что обусловливает возможность высокой вариативности практик безопасности.

4. Различные формы социальных ограничений социальных пространств, представленных в Сети, задают различные практики обеспечения безопасности, которые соответствуют институциональному пространству, пространству частной и ситуативной интеракции, пространству социальной сети, с характеристиками «относительной социальности», и пространству потоков, представленных «антисоциальностью» (Д. Иванов).

5. Критерием обеспечения безопасности (устойчивости в условиях изменчивости) в Сети является направленность, плотность и интенсивность информационных потоков или сетей.

6. Информационная безопасность, прежде всего в Интернете, – это практики культивирования темпоральных разрывов или практики преодоления разрывов в защите информации и защите от информации. Практики преодоления разрывов осуществляются в целях ориентации в общем информационном пространстве на предмет контроля за информацией.

7. Общими нормами сетевых практик информационной безопасности становятся свобода риска и комфортабельность безнормности.

Автор отмечает такую особенность сетевых практик, как «бремя мобильности». Сетевые практики обеспечения информационной безопасности сегодня – это необходимость, которая становится атрибутом современной жизни любого социального субъекта, требующая неустанной работы с информацией, включающей в себя взаимодействие с различными экспертными системами, делокализацию действия, бремя свободы и риска. Возможно предположить, что избыток информации провоцирует

гипертрофию практики информационной безопасности. Последнее, на наш взгляд, является проблемой будущего и необходимым вектором в последующих исследованиях.

В работе предложена типологизация информационных угроз в условиях сети. Выделены основные группы угроз информационной безопасности, обусловленных сетевыми коммуникациями:

– угрозы безопасности личности, связанные с расширением возможностей манипулирования сознанием человека, информационной перегрузкой, с ростом Интернет-зависимости и развитием форм психосоциальной депривации;

– угрозы использования во вред персональных данных (расширение возможностей скрытого сбора персональной информации);

– информационные угрозы, связанные с расширением масштабов манипуляции общественным мнением, появлением возможностей эффективной организации деструктивных процессов в ценностных системах общества;

– информационные угрозы безопасности личности, общества, государства, связанные с эффективностью работы сетевых структур отечественной и международной преступности и терроризма;

– угрозы неконтролируемого распространения информационно-психологического оружия и его применения в информационных войнах;

– угрозы стабильности существующих политических режимов власти: системные и периферийные, также обусловленные сетевой логикой многих социальных процессов в обществе.

Отмечается, что каждая из перечисленных групп угроз нуждается в более детальной проработанности. Необходима выработка критериев классификации групп угроз, формирование видов классификаций групп угроз, отвечающих различным профессиональным задачам специалистов, занимающихся проблемами безопасности. В Доктрине информационной безопасности РФ от 2000 года выделяются три основных группы методов обеспечения информационной безопасности: правовые, организационно-технологические и экономические. Отдельно необходимо говорить о формировании общих и профессиональ-

ных компетенций в области работы в сетевом коммуникативном пространстве как о важнейшей группе методов обеспечения информационной безопасности. В данном случае под компетенциями понимаются знания сетевого коммуникативного пространства, навыки и умения работы в нем.

В итоге, в исследовании задается социально-философский, социологический подход к определению информационной безопасности – «защищенность социальных практик или обеспечение безопасности социальных практик информационной среды в условиях роста интенсивности информационных потоков и устаревания информации». Как подобный подход соотносится с определением безопасности, заданным в первой главе, – устойчивость социального порядка в условиях роста девиации? Полагаем, что устойчивость (которая носит относительный характер) обеспечивается защитой собственной информации и защитой от неприемлемой для субъекта (закрыто-открытой системы) информации в условиях продолжающейся селекции новых вариаций коммуникации. Должен выдерживаться «коридор» движения субъекта. С ходом времени, с нарастанием информационных потоков этот коридор безопасности сужается.

В предлагаемом определении информационной безопасности на второй (внутренний) план уходит утверждение о защите информации и защите от информации. Видимый (внешний) контур в определении фиксируется в формулировке: «защищенность социальных практик информационной среды в условиях нарастания информационных потоков и устаревания информации». Автор ставит проблему защиты информации и защиты от информации в условиях роста интенсивности и устаревания «различения различения», которая возникает в двух неравнозначных социальных мирах актуальной и виртуальной реальности.

Выработанная автором теоретико-методологическая основа анализа обеспечения информационной безопасности является фундаментом для более глубокого подхода к осмыслению современных информационных социальных процессов. Теоретический и методологический потенциал авторской концепции может быть использован для разработки практических рекомендаций в области управления развитием комплексов социальных процессов различной интенсивности и направленности. В част-

ности, возможности предлагаемого подхода к информационной безопасности могут быть использованы в качестве теоретико-методологического инструментария для «сценарного анализа в управлении безопасностью» и «моделирования» информационного управления безопасностью, разрабатываемых сегодня В.Л. Шульцом.

Идеи, предложенные в исследовании, могут внести вклад в развитие такого научного направления, как информационное противоборство, задать новый импульс к развитию исследовательских практик в предметной области социальной информатики как на уровне теоретико-методологического знания (основные категории, понятия и закономерности прохождения информационных процессов в обществе), так и на среднем – социологии информатизации (социальный «срез» экономических, правовых, психологических и других аспектов информатизации).

Считаем, что в целом предложенное исследование может составить концептуальное основание для перспектив таких предметных областей знания, как философия и социология информационной безопасности.

Результаты исследования могут стать теоретической и методологической основой для формирования учебных курсов и спецкурсов, посвященных современному обществу, проблемам безопасности общества, государства, личности в рамках социальной философии, философской антропологии, социологии, политологии, в дальнейших теоретико-методологических исследованиях информационной безопасности.

Разработанная концепция информационной безопасности может быть использована для осмысления и коррекции политики обеспечения информационной безопасности на различных уровнях управления социальными процессами, как в реализации интересов «частных», отдельных социальных субъектов, так и защите интересов «общего», общества и государства. На взгляд автора, в результатах исследования заложены методологические возможности концептуализации соотношения понятий национальной и государственной безопасности.

Надеемся, что изложенная работа составит вклад в развитие методологии обеспечения национальной и государственной безопасности России. В 2008 г. Советом Национальной Безопас-

ности был принят документ «Приоритетные проблемы научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации». Среди гуманитарных проблем обеспечения информационной безопасности в документе зафиксированы в том числе:

– исследование проблем обеспечения информационной безопасности информационного общества;

– исследование проблем формирования и реализации государственной политики в области развития информационного пространства России на основе соблюдения баланса интересов личности, общества и государства;

– исследование проблем формирования понятийного аппарата в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации [5].

Результаты предложенной работы в различной мере способствуют развитию указанных направлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы и нормативные правовые акты

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://base.garant.ru/182535/ (дата обращения: 26.08.2013). – Загл. с экрана.

2. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-I «О безопасности» (с изм. и доп.) : (утратил силу). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://base.garant.ru/10136200/ (дата обращения: 26.08.2013). – Загл. с экрана.

3. Концепция национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/snconold.htm. – Загл. с экрана.

4. Национальный стандарт РФ «Методы и средства обеспечения безопасности. Часть 1. Концепция и модели менеджмента безопасности информационных и телекоммуникационных технологий» (ГОСТ Р ИСО/МЭК 13335-1-2006). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://rfcmd.ru/sphider/docs/InfoSec/GOST-R_ISO_IEC_13335-1-2006.htm (дата обращения: 26.08.2013). – Загл. с экрана.

5. Приоритетные проблемы научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации : утв. исполняющим обязанности Секретаря Совета Безопасности Рос. Федерации, председателя Научного совета при Совете Безопасности Рос. Федерации 7 марта 2008 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.scrf.gov.ru/documents/93.html. – Загл. с экрана.

6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. : утв. Указом Президента РФ 12 мая 2009 г. № 537. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html (дата обращения: 26.08.2013). – Загл. с экрана.

7. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации : (утв. Президентом Рос. Федерации В. Путиным 7 февр.

2008 г. № Пр-212). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.scrf.gov.ru/documents/90.html (дата обращения: 21.03.2014). – Загл. с экрана.

8. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12148555/ (дата обращения: 21.03.2014). – Загл. с экрана.

9. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12181538/ (дата обращения: 26.08.2013). – Загл. с экрана.

10. Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и Федеральный закон "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления"». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://base.garant.ru/70393024/#block_111 (дата обращения: 21.03.2014). – Загл. с экрана.

Монографии, учебные пособия, справочники

11. Абдеев, Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – М. : ВЛАДОС, 1994. – 336 с.: 58 ил.

12. Антоновский, А. Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем / А. Ю. Антоновский. – М. : ИФ-РАН, 2007. – 143 с.

13. Арзуманян Рачья Кромка Хаоса. Сложное мышление и сеть: парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века / Рачья Кромка Хаоса Арзуманян. – М. : Изд. Дом «Регнум», 2012. – 600 с.

14. Артамонова, Я. С. От кризиса к социальной стабильности: влияние информационной безопасности на формирование института доверия / Я. С. Артамонова, Е. Н. Васильева. – Балашиха : Воен.-техн. ун-т при Спецстрое России, 2010. – 220 с.

15. Аршинов, В. И. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации / В. И. Аршинов, Ю. А. Данилов, В. В. Тарасенко // Онтология и эпистемология синергетики. – М. : Ин-т философии РАН, 1997. – С. 101–118.

16. Барт, А. NETОкратия Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Барт, Я. Зондерквист : пер. с англ. В. Мишучкова. – СПб. : Стокгольм. шк. в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.

17. Бауман, З. Индивидуализированное общество : пер. с англ. / З. Бауман ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2002. – 390 с.

18. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.

19. Бачинин, В. А. Социология : Академический курс / В. А. Бачинин. – СПб. : Изд-во Р. Асланова : Юрид. центр Пресс, 2004. – 871 с.

20. Бачило, И. Л. Информационное право / И. Л. Бачило, В. Н. Лопатин, М. А. Федотов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 789 с.

21. Безопасность социально-экономических систем / В. Л. Шульц, В. В. Цыганов, Р. Ф. Идрисов, Н. Н. Терехова. – М. : Наука, 2009. – 272 с.

22. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

23. Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Готтхард Бехманн ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского [и др.]. – 2-е изд. – М. : Логос, 2011. – 248 с.

24. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.

25. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – CLXX, 783, 3 с., 1 л. портр. : диагр., табл. – (Постиндустриальный мир Даниела Белла). -

26. Бондаренко, С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ / С. В. Бондаренко. – Ростов-н/Д : Изд-во РГУ, 2004. – 320 с.

27. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М. : Рудомино, 2001. – 233 с.

28. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Обросвет, 2000. – 387 с.

29. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – М. : Библион : Рус. кн., 2003. – 272 с.

30. Брукс, Д. Бобо в раю. Откуда берется новая элита / Девид Брукс. – М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 296 с.

31. Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье. – СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т эксперимент. социологии, 2005. – 576 с. – («Gallicinium»).

32. Бухарин, С. Н. Методы и технологии информационных войн / С. Н. Бухарин, В. В. Цыганов. – М. : Акад. Проект, 2007. – 382 с.

33. Ваганов, А. Краткая феноменология Всемирной Паутины / А. Ваганов // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета / под общ. А. П. Королевой ; Ин-т философии РАН. – М. : Традиция, 2000. – 280 с. – С. 42–53.

34. Валерстайн, Э. Конец знакомого мира : Социология XXI века : пер. с англ. / Э. Валерстайн ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 368 с.

35. Василенко, Л. А. Социология неравновесных процессов становления информационного общества: методологические подходы / Л. А. Василенко // Синергетическая парадигма. – М. : Проспект – традиция, 2009. – 688 с.

36. Василенко, И. А. Политическая философия : учебн. Пособие / И. А. Василенко. – М. : Гардарики. 2004. – 240 с.

37. Василенко, И. А. Геополитика современного мира: учебник для бакалавров / И. А. Василенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2013. – 420 с.

38. Вахштайн, В. С. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории / В. С. Вахштайн // Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. С. Вахштайн. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 392 с. – С. 7–42.

39. Вершинин, М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе / М. С. Вершинин. – СПб. : Михайлов В. А., 2001. – 252 с.

40. Викторов, А. Ш. Введение в социологию безопасности. Курс лекций / А. Ш. Викторов. – М. : «Канон+» : РООИ «Реабилитация», 2008. – 568 с.

41. Вилирио, П. Информационная бомба. Стратегия обмана ; пер. с фр. / П. Вилирио ; пер. с фр. И. Окуневой. – М. : Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры» : Гнозис, 2002. – 101 с.

42. Владимирова, Т. В. Социальное взаимодействие как информационный процесс / Т. В. Владимирова // Социальная система как информационное взаимодействие : коллектив. моногр. / В. И. Игнатьев, Т. В. Владимирова, А. Н. Степанова. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2009. – Разд. 1, с. 47–152.

43. Владимирова, Т. В. Государственная и национальная безопасность России: к вопросу инновационного развития // Новая парадигма управления социально-экономическим развитием регионов России : коллектив. науч. моногр. / М. В. Васильева, Т. В. Владимирова, Е. В. Романенко, В. П. Часовской ; под общ. ред. М. В. Васильевой ;

АНО содействия развитию соврем. отечеств. науки Изд. Дом «Науч. обозрение». – М. : Планета, 2013. – 212 с. – Гл. 4, с. 130–158.

44. Волков, В. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.

45. 43. Ву, Т. Главный рубильник. Расцвет и гибель информационных империй от радио до интернета / Тим Ву ; [пер. с англ. А. Лаирова]. – М. : Манн, Иванов и Фербер : Эксмо, 2013. – 384 с.

46. Гибсон, Дж. А. Империализм / Дж. А. Гибсон. – М. : Кн. дом «Либроком», 2010. – 288 с. – (Из наследия мировой политологии).

47. Гидденс, Э. Устроение общества : Очерк теории структурации / Э. Гидденс. – М. : Акад. проект, 2003. – 528 с.

48. Гидденс, Э. Социология : пер. с англ. / Э. Гидденс, К. Бердсолл. – М. : Эдиториал, 2005. – 632 с.

49. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь : пер. с англ. / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.

50. Гилинский, Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль / Я. И. Гилинский. – СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2004. – 322 с.

51. Гиляревский, Р. С. Информационный менеджмент: управление информацией, знанием, технологией / Р. С. Гиляревский. – СПб. : Профессия, 2009. – 304 с.

52. Градосельская, Г. В. Сетевые измерения в социологии : учеб. пособие / Г. В. Градосельская ; под ред. Г. С. Батыгина. – М. : Феникс, 2004. – 184 с.

53. Гусаим, В. Г. Основы теории национальной безопасности : учебное пособие / В. Г. Гусаим, А. И. Поздняков, В. С. Шевцов ; под общ. ред. А. И. Позднякова. – Голицыно : ГПИ ФСБ России, 2013. – 212 с.

54. Гухман, В. Б. Философия информационного подхода / В. Б. Гухман ; Твер. гос. техн. ун-т. – Тверь : Изд-во ТГТУ, 2000. – 167 с.

55. Давыдов, Ю. Н. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса (метасоциологические итоги социологии XX века) / Ю. Н. Давыдов // История теоретической социологии : в 4 т. / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. – М. : Канон+ : ОИ «Реабилитация», 2002. – Т. 4. – С. 597–625.

56. Давыдов, Ю. А. Постмодернизм: вызов стабилизационному сознанию в социологии? : Ранний предвестник или инициатор нового кризиса? / Ю. Н. Давыдов // История теоретической социологии : в 4 т.

/ отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. – М. : Канон+ : ОИ «Реабилитация», 2002. – Т. 4. – С. 689–699.

57. Дебор, Ги. Общество спектакля / Ги Дебор. – М. : Логос-Радек, 2000. – 184 с.

58. Делёз, Ж. Ризома / Ж. Делёз, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодерна : сб. пер. и реф. / сост. А. Р. Усманова. – Минск : Красико-Принт, 1996. – С. 6–31.

59. Дзлиев, М. И. Проблемы безопасности: теоретико-методологические аспекты / М. И. Дзлиев, А. Л. Романович, А. Д. Урсул. – М. : МГУК, 2001. – 163 с.

60. Донцов, А. И. Социальная стабильность: от психологии до политики: монография / А. Донцов, Е. Перелыгина. – М. : Эксмо, 2011. – 544 с.

61. Друкер, П. Классические работы по менеджменту / П. Друкер. – М. : Моск. шк. управления «Сколково» : Альпина Бизнес Букс, 2008. – 992 с.

62. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда : пер. с англ. / Э. Дюркгейм. – М. : Канон, 1996. – 431 с.

63. Дюркгейм, Э. Социология, ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм ; пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. – М. : Канон, 1995. – 352 с. – (История социологии в памятниках).

64. Дюркгейм, Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности : (Современные буржуазные теории) / Б. С. Никифоров (ред.). – М. : Прогресс, 1966. – С. 39–44.

65. Зарубина, Н. Н. Социологические проблемы межкультурной коммуникации в условиях глобализации / Н. Н. Зарубина // Межкультурная коммуникация в условиях глобализации : учеб. пособие / В. С. Глаголев, Н. И. Бирюков [и др.] ; / под ред. проф. В. С. Глаголева. – М. : Проспект, 2010. – 214 с. – Разд. 2.

66. Зеленков, М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации : монография / М. Ю. Зеленков. – М. : Юрид. ин-т МИИТа, 2013. – 196 с.

67. Иванов, Д. В. Общество как виртуальная реальность / Д. В. Иванов // Информационное общество : сборник. – СПб. ; М. : Изд-во АСТ, 2000. – С. 355–442.

68. Иванов, Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2000. – 96 с.

69. Иванов, Д. В. Глэм-капитализм / Д. В. Иванов. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2008. – 176 с.

70. Игнатьев, В. И. Системно-генетическая динамика социума : монография / В. И. Игнатьев. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2007. – 296 с.

71. Иззатдуст, Э. С. Национальная безопасность России: институциональный контекст и человеческое измерение / Э. С. Иззатдуст. – М. : Academia, 2010. – 255 с.

72. Илюшенко, В. Н. Информационная безопасность общества : учеб. пособие для ВУЗов / В. Н. Илюшенко. – Томск : Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1998. – 64 с.

73. Иноземцев, В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы : учеб. пособие для студентов вузов / В. Иноземцев. – М. : Логос, 2000. – 304 с.

74. Интернет-СМИ : Теория и практика : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лукиной. – М. : Аспект Пресс, 2011. – 348 с.

75. Информационная цивилизация: пространство, культура, человек / Сарат. регион. отд-ние Рос. филос. о-ва, Сарат. гос. ун-т, Сарат. гос. акад. права ; под. ред. В. Б. Устьянцева. – Саратов : Поволж. межрегион. учеб. центр. – 2000. – 167 с.

76. Информационное общество : сборник. – М. : Изд-во АСТ, 2004. – 507 с.

77. Информационное общество: экономика, власть, культура : хрестоматия : в 2 т. / сост.: В. И. Игнатьев, Е. А. Салихова. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2004. – 360 с.

78. Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И. Ю. Алексеевой и А. Ю. Сидорова. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. – 335 с.

79. Йоас Ханс. Креативность действия : пер. с нем. / Ханс Йоас. – СПб. : Алетейя, 2005. – 320 с.

80. Карр, Н. Великий переход: что готовит революция облачных технологий / Николас Карр ; пер. с англ. Андрея Баранова. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 272 с.

81. Карделан, К. Дети процессора: как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых : пер. с фр. / К. Карделан, Г. Грезийон. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 272 с. – (Психология детства : Соврем. взгляд).

82. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : Гос. ун-т – Высш. шк. экономики, 2000. – 606, [1] с.

83. Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс ; пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 324 с.

84. Кемеров, В. Е. Введение в социальную философию / В. Е. Кемеров. – М. : Акад. проект, 2001. – 314 с.

85. Кемеров, В. Е. Общество, социальность, полисубъектность / В. Е. Кемеров. – М. : Акад. Проект : Фонд «Мир», 2012. – 252 с.

86. Кнорр-Цетина, К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания / К. Кнорр-Цетина // Социология вещей : сб. ст. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 267–307.

87. Кнорр-Цетина, К. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках / К. Кнорр-Цетина, У. Брюггер // Социология вещей : сб. ст. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 307–342.

88. Князева, Е. Н. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : КомКнига, 2007. – 272 с.

89. Кравченко, С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме / С. А. Кравченко. – М. : «Анкил», 2009. – 220 с.

90. Коган, В. З. Теория информационного взаимодействия : филос.-социол. очерки / В. З. Коган. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1991. – 319 с.

91. Колин, К. К. Социальная информатика / К. К. Колин – М. : Фонд мира : Акад. проект, 2003. – 428 с.

92. Котелкин, А. И. Матрицы влияния. Теория и практика экономического управления / А. И. Котелкин, М. М. Мусин. – М. : Лето, 2003. – 296 с.

93. Кузнецов, В. Н. Социология безопасности / В. Н. Кузнецов. – М. : Книга и бизнес, 2003. – 880 с.

94. Кузнецова, Ю. М. Психология жителей интернета / Ю. М. Кузнецова, Н .В. Чудова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.

95. Кудашов, В. И. Экология сознания в информационной культуре / В. И. Кудашов ;. М-во внутр. дел Рос. Федерации, Сиб. юрид. ин-т. – Красноярск : Сиб. юрид. ин-т, 2006. – 255 с.

96. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 287 с.

97. Кудрявцев, В. Н. Нормы права как социальная информация / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 144 с.

98. Лосев, А. Ф. Вещь и имя / А. Ф. Лосев // Бытие–имя–космос / сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1993. – 958 с. – С. 802–880.

99. Луман, Н. Власть / Н. Луман / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М. : Праксис, 2001. – 250 с.

100. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М. : Логос, 2004. – 232. с.

101. Луман, Н. Социальные системы : Очерк общей теории / Н. Луман. – СПб. : Наука, 2007. – 648 с.

102. Луман, Н. Медиакоммуникации : пер. с нем. / Н. Луман, А. Глухов, О. Никифоров. – М. : Логос, 2005. – 256 с.

103. Луман, Н. Эволюция / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М. : Логос, 2005. – 256 с.

104. Луман, Н. Дифференциация / Н. Луман ; пер. с нем. Б. Скуратова. – М. : Логос, 2006. – 320 с.

105. Маклюэн, М. Понимание Медиа : Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : Гиперборея : Кучково поле, 2007. – 281 с.

106. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М. : Акад. проект : Фонд мира, 2005. – 340 с.

107. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях : монография / А. В. Манойло. – М. : МИФИ, 2003. – 388 с.

108. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М. : Норма, 2007. – 800 с.

109. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе ; пер. с англ. А. А. Юдина. – М. : АСТ : МОСКВА, 2009. – 331 с.

110. Мелик-Гайказян, И. В. Информация и самоорганизация : (Методологический анализ) / И. В. Мелик-Гайказян ; под ред. В. М. Лисицына. – Томск : Том. политехн. ун-т, 1995. – 180 с.

111. Мелик-Гайказян, И. В. Информационные процессы и реальность / И. В. Мелик-Гайказян. – М. : Наука. Физматлит, 1997. – 208 с.

112. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ : АСТ Москва : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.

113. Морутана, У. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания / У. Морутана, Ф. Варела ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс–Традиция, 2001. – 224 с.

114. Муравьёв, В. Н. Овладение временем : Избранные философские и публицистические произведения / В. Н. Муравьёв. – М. : РОСПЭН, 1998. – 320 с.

115. Момджян, К. Х. Введение в социальную философию / К. Х. Момджян. – М. : Кн. дом. «Ун-т» : Высш. шк., 1997. – 445 с.

116. Мэмфорд, Л. Техника и природа человека / Л. Мэмфорд // Новая технократическая волна на Западе / отв. ред. Гуревич П. С. – М. : Прогресс, 1986. – 453 с. – С. 225–239.

117. Мелюхин, И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции / И. С. Мелюхин. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. – 208 с.

118. 116. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ : АСТ Москва : Хранитель, 2006. – 880 с.

119. 117. Михайлов, В. В. Социальные ограничения : Структура и механика подавления человека / В. В. Михайлов. – 3-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 280 с.

120. Моисеев, Н. Н. Универсум. Информация. Общество / Н. Н. Моисеев. – М. : Устойчивый мир, 2001. – 199 с.

121. Моисеев, Н. Н. Современный рационализм / Н. Н. Моисеев. – М. : МГВП КОКС, 1995. – 76 с.

122. Моисеев, Н. Н. Восхождение к разуму: лекции по университетскому эволюционизму / Н. Н. Моисеев. – М. : ИздАТ, 1993. – 175 с.

123. Моккий, В. С. Краткое введение в информологию / В. С. Моккий, А. О. Жамборова, О. Е. Шегай. – М. : Изд-во «Новый Центр», 1999. – 150 с.

124. Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории : (Синергетика – психология – прогнозирование) / А. П. Назаретян. – М. : Мир, 2004. – 267 с.

125. Назарчук, А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации / А. В. Назарчук. – М. : Изд-во «Весь мир», 2012. – 248 с.

126. Новоженина, О. В. Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации / О. В. Новоженина // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. – М. : ИФ РАН, 2004. – С. 195–215.

127. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. В. З. Мильнера. – М. : Фонд экон. кн. «Начала», 1997. –180 с. – (Соврем. институц.-эволюц. теория).

128. Общество сетевых структур : монография / М. В. Ромм [и др.] ; под ред. М. В. Ромма, И. А. Вальдмана ; Новосиб. гос. техн. ун-т, Фак. гуманитар. образования. – Новосибирск : Наука: Изд-во НГТУ, 2011. – 327 с.

129. Опалев, А. В. Национальная безопасность / А. В. Опалев, В. С. Пирумов. – М. : «Оружие и технологии», 2010. – 232 с.

130. Ортега-и-Гассет, Х. Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Весь мир, 1997. С. 164–232.

131. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // Социология : хрестоматия / сост. Ю. Г. Волков, И. В. Мостовая. – М. : Гардарики, 2003. – С. 92–123.

132. Парсонс, Т. О структуре социального действия : пер. с англ. / Т. Парсонс ; под общ. ред. В. Б. Чесноковой, С. А. Белоновского. – М. : Акад. проект, 2000. – 879 с.

133. Паршин, С. А. Кибервойны – реальная угроза национальной безопасности? / С. А. Паршин, Ю. Е. Горбачев, Ю. А. Кожанов. – М. : КРАСАНД, 2011. – 96 с.

134. Перфильев, Ю. Ю. Российское интернет-пространство: развитие и структура / Ю. Ю. Перфильев. – М. : Гардарики, 2003. – 272 с.

135. Пирумов, В. С. Информационное противоборство. Четвертое измерение противостояния / В. С. Пирумов. – М. : «Оружие и технологии», 2010. – 256 с.

136. Плотинский, Ю. М. Модели социальных процессов : учеб. пособие для вузов / Ю. М. Плотинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Логос, 2001. – 296 с.

137. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, 2001. – 656 с.

138. Почепцов, Г. Г. Психологические войны / Г. Г. Почепцов. – 4-е изд., стер. – М. : Изд-во «Омега-Л», 2008. – 528 с.

139. Пронина, Е. Е. Психология журналистского искусства / Е. Е. Пронина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 320 с.

140. Прохожев, А. А. Теория развития и безопасности человека и общества / А. А. Прохожев. – М. : Ин-октаво, 2006. – 288 с.

141. Пушкин, В. Г. Информатика, кибернетика, интеллект : Философские очерки / В. Г. Пушкин, А. Д. Урсул ; АН МССР, Комиссия по науке и технике, Отд-ние философии и права. – Кишинев : Штиинца, 1989. – 295 с.

142. Ракитов, А. И. Философия компьютерной революции / А. И. Ракитов. – М. : Политиздат, 1991. – 287 с.

143. Расторгуев, С. П. Основы информационной безопасности : учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений / С. П. Расторгуев. – 2-е изд., стер. – М. : Изд. центр «Академия», 2009. – 192 с.

144. Расторгуев, С. П. Философия информационной войны / С. П. Расторгуев. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2003. – 496 с.

145. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.

146. Романов, О. В. Философия Интернета (генезис и синтез фундаментальных идей) / О. В. Романов. – Самара : Перспектива, 2003. – 173 с.

147. Романович, А. Л. Перспективы развития и обеспечение безопасности: философско-методологические проблемы / А. Л. Романович. – М. : Изд-во МГУК : Изд. дом «Друг», 2002. – 320 с.

148. Рыбалкин, Н. Н. Философия безопасности / Н. Н. Рыбалкин. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2006. – 296 с.

149. Смирнов, А. А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества. Опыт Европейского Союза : монография / А. А. Смирнов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. – 159 с.

150. Смолян, Г. Л. Интернет в России. Перспективы развития / Г. Л. Смолян, В. Н. Цыгичко, Д. Д. Хан-Магомедов. – М. : Едиториал УРСС, 2004, – 200 с.

151. Современная социологическая теория : Будье, Гидденс, Хабермас : учеб. пособие / сост., пер. и авт. вступ. ст. А. В. Леденева. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1995. – 120 с.

152. Соколова, И. В. Социальная информатика : учеб. пособие для студентов вузов / рец.: А. Д. Урсул, Б. А. Суслаков. – М. : Перспектива : Изд-во РГСУ, 2008. – 271 с.

153. Соколова, И. В. Социальная информатика : Новый образовательный стандарт : Курс лекций : учеб. пособие в обл. соц. работы. – М. : Издательство МГСУ, 2002. – 251 с.

154. Соколов, А. В. Метатеория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – СПб. : Изд-во РНБ, 2001. – 352 с.

155. Социология : учебник / под ред. Д. В. Иванова. – М. : Высш. образование, 2005. – 326 с.

156. Стрельцов, А. А. Обеспечение информационной безопасности России. Теоретические и методологические основы / А. А. Стрельцов ; под ред. В. А. Садовничего и В. П. Шерстюка. – М. : МЦНМО, 2002. – 86 с.

157. Тернер, Дж. Структура социологической теории : пер. с англ. / Дж. Тернер ; общ. ред. и вступ. ст. Г. В. Осипова. – М. : Прогресс, 1985. – 472 с.

158. Ткаченко, С. В. Информационная война против России / С. В. Ткаченко. – СПб. : Питер, 2011. – 224 с.

159. Тоффлер, Э. Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2001. – 560 с.

160. Тоффлер, Э. Третья волна : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2004. – 781 с.

161. Турен, А. Возвращение человека действующего : Очерки социологии / А. Турен. – М. : Науч. мир, 1998. – 204 с.

162. Урсул, А. Д. Ускорение, интенсификация, экология (Филос. методол. аспекты) / А. Д. Урсул ; АН МССР, Отд-ние философии и права. – Кишинев : Штиинца, 1988. – 279 с.

163. Урсул, А. Д. Отражение и информация : (Философия и естествознание) / А. Д. Урсул. – М. : Мысль, 1973. – 231 с.

164. Урсул, А. Д. Универсальный эволюционизм (концепции, подходы, принципы, перспективы) : учеб. пособие / А. Д. Урсул, Т. А. Урсул. – М. : РАГС, 2007. – 316 с.

165. Урри, Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики», 2012. – 336 с.

166. Урри, Дж. Мобильности / Дж. Урри ; пер. с англ. А. В. Лазарева ; вступ. ст. Н. А. Харламова. – М. : Изд. и консалтинговая гр. «Праксис», 2012. – 576 с.

167. Фукуяма, Ф. Великий разрыв : пер. с англ. / Ф. Фукуяма ; под общ. ред. А. В. Александровой. – М. : АСТ, 2003. – 476 с.

168. Фостер, Р. Созидательное разрушение / Р. Фостер, С. Каплан. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 378 с.

169. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко ; пер. с фр. Владимира Наумова под ред. Ирины Борисовой. – М. : «Ad Marginem», 1999. – 480 с.

170. Фуко, М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко ; пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. – СПб. : Наука, 2011. – 544 с.

171. Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас // Теоретическая социология : Антология : пер. с англ., фр., нем., ит. : в 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. – М. : Ун-т, 2002. – Ч. 2. – 432 с.

172. Цыганов, В. В. Информационные войны в бизнесе и политике. Теория и методология / В. В. Цыганов, С. Н. Бухарин. – М. : Акад. проект, 2007. – 324 с.

173. Черных, А. И. Социология массовых коммуникаций / А. И. Черных. – М. : Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2008. – 273 с.

174. Чупров, В. И. Молодежь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс. – М. : Наука, 2001. – 230 с.

175. Шакин, Д. Н. Информационная безопасность / Д. Н. Шакин [и др.]. – М. : «Оружие и технологии», 2009. – 256 с.

176. Шеховцев, А. Ю. Информационная парадигма в структуре современного мышления / А. Ю. Шеховцев; под ред. В. Б. Устьянцева. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – 176 с.

177. Шеховцев, А. Ю. Информационные аспекты познавательных и коммуникативных процессов / А. Ю. Шеховцев ; под ред. В. Б. Устьянцева. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – 169 с.

178. Шмидт, Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств / Эрик Шмидт, Джарел Коэн ; пер. с англ. С. Филина. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.

179. Шнайдер, Г. Криминология / Г. Шнайдер ; под ред. Иванова Л. О. (предисл.), пер. Неподаева Ю. А. – М. : Прогресс-Универс, 1994. – 502 с.

180. Штомпка, П. Социология социальных изменений: пер. с англ. / П. Штомпка ; под ред. В. М. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 415 с.

181. Шумпетер, Й. Теория экономического развития : пер. с нем. / Й. Шумпетер. – М. : Прогресс, 1982. – 455 с.

182. Щербина, В. Н. Сетевые сообщества в ракурсе социологического анализа / В. Н. Щербина. – Бердянск : Берд. гос. пед. ин-т, 2001. – 228 с.

183. Щютц, А. Смысловая структура повседневного мира : Очерки по феноменологической социологии : пер. с англ. / А. Щютц. – М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. – 334 с.

184. Эпштейн, М. Информационный взрыв и травма постмодерна / М. Эпштейн // Информационное общество: экономика, власть, культура: хрестоматия: в 2 ч. / сост.: В. И. Игнатьев, Е.А. Салихова. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2004. – Ч. 2. – С. 183–195.

185. Эриксен, Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации / пер. с. норвеж. Рачинской Е. С. [и др.]. – М. : Весь мир, 2003. – 208 с.

186. Янсен, Ф. Эпоха инноваций : пер. с англ. / Ф. Янсен. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 308 с.

187. Яновский, Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность / Р. Г. Яновский. – М. : Academia, 1999. – 358 с.

Статьи

188. Абрамов, Р. Н. Сетевые структуры и формирование информационного общества / Р. Н. Абрамов // Социологические исследования. – 2002. – № 3. – С. 133–140.

189. Артюхин, В. В. Веб 2.0 как источник неконструктивной активности в Интернете / В. В. Артюхин // Образовательные технологии и общество. – 2010. – № 2. – С. 327–344.

190. Акопов, А. И. Электронные сети как новый вид СМИ / А. И. Акопов // Филологический вестник РГУ. – 1998. – № 3. – С. 29–34.

191. Акопов, Г. Л. Политическая Интернет-модернизация: некоторые теоретические предпосылки к исследованию / Г. Л. Акопов // Политика и общество. – 2011. – № 8. – С. 4–8.

192. Акопов, Г. Л. Влияние интернет-сетевого сообщества на процессы демократизации в современной России / Г. Л. Акопов // Политика и общество. – 2011. – № 4. – С. 21–27.

193. Акопов, Г. Л. Политико-правовые угрозы распространения социально-ориентированных интернет-технологий / Г. Л. Акопов // Национальная безопасность / Nota bene. – 2012. – № 2. – С. 60–67.

194. Аносов, В. Д. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности / В. Д. Аносов, В. Е. Лепский, А. А. Стрельцов // Информационное общество. – 1997. – № 4–6. – С. 43–47.

195. Арсентьев, М. В. К вопросу о понятии об информационной безопасности / М. В. Арсентьев // Информационное общество. – 1997. – № 4–6. – С. 48–50.

196. Атаманов, Е. Г. Информационная безопасность: сущность и содержание / Е. Г. Атаманов // Бизнес и безопасность в России. – 2007. – № 47. – С. 104–109.

197. Балахонский, В. В. Системно-информационные и синергетические основания философского осмысления феномена социальной безопасности / В. В. Балахонский // Философия права. – 2011. – № 1 (44). – С. 19–23.

198. Барон, Наоми С. Люди, в которых мы превращаемся: цена постоянного нахождения на связи / Наоми С. Барон // Информационное общество. – 2010. – № 5. – С. 18–29.

199. Батаева, Е. В. Этнометодологический анализ онлайн-коммуникаций: кризисный эксперимент в чатах / Е. В. Батаева // Социс. – 2011. – № 12. – С. 88–98.

200. Батаева, Е. В. Социальная феноменология киберкоммуникации / Е. В. Батаева // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2011. – № 1. – С. 52–66.

201. Бахтин, С. А. Интернет-экономика – новый вызов национальной экономической безопасности: общая характеристика / С. А. Бахтин // Национальная безопасность / Nota bene. – 2012. – № 6 (23). – С. 118–122.

202. Букреев, И. Н. Социальные аспекты информационной безопасности / И. Н. Букреев // Информационное общество. – 1998. – № 1. – С.42–43.

203. Бусыгина И. М. Политические условия и ограничения инновационного развития России / И. М. Бусыгина, М. Г. Филиппов // Вестник Института Кеннана в России. – 2010. – Вып. 8. – С. 7–22.

204. Бороноев, А. О. О понятиях «общество» и «социальное» / А. О. Бороноев, П. И. Смирнов // Социс – 2003. – № 8. – С. 3–11.

205. Брандман, Э. М. Информационная безопасность российского общества в современных условиях / Э. М. Брандман // Власть. – 2007. – № 5. – С. 68–71.

206. Вахштайн, В. С. «Практика» vs. «Фрейм»: альтернативные подходы к исследованию социального мира / В. С. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7, № 1. – С. 65–95.

207. Вахштайн, В. С. Возвращение материального. Пространства, сети, потоки в акторно-сетевой теории / В. С. Вахштайн // Социологическая теория: история, современность, перспективы / под ред. А. Ф. Филиппова. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – С. 489–523.

208. Вахштайн, В. С. Социология гибридного мира: фреймы, сети, актанты / В. С. Вахштайн // «Современность/Post. Альманах социокультурных исследований». – 2006. – № 1. – С. 119–124.

209. Виноградов, В. А. Информация и глобальные проблемы современности / В. А. Виноградов // Вопросы философии. – 1983. – № 12. – С. 95–98.

210. Владимирова, Т. В. Информационные основания самореференции личности / Т. В. Владимирова // Философия образования. – 2006. – № 2 (16). – С. 337–343.

211. Владимирова, Т. В. Информационные основания социального взаимодействия / Т. В. Владимирова, В. И. Игнатьев // Ученые записки РГСУ. – 2007. – № 1 (53). – С. 121–126.

212. Владимирова, Т. В. Интенсивность социального информационного взаимодействия как критерий дифференциации современной личности / Т. В. Владимирова // Социальная политика и социология. – 2007. – № 2. – С. 200–207.

213. Владимирова, Т. В. Безопасность как устойчивость социального порядка / Т. В. Владимирова // Труды института / Ин-т ФСБ России (г. Новосибирск). – Новосибирск, 2010. – № 37. – С. 16–31.

214. Владимирова, Т. В. Проблема безопасности в условиях сетевых коммуникаций / Т. В. Владимирова // Труды института / Ин-т ФСБ России (г. Новосибирск). – Новосибирск, 2010. – № 37. – С. 44–54.

215. Владимирова, Т. В. Социологическое знание и безопасность в сетевом пространстве / Т. В. Владимирова // Философия образования. – 2010. – № 3 (32). – С. 50–56.

216. Владимирова, Т. В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз / Т. В. Владимирова // Социс. – 2011. – № 5. – С. 123–129.

217. Владимирова, Т. В. Социальная безопасность: к социологической перспективе / Т. В. Владимирова // Идеи и идеалы : науч. журн. – 2011. – Т. 2, № 1 (7). – С. 78–85.

218. Владимирова, Т. В. Развитие структур накопления и ускорения девиации как условие безопасности общества / Т. В. Владимирова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV, № 2. – С. 129–146.

219. Владимирова, Т. В. Информационная безопасность: к методологическим основаниям анализа вопроса / Т. В. Владимирова // Информационное общество. – 2012. – № 5. – С. 47–52.

220. Владимирова, Т. В. Безопасность как устойчивость социального порядка в условиях возрастания девиации / Т. В. Владимирова // Национальная безопасность / Nota bene. – 2013. – № 1 (24). – С. 12–19. – DOI: 10.7256/2073–8560.2013.01.2.

221. Владимирова, Т. В. Сетевые коммуникации как новая «формула спасения» социального порядка / Т. В. Владимирова // Национальная безопасность / Nota bene. – 2013. – № 2 (25). – С. 371–378. – DOI: 10.7256/2073–8560.2013.02.16.

222. Владимирова, Т. В. Информационная безопасность: социологическая перспектива понятия / Т. В. Владимирова // Национальная безопасность / Nota bene. – 2013. – № 4 (27). – С. 597–604. – DOI: 10.7256/2073-8560.2013.4.7476.

223. Владимирова, Т. В. Уровень интенсивности коммуникаций как критерий обеспечения информационной безопасности / Т. В. Владимирова // Политика и Общество. – 2014. – № 4. – С. 461–469. – DOI: 10.7256/1812-8696.2014.4.10883.

224. Владимирова, Т. В. О необходимом знании для идентификации угроз государственной безопасности / Т. В. Владимирова

// Научно-информационный журнал «Армия и общество». – 2014. – № 2 (39). – С. 34–40.

225. Владимирова, Т. В. Взгляд на практики обеспечения информационной безопасности / Т. В. Владимирова // Информационные войны. – 2014. – № 1 (29). – С. 82–87.

226. Владимирова, Т. В. Информационная безопасность: социальные практики и структуры / Т. В. Владимирова // Национальная безопасность / Nota bene. – 2014. – № 4 (112). – С. 461–469. – DOI: 10.7256/1812-8696.2014.4.10883.

227. Говорунов, А. В. Человек в ситуации виртуальной реальности / А. В. Говорунов // Информационное общество. – 2001. – № 1. – С. 22–24.

228. Гревцов, В. Е. Развитие социальных связей и отношений в виртуальных сообществах / В. Е. Гревцов // Социосфера. – 2010. – № 1. – С. 59–61.

229. Гуменский, А. Интернет и порядок: рулить, но не грести / А. Гуменский // Международные процессы. – 2009. – № 1. – С. 154–157.

230. Давыдов, А. А. Компьютационная теория социальных систем / А. А. Давыдов // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 14–24.

231. Давыдов, А. А. О компьютационной теории социальных агентов / А. А. Давыдов // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 19–28.

232. Данилова, Е. Н. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ / Е. Н. Данилова, В. А. Ядов // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 27–30.

233. Диев, В. С. Роль философии в изучении проблем безопасности / В. С. Диев // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 1. – С. 43–45.

234. Диев, В. С. Некоторые концептуальные подходы к определению понятия «безопасность» / В. С. Диев // Вестник НГУ. Серия «Философия». – 2007. – Т. 5, Вып. 1. – С. 65–68.

235. Дугин, А. Г. Теоретические основы сетевых войн / А. Г. Дугин // Информационные войны. – 2008. – № 1 (5). – С. 2–9.

236. Дугин, А. Г. Сетецентричные войны / А. Г. Дугин // Информационные войны. – 2008. – № 1 (5). – С. 10–16.

237. Еляков, А. Д. Кибербезопасность – острейшая проблема современности / А. Д. Еляков // Свободная мысль. – 2011. – № 7–8 (1626). – С. 233–244.

238. Еляков, А. Д. Проблемы информационной безопасности в использовании электронных компьютерных технологий / А. Д. Еляков // Социс. – 2013. – № 10. – С. 120–128.

239. Емелин, В. А. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета / В. А. Емелин, А. Ш. Тхостов // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 74–84.

240. Емельянов, Г. В. Проблемы обеспечения безопасности информационного общества / Г. В. Емельянов, А. А. Стрельцов // Информационное общество. – 1999. – № 2. – С. 15–17.

241. Зарубина, Н. Н. Влияние денег на социальное конструирование времени: динамика нелинейности / Н. Н. Зарубина // Социологические исследования. – 2007. – № 10. – С. 51–66.

242. Зарубина, Н. Н. Деньги в социальном конструировании пространства / Н. Н. Зарубина // Полис. – 2008. – № 5.

243. Землянова, Л. М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура / Л. М. Землянова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 1999. – № 2. – С. 58–69.

244. Зуев, А. Общество. «Виртуальная демократия» в опасности / А. Зуев // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 5. – С. 76– 81.

245. Зуев, А. Онлайновые сообщества в «новой экономике» / А. Зуев, Л. Мясникова // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 11. – С. 15–22.

246. 244. Иванов, Д. В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема / Д. В. Иванов // Проблемы теоретической социологии. – СПб., 2000. – Вып. 3. – С. 270–299.

247. Иванов, Д. В. Актуальная социология, веселая наука в поисках злых истин / Д. В. Иванов // Журнал Социологии и социальной антропологии. – 2010. – № 2. – С. 21–51 ; № 3. – С. 51–65.

248. Ивахненко, Е. Н. Аутопойезис информационных объектов / Е. Н. Ивахненко // Информационное общество. – 2009. – № 1. – С. 23–31.

249. Игнатьев, В. И. Информационный резонанс в социальной системе / В. И. Игнатьев // Идеи и идеалы. – 2012. – Т. 1, № 3 (13). – С. 92–103.

250. Игнатьев, В. И. Современность в информационном потоке: социальная реальность vs социальная действительность / В. И. Игнатьев // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 1, № 4 (18). – С. 106–119.

251. Игнатьев, В. И. Виртуализация социального пространства и трансформация повседневных практик / В. И. Игнатьев, А. Н. Степанова // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. – 2010. – № 3. – С. 91–104.

252. Игнатьев, В. И. Модели информационного взаимодействия / В. И. Игнатьев, Т. В. Владимирова // Социально-гуманитарные исследования : сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2003. – Вып. 2. – С. 64–79.

253. Игнатьев, В. И. К онтологии социального информационного взаимодействия / В. И. Игнатьев, Т. В. Владимирова // Социально-гуманитарные исследования : сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2003. – Вып. 2. – С. 79–87.

254. Игнатьев, В. И. Индивидуализированное общество с позиции «Другого» / В. И. Игнатьев, Т. В. Владимирова // Сибирский социологический вестник. – 2003. – № 1. – С. 171–175.

255. Игнатьев, В. И. Социальное информационное взаимодействие: интенсивность и трансформации / В. И. Игнатьев, Т. В. Владимирова // Сибирский социологический вестник. – 2005. – № 1. – С. 95–110.

256. Интервью с первым заместителем председателя Комитета по безопасности Государственной Думы РФ М. И. Гришанковым // ФСБ «за» и «против». – 2009. – № 2.

257. Кемеров, В. Е. Метафизика – динамика: к вопросу об эволюции метафизики / В. Е. Кемеров // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 59–67.

258. Кемеров, В. Е. Концепция радикальной социальности / В. Е. Кемеров // Вопросы философии. – 1999. – № 7. – С. 3–13.

259. Кнорр-Цетина, К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания / К. Кнорр-Цетина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. 5, № 1. – С. 22–47.

260. Коноплицкий, С. Сетевые сообщества как объект социологического анализа / С. Коноплицкий // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 3. – С. 167–178.

261. Корбут, А. М. На что можно указать пальцем? : Фрейм, практика, вещь / А. М. Корбут // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8, № 1. – С. 71–85.

262. Корытникова, Н. В. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества / Н. В. Корытникова // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 85–93.

263. Кравченко, С. А. Социология и вызовы современной социокультурной динамики / С. А. Кравченко, В. Л. Романов // Социологические исследования. – 2004. – № 8. – С. 3–11.

264. Кузнецов, Н. А. Информационное взаимодействие как объект научного исследования / Н. А. Кузнецов, Н. Л. Мусхелишвили, Ю. А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1999. – № 1. – С. 77–88.

265. Куликов, Д. В. Человек в пространстве опосредованной коммуникации. Феномен «Эпохе телесности» // Вестник СамГУ. – 2007. – № 1. – С. 220–227.

266. Кульба, В. В. Информационное управление. Часть 1. Концептуальные основы / В. В. Кульба, В. Л. Шульц, А. Б. Шелков // Национальная безопасность / Nota bene. – 2009. – № 3. – С. 4–14.

267. Луман, Н. Глоссарий / Н. Луман // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 125–128.

268. Луман, Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114–125.

269. Мальцева, Д. В. О современных сетевых теориях в социологии / Д. В. Мальцева, Н. В. Романовский // Социс. – 2011. – № 8. – С. 28–37.

270. Манойло, А. В. Управление психологической войной в системе государственной информационной политики / А. В. Манойло // Политика и общество. – 2004. – № 1.

271. Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Рубеж : (Альманах соц. исслед.). – 1992. – № 2. – С. 89–105.

272. Миронов, Б. Н. Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации / Б. Н. Миронов // Социс. – 2013. – № 10. – С. 29–39.

273. Морозов, И. Л. Информационная безопасность политической системы / И. Л. Морозов // Полис. – 2002. – № 5. – С. 134–144.

274. Назарчук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.

275. Назарчук, А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 56–66.

276. Никитин, Б. П. О культурной природе простого виртуального события / Б. П. Никитин // Философские исследования. – 2008. – №1. – С. 41–61.

277. Норт, Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 6–12.

278. Обухов, К. Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса / К. Н. Обухов // Вестник Удмуртского университета. – 2008. – № 3. – С. 107–110.

279. Осипов, В. Ю. Проблемы противодействия информационному экстремизму, криминалу и вандализму / В. Ю. Осипов, Р. М. Юсупов // Национальная безопасность / Nota bene. – 2009. – № 5/6. – С. 80–85.

280. Патрушев, Н. П. Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России / Н. П. Патрушев // Журнал российского права. – 2007. – № 7. – С. 3–12.

281. Планирование и реализация информационного управления / В. В. Кульба [и др.] // Информационные войны. – 2010. – № 3. – С. 59–69.

282. Подвойский, Д. Г. Тропами модерна: социологические вариации на тему / Д. Г. Подвойский // Социс. – 2013. – № 10. – С. 3–12.

283. Полтораков, А. Ю. Политико-системные аспекты безопасности постиндустриального общества / А. Ю. Полтораков // Национальная безопасность / Nota bene. – 2009. – № 2. – С. 18–23.

284. Полтораков, А. Ю. Приватизация насилия: социополитический контекст / А. Ю. Полтораков // Политика и Общество. – 2009. – № 10. – С. 45–52.

285. Пономарева, Е. Г. Инновация как научная и политическая проблема / Е. Г. Пономарева, А. Э. Никифорова // Свободная мысль. – 2011. – № 1. – С. 29–44.

286. Ревич, Ю. Реалии виртуальности. Нужен ли России специальный закон об Интернете? / Ю. Ревич // ФСБ «за» и «против». – 2009. – № 2. –С. 27–30.

287. Романовский, Н. В. Интерфейсы социологии и киберпространства / Н. В. Романовский // Социологические исследования. – 2000. – № 1. – С. 16–23.

288. Русаков, А. Ю. Социальные конфликты постиндустриального общества / А. Ю. Русаков // Свободная мысль. – 2008. – №5. – С. 97–107.

289. Русаков, А. Ю. Проблема социальной обусловленности классических и симуляционных информационно-коммуникативных технологий / А. Ю. Русаков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Философия. – 2008, март. – Вып. 1. – С. 188–195.

290. Сацута, А. А. Национальная безопасность как социальное явление: современная парадигма / А. А. Сацута // Вестник Военного университета. – 2007. – № 3. – С. 36–43.

291. Серебрянников, В. В. Социальная безопасность как исследовательская проблема / В. В. Серебрянников, Р. Г. Яновский // Вестник Российской академии наук. – 1996. – Т. 66. – С. 291–304.

292. Сивиринов, Б. С. Социальная квазиреальность или виртуальная реальность? / Б. С. Сивиринов // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 39–44.

293. Скуратов, А. Б. «Пассивные» пользователи в системе информационной стратификации локального интернет-сообщества / А. Б. Скуратов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 14. – С. 206–207.

294. Скуратов, А. Б. Сетевая структура и ризоморфность локальных интернет-сообществ крупных российских городов / А. Б. Скуратов // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2008. – № 33. – С. 8–13.

295. Смирнова, А. Г. Угрозы безопасности как предмет социологического исследования / А. Г. Смирнова // Социология власти. – 2010. – № 5. – С. 81–89.

296. Смолян, Г. Л. Политико-идеологическая составляющая информационно-психологической безопасности / Г. Л. Смолян, Г. М. Зараковский // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5. – С. 29–36.

297. Соколов, Б. В. Теория информации: эволюция взглядов и подходов, современные проблемы и возможные пути развития / Б. В. Соколов, Б. В. Алексеев // Проблемы информатизации. – 2001. – Вып. 3. – С. 26–29.

298. Станчик, С. С. Роль Интернета в современных переворотах / С. С. Станчик // Национальная безопасность / Nota bene. – 2012. – № 5 (22). – С. 67–72.

299. Сундиев, И. Ю. Информационные технологии в экстремисткой деятельности молодежных объединений / И. Ю. Сундиев // Научный портал МВД России. – 2010. – № 2. – С. 11–21.

300. Суворов, А. А. Интернет: масс-медийные характеристики / А. А. Суворов // Известия Саратовского университета. – 2009. – № 3. – С. 64–70.

301. Сценарный анализ эффективности управления региональной безопасностью / В. Л. Шульц, В. В. Кульба, А. Б. Шелков, И. В. Чернов // Национальная безопасность / Nota bene. – 2014. – № 2. – С. 188–206. – DOI: 10.7256/2073-8560.2014.2.11319

302. Тарасенко, В. В. Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» / В. В. Тарасенко // Общественные науки и современность. – 2000. – № 5. – С. 111–120.

303. 301. Тихонова, С. В. Коммуникационная революция сегодня: информация и сеть / С. В. Тихонова // Политические исследования. – 2007. – № 3. – С. 53–64.

304. Трахтенберг, А. Д. В поисках утраченной альтернативы: Интернет как объект анализа в восходящих к Ж. Лакану теориях медиа / А. Д. Трахтенберг // Социальная философия и социология. – 2010. – № 1 (73). – С. 28–38.

305. Тюгашев, Е. А. Криминология и синергетика / Е. А. Тюгашев // Вестник НГУ. – 2008. – Т. 4, вып. 2. – С. 29–36.

306. Урсул, А. Д. Взаимосвязь безопасности и развития в контексте универсального эволюционизма / А. Д. Урсул // Национальная безопасность / nota bene. – 2009. – № 5/6. – С. 20–31.

307. Урсул, А. Д. Проблемы безопасности и синергетика / А. Д. Урсул // Национальная безопасность / Nota bene. – 2011. – № 2.

308. Урсул, А. Д. Природа безопасности / А. Д. Урсул // Безопасность Евразии. – 2008. – № 1. – С. 7–36.

309. Урсул, А. Д. Информатизация партии: необходимость концепции и принципы ее разработки / А. Д. Урсул // Кадры партии. – 1990. – № 2. – С. 71–80.

310. Урсул, А. Информационное пространство и безопасность предпринимательской деятельности / А. Урсул, М. Дзлиев // Безопасность Евразии. – 2001. – № 3.

311. 309. Филиппов, А. Ф. Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности / А. Ф. Филиппов // Социологический журнал. – 1998. – № 8. – С. 38–58.

312. Филиппов, А. Ф. Наблюдение современности / А. Ф. Филиппов, Н. Луман // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 185–189.

313. Цыганов, В. В. Информационное управление, как решение проблемы социально-экономического застоя при ограничениях глобального роста / В. В. Цыганов // Информационные войны – 2012. – № 3. – С. 59–69.

314. Цыганов, В. В. Механизмы изменения сознания в информационном противоборстве / В. В. Цыганов, Ю. Г. Бочкарева // Информационные войны. – 2012. – № 3 (23). – С. 2–10.

315. Цыганов, В. В. Высокие гуманитарные технологии в политической системе общества / В. В. Цыганов, В. Л. Шульц // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 85–93.

316. Черненко, Е. В. Холодная война 2.0? Киберпространство как новая арена противостояния / Е. В. Черненко // Россия в глобальной политике. – 2013. – Том 11, № 1. – С. 162–170.

317. Шерстюк, В. П., помощник Секретаря Совета Безопасности РФ. Угроза международной информационной безопасности в условиях формирования глобального информационного общества и направления

сотрудничества / В. П. Шерстюк // Право и безопасность. – 2010. – № 4 (37). – С. 24–27.

318. Шматко, Н. А. Введение в социоанализ Пьера Бурдье / Н. А. Шматко // Бурдье П. Социология политики. – М. : Socio-Logos, 1993. – С. 7–26.

319. Шматко, Н. А. Горизонты социоанализа / Н. А. Шматко // Социоанализ Пьера Бурдье : Альманах Рос.-фр. центра социологии и философии Ин-та социологии РАН. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 13–46.

320. Шматко, Н. А. «Социальное пространство» Пьера Бурдье / Н. А. Шматко // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. – СПб. : Алетейя, 2005. – С. 554–576.

321. Шульц, В. Л. Сценарный анализ в управлении социальной безопасностью / В. Л. Шульц // Национальная безопасность / Nota bene. – 2012. – № 6 (23). – С. 4–21.

322. Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас // THESIS. 1993. – Т. 1, вып. 2. □– С. 123–136.

323. Юсупов, Р. М. Информационное обеспечение национальной безопасности / Р. М. Юсупов // Национальная безопасность / Nota bene. – 2010. – № 7/8.

Справочная литература

324. Современный философский словарь / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В. Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Акад. проект, 2004. – 864 с.

325. Большой толковый социологический словарь (Collins) : пер. с англ. : в 2 т. / Д. Дэвид, Дж. Дэвид. – М. : Вече : АСТ, 1999. – Т. 2. – 528 с.

326. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль – Т. 1. – М. : Рус. яз., 1981. – 699 с.

327. Краткая философская энциклопедия. – М. : Прогресс, 1994. – 575 с.

328. Мой словарь = My-dictionary : [сайт]. – Режим доступа: http://my-dictionary.ru/ (дата обращения: 22.03.2014). – Загл. с экрана.

329. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 13-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1981.

330. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. И. Шведова. – М. : Рус. яз., 1995. – 816 с.

331. Оксфордский словарь. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://oxforddictionaries.com/definition/ english/security?q=secu

rity (дата обращения: 22.03.2014). – Загл. с экрана.

332. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. – М. ; Бишкек ; Екатеринбург : Одиссей, 1996. – 806 с.

333. 331. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1989. – 815 с.

334. Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Электрон. текстовые дан. – Минск : Кн. Дом, 2003. – 1312 с. – Режим доступа: http://voluntary.ru/dictionary/568/word/bezopasnost (дата обращения: 22.03.2014). – Загл. с экрана.

335. Энциклопедический словарь А. Ф. Брокгауза, И. А. Эфрона. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/ (дата обращения: 22.03.2014). – Загл. с экрана.

336. Энциклопедия «Британика». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.britannica.com/EBchecked/topic /551402/social-security (дата обращения: 22.03.2014). – Загл. с экрана.

Авторефераты и диссертации

337. Антюшин, С. С. Технико-технологическая безопасность современной России (Социально-философский анализ) : автореф. дис. … канд. филос. наук / С. С. Антюшин. – М. : [Б. и.], 2013. – 22 с.

338. Атаманов, Г. А. Информационная безопасность в современном российском обществе (социально-философский аспект) : автореф. дис. … канд. филос. наук / Г. А. Атаманов. – Волгоград : [Б. и.], 2006. – 24 с.

339. Барышев, Р. А. Киберпространство и проблема отчуждения : автореф. дис. … канд. филос. наук / Р. А. Барышев. – Красноярск : [Б. и.], 2009. – 24 с.

340. Баженов, С. В. Трансформация российской идентичности в процессе информационного противоборства в условиях глобализации : автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. В. Баженов. – Ростов н/Д : [Б. и.], 2010. – 25 с.

341. Богдаков, Д. В. Типология социально-коммуникативной сферы современного общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д. В. Богдаков. – Н. Новгород : [Б. и.], 2013. – 22 с.

342. Богданова, М. А. Теоретические аспекты совершенствования государственной политики развития информационного пространства и обеспечения информационной безопасности России в современных условиях : автореф. дис. … канд. полит, наук / М. А. Богданова. – М. : [Б. и.], 2006. – 20 с.

343. Бородин, А. С. Информационная безопасность в современной России: политологический анализ : автореф. дис. … канд. полит. наук / А. С. Бородин. – СПб. : [Б. и.], 2009. – 22 с.

344. Брун, О. Е. Развитие теории социальных сетей: от локального к глобальному социуму : автореф. дис. … канд. социол. наук / О. Е. Брун. – М. : [Б. и.], 2012. – 25 с.

345. Владимирова, Т. В. Социальное взаимодействие как информационный процесс : автореф. дис. … канд. филос. наук / Т. В. Владимирова. – М. : [Б. и.], 2007. – 20 с.

346. Возженников, А. В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения : автореф. дис. … д-ра полит. наук / А. В. Возженников. – М. : [Б. и.], 2002. – 53 с.

347. Воронович, Н. К. Интернет как угроза информационной безопасности России : автореф. дис. … канд. социол. наук / Н. К. Воронович. – Краснодар : [Б. и.], 2012. – 24 с.

348. Гугуева, Д. И. Процессы дифференциации в сообществах глобальной сети интернет : автореф. дис. … канд. социол. наук / Д. И. Гугуева. – Ростов н/Д : [Б. и.], 2013. – 31 с.

349. Гухман, В. Б. Философская сущность информационного подхода : автореф. дис. … д-ра филос. наук / В. Б. Гухман. – М. : [Б. и.], 2001. – 38 с.

350. Дьяков, А. А. Социально-философский анализ коммуникативных оснований социальной практики : автореф. дис. … канд. филос. наук / А. А. Дьяков. – Саратов : [Б. и.], 2012. – 20 с.

351. Жабина, В. В. Риски инновационного развития общества: социально-философский анализ : автореф. дис. … канд. филос. наук / В. В. Жабина. – Саратов : [Б. и.], 2013. – 20 с.

352. Журавлева, Е. Ю. Глобальная информационная компьютерная сеть Интернет: проблемы становления и развития (социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук / Е. Ю. Журавлева. – Вологда : [Б. и.], 2002. – 143 с.

353. Зотов, В. В. Информационно-коммуникативные основы институциональных изменений современного российского общества : автореф. дис. … д-ра социол. наук : 22.00.04 / В. В. Зотов ; [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. – М. : [Б. и.], 2009. – 46 с.

354. Иванов, Д. В. Эволюция критической теории общества : дис. ... канд. социол. наук / Д. В. Иванов. – СПб., 1998. – 159 с.

355. Иншаков, М. В. Обеспечение информационной безопасности России в условиях становления глобального информационного

общества : автореф. дис. … канд. полит. наук / М. В. Иншаков. – М. : [Б. и.], 2007. – 23 с.

356. Кашперский, В. И. Специфика объективного содержания информационных явлений : автореф. дис. … канд. филос. наук / В. И. Кашперский. – Киев : [Б. и.], 1977. – 24 с.

357. Коноплев, Е. С. Информационные практики в современном обществе: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук / Е. С. Коноплев. – М. : [Б. и.], 2007. – 168 с.

358. Кузнецов, П. У. Теоретические основания информационного права : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.14 / П. У. Кузнецов. – Екатеринбург : [Б. и.], 2005. – 410 с. – РГБ ОД, 71:06-12/88.

359. Кульминская, А. В. Социальная общность блогеров: становление и развитие в российском обществе : автореф. дис. … канд. социол. наук / А. В. Кульминская. – Екатеринбург : [Б. и.], 2013. – 20 с.

360. Кутюгин, Д. И. Интернет как коммуникативное пространство информационного общества : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / Д. И. Кутюгин ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М. : [Б. и.], 2009. – 22 с.

361. Лавренчук, Е. А. Аутопойесис социальных сетей в Интернет-пространстве : дис. … канд. филос. наук / Е. А. Лавренчук. – М. : [Б. и.], 2011. – 178 с.

362. Левин, А. А. Приоритетные направления деятельности государства по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации (политологический анализ) : автореф. дис. … канд. полит. наук : 20.01.02 / А. А. Левин. ; науч. рук. А. В. Возженников ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М. : [Б. и.], 2004. – 25 с. : рис.. – Библиогр.: с. 24 (5 назв.) и в примеч.

363. Логинова, М. А. Сетевые процессы в социальном взаимодействии : дис. ... канд. филос. наук / М. А. Логинова. – Новосибирск : [Б. и.], 2011. – 151 с.

364. Лопатина, Н. В. Теоретико-методологические основания управления информатизацией в России : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Н. В. Лопатина. – М. : [Б. и.], 2008. – 52 с.

365. Лысенко, В. А. Структурно-функциональные изменения информационно-коммуникационной среды российского общества : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04./ В. А. Лысенко. – М. : [Б. и.], 2011. – 19 с.

366. Мандрыка, С. М. Государственная безопасность России в условиях современной стратегической нестабильности: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. М. Мандрыка. – М. : [Б. и.], 2008. – 24 с.

367. Маслова, М. В. Гуманитарная безопасность современного российского общества: содержание, риски и направления развития : автореф. дис. ... канд. филос. наук / М. В. Маслова. – М. : [Б. и.], 2013. – 23 с.

368. Моздаков, А. Ю. Социально-философские аспекты проблемы безопасности : дис. ... канд. филос. наук / А. Ю. Моздаков. – Великий Новгород : [Б. и.], 2008. – 149 с.

369. Немыкина, О. И. Глобализация виртуальной реальности и информационная безопасность : автореф. дис. … канд. филос. наук / О. И. Немыкина. – Саранск : [Б. и.], 2011. – 20 с.

370. Невесенко, Е. Д. Влияние виртуальных сетевых сообществ и сети Интернет на развитие социальной активности молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е. Д. Невесенко. – СПб. : [Б. и.], 2014. – 23 с.

371. Орехов, С. И. Виртуальная реальность: исследование онтологических и коммуникационных основ : дис. … д-ра филос. наук / С. И. Орехов. – Омск : [Б. и.], 2002. – 159 с.

372. Паринов, С. И. Онлайновые сообщества: методы исследования и практическое конструирование : автореф. дис. … д-ра техн. наук / С. И. Паринов. – Электрон. текстовые дан. – Новосибирск : [Б. и.], 2000. – Режим доступа: http://nsk.socionet.ru/~parinov/autoref.htm. – Загл. с экрана.

373. Полякова, Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Т. А. Полякова. – М. : [Б. и.], 2008. – 38 с.

374. Поправко, В. Н. Интернет-сообщества: специфика и роль в формировании социального пространства : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / Поправко Василий Николаевич ; [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. – Томск : [Б. и.], 2011. – 19 с.

375. Путилова, Е. А. Интернет как фактор формирования информационного общества : автореф. дис. … канд. социол. наук / Е. А. Путилова. – Тюмень : [Б. и.], 2004. – 27 с.

376. Радкевич, А. Л. Социальные интернет-практики россиян в условиях формирования информационного общества : автореф. дис. … канд. социол. наук / А. Л. Радкевич. – М. : [Б. и.], 2009. – 24 с.

377. Роин, О. А. Информационная безопасность как форма социального взаимодействия : автореф. дис. … канд. социол. наук / О. А. Роин. – Сочи : [Б. и.], 2011. – 24 с.

378. Романович, А. Л. Развитие и безопасность социоприродных систем: Философско-методологический анализ : автореф. дис. … д-ра

филос. наук / А. Л. Романович ; Науч. консультант А. Д. Урсул ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М. : [Б. и.], 2004. – 60 с. – Библиогр.: с. 55–59, а также в примеч.

379. Седов, Е. А. Философский анализ информационно-энтропийных процессов развития : автореф. дис. … д-ра филос. наук / Е. А. Седов. – М. : [Б. и.], 1983. – 45 с.

380. Семигин, Г. Ю. Политическая стабильность общества в условиях реформ : автореф. дис. … д-ра филос. наук / Г. Ю. Семигин. – М. : [Б. и.], 1996. – 52 с.

381. Соколова, А. М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук / А. М. Соколова. – Красноярск : [Б. и.], 2007. – 174 с.

382. Струк, Е. Н. Социальные пределы инновационных изменений: философско-методологический анализ : автореф. дис. … д-ра филос. наук / Е. Н. Струк. – Красноярск : [Б. и.], 2013. – 42 с.

383. Судоргин, О. А. Императивы и приоритеты политики обеспечения информационной безопасности России : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / О. А. Судоргин. – М. : [Б. и.], 2005. – 40 с.

384. Тихонов, О. В. Трансформация феномена идентичности в пространстве сети Интернет : автореф. дис. … канд. филос. наук / О. В. Тихонов. – Казань : [Б. и.], 2013. – 20 с.

385. Юрченко, И. В. Национальная и региональная безопасность как политическая стратегия современной России : автореф. дис. … д-ра полит. наук / И. В. Юрченко. – Ростов н/Д : [Б. и.], 2009. – 51 с.

Электронные ресурсы

386. Аналитический доклад Института социологии РАН «Национальная безопасность России в оценках экспертов» / Полина Давлетшина // Наука и образование : [сайт]. – 2012, март. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.gosbook.ru/node/47171. – Загл. с экрана.

387. Бачило, И. Л. Информационное право / И. Л. Бачило, В. Н. Лопатин, М. А. Федотов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 789 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://vse-uchebniki.com/informatsionnoepravorosii/121-ponyatie-predmet-informatsionnoy.html (дата обращения: 23.08.2013). – Загл. с экрана.

388. Белинская, Е. П. Человек в информационном мире / Е. П. Белинская // Блог «Киберпсихология». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://cyberpsy.ru/2011/02/belinskaya-e-p-chelovek-v-informacionnom-mire/ (дата обращения: 03.12.2010). – Загл. с экрана.

389. Владимирова, Т. В. К социальной природе понятия «информационная безопасность» / Т. В. Владимирова // NB: Национальная безопасность. – 2013. – № 4. – С. 78–95. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/nb/article_596.html). – Загл. с экрана.

390. Владимирова, Т. В. Рост «потребности в Неотрицаемом» и безопасность общества / Т. В. Владимирова // NB: Национальная безопасность. – 2013. – № 3. – С. 136–157. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/nb/article_595.html). – Загл. с экрана.

391. Владимирова, Т. В. Проблема устойчивости порядка как угроза безопасности / Т. В. Владимирова // NB: Национальная безопасность. – 2013. – № 2. – С. 67–87. – DOI:10.7256/2306-0417.2013.2.590. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/nb/article_590.html. – Загл. с экрана.

392. Владимирова, Т. В. Интенсивность коммуникаций практик новых мобильностей и информационная безопасность / Т. В. Владимирова // NB: Проблемы общества и политики. – 2014. – № 1. – С. 89–111. – DOI: 10.7256/2306-0158.2014.1.10918. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_10918.html. – Загл. с экрана.

393. Владимирова, Т. В. О значении новых мобильностей для безопасности / Т. В. Владимирова // NB: Национальная безопасность. – 2014. – № 1. – С.9–23. – DOI: 10.7256/2306-0417.2014.1.11164. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/nb/article_11164.html. – Загл. с экрана.

394. Владимирова, Т. В. О едином ключе в понимании обеспечения информационной безопасности / Т. В. Владимирова // NB: Национальная безопасность. – 2014. – № 2. – С. 111–127. – DOI: 10.7256/2306-0417.2014.2.11811. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/nb/article_11811.html. – Загл. с экрана.

395. Грановеттер, М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности / М. Грановеттер. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf#page=44.– Загл. с экрана.

396. Давыдов, А. А. Развитие Интернет-технологий – вызов современной российской социологии / А. А. Давыдов. – М. : ИС РАН, 2008. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?pageid=957 (дата обращения: 16.09.2010). – Загл. с экрана.

397. Дугин, А. Г. Сетевые войны : [доклад] / А. Г. Дугин // Изборгский клуб. Доклады Изборгского клуба. – Электрон. текстовые

дан. – Режим доступа:http://www.dynacon.ru/content/articles/2319/. – Загл. с экрана.

398. Жичкина, А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете / А. Е. Жичкина. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://flogiston.ru/articles/netpsy. – Загл. с экрана.

399. Зуев, А. Г. Нетократия / А. Г. Зуев, Л. А. Мясникова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://compucity.narod.ru/netocratia.htm. – Загл. с экрана.

400. Иванченко, Д. А. Интерпретация Интернет-пространства в дискурсе социологии / Д. А. Иванченко. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://club.fom.ru/entry.html?entry=3080. – Загл. с экрана.

401. Кремлева, С. О. Сетевые сообщества / С. Кремлева // HR-Portal. Сообщество HR-Менеджеров. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.hr-portal.ru/article/so-kremleva-setevye-coobshchestva (дата обращения: 17.02.2011). – Загл. с экрана.

402. Кудашев, В. И. Эпистемологические проблемы понятия «знание» / В. И. Кудашев, М. А. Петров. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/29.html. – Загл. с экрана.

403. Луман, Н. Решения в «информационном обществе» / Н. Луман. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_i.html). – Загл. с экрана.

404. Мелюхин, И. С. Информационное общество и баланс интересов государства и личности // Информационное общество. – 1997. – № 4–6. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/23d97560ce093100c32575bc002dfc6c (дата обращения 17. 03. 2014) . – Загл. с экрана.

405. Нестеров, В. К вопросу о динамике сетевых сообществ / В. Нестеров // Русский Гуманитарный Интернет-Университет : [сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.i-u.ru. – Загл. с экрана.

406. Нестеров, В. Что выплавляют из «тонн словесной руды», или попытка реабилитации чатов / В. Нестеров. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http:// flogiston.ru/articles/netpsy. – Загл. с экрана.

407. Пережогин, Л. О. Интернет-аддикция в подростковой среде / Л. О. Пережогин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.rusmedsery.com/psychsex. – Загл. с экрана.

408. Тираспольский, Л. К вопросу жанра виртуальной конференции / Л. Тираспольский // Компьютера ONLINE. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.computerra.ru/offine/2000/362/4482/. – Загл. с экрана.

409. Чеботарева, Н. Д. Интернер-форум как виртуальный аналог психодинамической группы / Н. Д. Чеботарева. – Электрон. текстовые

дан. – Режим доступа: www.library.by/portalus/modules/psychology. – Загл. с экрана.

Источники на иностранном языке

410. Bell, D. The coming of Post-Industrial Society : A Venture in Social Forecasting / D. Bell. – 2nd ed. – N. Y. : Basic Books, 1976. – 507 p.

411. Bourdieu, P. The forms of capital / P. Bourdieu // Handbook of theory and research for the sociology of education / ed. by J. G. Richardson. – N. Y. : Greenwood, 1985. – P. 241–258.

412. Burt, R. The Social Capital of Social Holes / R. Burt // New Directions in economic Sociology : Russell Sage Foundation / M. Guillen, R. Collins, P. England. – N. Y., 2001. – C. 201–247.

413. Castells, M. The Rise of the Network Society / M. Castells. – Second Edition. – Oxford : Blackwell Publishing, 2000. – 597 p.

414. Castells, M. The Informational Age : Economy, Society and Culture : 3 volumes / M. Castells. – Oxford. – Vol. 1 : The Rise of Network Society. – 2nd Edition. – 2000. – 656 p. ; Vol. 2 : The Power of Identity. – 1997. – 584 p. ; Vol. 3 : End of Millenium, – 2nd Edition. – 2000. – 488 p.

415. Crook, S. Postmodernisation: change in advanced society / S. Crook, J. Pakulsky, M. Waters. – L. : SAGE Publications, 1992. – 223 p.

416. Coleman, J. S. Foundations of social theory / J. S. Coleman. – Cambrige : The Bellhop Press of Harvard College, 1994. – 993 p.

417. Dziebel, G. On Anthony Giddens Concept of Ontological Security, the Problem oí Human Motivational Grounds and the Paradoxes of Consciousness / G. Dziebel. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.kinshipstudies.org/MAsociology/CEU.OntologicalSecurityPaper.pdf. – Title from screen.

418. Eisenstadt, S. Tradition, change and modernity / S. Eisenstadt. – N. Y. : John Wiley & Sons, 1973. – 367 p.

419. Etzioni, A. The active society: a theory of societal and political processes / A. Etzioni. – L. : Collier-Macmillan ; N. Y. : Free Press, 1968. – 698 p.

420. Featherstoune, M. Global Culture: An Introduction / M. Featherstoune // Global Culture. Nationalism, Globalization and Modernity. – L. : SAGE Publications, 1990. – 416 p.

421. Gates, B. The Road Ahead / B. Gates. – N. Y. : Viking Pr., 1995. – 304 p.

422. Giddens, A. Modernity and self-idenlity / A. Giddens. – Stanford (Cal.) : Stanford univ. press, 1991. – VII, 256 p.

423. Giddens, A. Fate, Risk and Security / A. Giddens // Modernity and Self-Identity : Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Cambridge, 1991. – 264 p.

424. Granovetter, Mark. Economic Action and Social Structure: the Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. – November 1985. – Vol. 91. – P. 48–510.

425. Heim, M. The metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice and promise / M. Heim. – Westport; London, 1991. – P. 27–33.

426. Huntington, S. P. Political Order in Changing Societies / S. P. Huntington. – Princeton : Yale University Press, 1968. – 263 p.

427. Kroker, A. Data trash. The theory of the virtual class / A. Kroker, M. Weinstein. – N. Y. : St. Martin Press, 1994. – 160 p.

428. 426. Knorr-Cetina, K. The Manufacture of Knowiedge / K. Knorr-Cetina. – Oxford : Pergamon Press, 1981. – 189 p.

429. Lash S. Critique of Information / S. Lash. – L. : SAGE Publications, 2002. – 256 p.

430. Lash S. Sociology of Postmodernism. – L. : Routledge, 1990. – 300 p.

431. Lash, S. Economies of Signs and Spaces / S. Lash, G. Urry. – L. : Sage, 1994. – 368 p.

432. Luhmann, N. Closure and openness: On reality in the world of law / N. Luhmann // Autopoietic law: A new approach to law and society / Ed. by G. Teubner. – Berlin : de Gruyter, 1988. – P. 335–348.

433. Luhmann, N. Law as a social system / N. Luhmann. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 498 p.

434. Luhmann, N. Protest: System the one und Soziale Bewegungen / N. Luhmann. – Frankfurt a/M. : Suhrkamp Verlag, 1996. – 216 p.

435. Masuda, J. The Information Society as Post-Industrial Society / J. Masuda. – Washington, D. C. : World Future Society, 1981. – 171 p.

436. McLuhan, M. Understanding Media : The Extensions of Man / M. McLuhan. – Cambridge : MIT Press, 1994. – 392 p.

437. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / Robertson. – L. : Sage, 1992.– 567 p.

438. Shanon, C. E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication / C. E. Shanon, W. Weaver. – Urbana : University of Illinois Press, 1971. – 144 p.

439. Toffler, A. The Adaptive Corporation / A. Toffler. – L. : Gower Publishing, 1985. – 217 p.

440. Wasserman, S. Social Network Analysis : Methods and Applications / S. Wasserman, K. Faust. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 211 p.

441. Wiener, N. Cybernetics / N. Wiener. – N. Y. : J. Wiley, 1948. – 194 p.

442. Urry, I. Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century / I. Urry. – L. ; N. Y. : Routledge, 2000. – 272 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ВЛАДИМИРОВА
Татьяна Валерьевна

Кандидат философских наук.

Автор научных трудов, посвященных анализу трансформации систем социального взаимодействия, выработке подходов к пониманию безопасности общества в условиях роста социальных информационных процессов.

В 2007 году защитила диссертацию «Социальное взаимодействие как информационный процесс».

Область научных интересов: философия и социология безопасности, социология информационной безопасности, теории коммуникации, теории информационного общества.

Темы текущих исследований: национальная и государственная безопасность, угрозы национальной и государственной безопасности, социальная природа информационной безопасности, практики обеспечения информационной безопасности.

Является постоянным автором научного журнала «Национальная безопасность / Nota bene».

Индекс Хирша – 5.
E-mail: t-vlad@ngs.ru

Научное издание

Владимирова Татьяна Валерьевна

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

МОНОГРАФИЯ

Автономная некоммерческая организация содействия развитию
современной отечественной науки
Издательский Дом «Научное обозрение»

127051 г. Москва, пер. Сухаревский М., д. 9, стр. 1, офис 56а.
Ст. метро «Трубная» или «Цветной бульвар».
Тел./факс: 8 (499) 638-47-04.
E-mail: russian-science@mail.ru

Ответственная за выпуск *М.В. Васильева.*
Компьютерная верстка и корректура *О.С. Кашук*

Подписано в печать 14.09 2014 г. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ .